Валеріанъ Патекъ (В. Славичъ).

Большевики въ Болгаріи.

Исповѣдь Смѣновѣховца

Содержаніе: Прологъ. Безъ родины. Нѣсколько словъ о смѣновѣховствѣ. Первая прокламація. Н. А. Казминъ. Земледѣльческій съѣздъ. Послѣ съѣзда. Войск. Старшина Дудаковъ. Мироновъ. Чекисты. Странная бесѣда. Адамовичъ. Іоль — де Монкларъ. Озоль. Студентъ Низяевъ. Колеблющіеся. Шпана и Чайкинъ. Собранія Совнарода. „Генералы." Генералъ В. Л. Покровскій. „Новая Россія". Профессоръ Гриммъ. А. М. Агѣевъ. Конецъ Агѣева. Болото. Николай Литвинъ. РОКК. Анкета. Исповѣдь. Разрывъ. Заключеніе.

Софія

Валеріанъ Патекъ (В. Славичъ.)

Исповѣдь смѣновѣховца

Содержаніе: Прологъ. Безъ родины. Нѣсколько словъ о смѣновѣховствѣ. Первая прокламація. Н. А. Казминъ. Земледѣльческій съѣздъ. Послѣ съѣзда. Войск. Старшина Дудаковъ. Мироновъ. Чекисты. Странная бесѣда. Адамовичъ. Іоль—де Монкларъ. Озоль. Студентъ Низяевъ. Колеблющіеся. Шпана и Чайкинъ. Собраніе Совнарода. „Генералы.“ Генералъ В. Л. Покровскій. „Новая Россія“. Профессоръ Гриммъ. А. М. Агѣевъ. Конецъ Агѣева. Болото. РОКК. Исповѣдь. Анкета. Разрывъ. Н. Литвинъ. Заключеніе.

София
Ул. Регентска. Печ. „Обзоръ“.
1924. г.

Изданіе первое.

. . . Тѣмъ, кто въ тяжелыхъ испытаніяхъ, на чужбинѣ, тоскуетъ по своей родинѣ, кто мечется духомъ въ смертельной тоскѣ по своимъ роднымъ и близкимъ, оставшимся въ бывшей Россіи, и тѣмъ, кто, убаюканный разсказами продажныхъ совѣтскихъ агентовъ о воскрешеніи нашей отчизны подъ властью красныхъ палачей хочетъ вѣрить въ чудесную сказку о новой Россіи, — я посвящаю свою книгу.

Она, эта книга, написанная слезами и кровью, разскажетъ имъ страшную правду о тѣхъ жуткихъ людяхъ, которые нынѣ держатъ въ своихъ рукахъ судьбы нашей несчастной Родины.

Валеріанъ Патекъ.

Авторъ этой книги, — Валеріанъ Патекъ (В. Славичъ) — русскій журналистъ съ опредѣленнымъ профессіональнымъ стажемъ: его имя было извѣстно въ Поволжьѣ какъ редактора самой распространенной въ краѣ газеты „Саратовская Почта“. Въ періодъ „Керенщины“ онъ состоялъ ночнымъ редакторомъ (выпускающимъ) газеты „День“ въ Петербургѣ.

Въ дни гражданской войны редактировалъ на Кубани (въ Екатеринодарѣ) цѣлый рядъ казачьихъ газетъ: „Набатъ“ „Голосъ Кубанца“, „Слово Кубанца“, „Кубанская Мысль“. „Кубанская Земля“, „Кубанская Жизнь“ и др..

Издательство.

Вмѣсто предисловія.

„Не войну и разрушеніе, а мирный трудъ нашей Родинѣ!“

„Свободный путь въ свободную Россію, свободной волею признавшимъ власть труда!“

И печать:

— Двѣ руки въ братскомъ рукопожатіи.

Съ этого начали свою дѣятельность прибывшіе въ Болгарію тайные агенты Москвы, при помощи заранѣе завербованныхъ „смѣновѣховцевъ“ изъ числа бывшихъ представителей эмиграціи.

Свободный путь — въ свободную Россію!

Да, это сказка, въ которую хотѣлось безумно вѣрить многимъ и въ которую, Господи помилуй, повѣрили многіе.

Самъ Дьяволъ не смогъ бы придумать лучшаго искушенія для своихъ павшихъ духомъ жертвъ.

Да, хочется думать, что если въ мірѣ существуютъ двѣ взаимно враждебныхъ разумныхъ силы Добра и Зла, то въ долгихъ томительныхъ дняхъ россійской трагедіи главнымъ режиссеромъ является самъ Сатана.

Ибо кто же, кто же, какъ не онъ, хитрый и лукавый Дьяволъ, князь тьмы и творецъ бездоннаго отчаянья, — кто же другой смогъ бы довести когда то великій богоносный народъ до безпросвѣтнаго рабства, а цѣлые слои его интеллигенціи, продавшейся большевикамъ, до безпредѣльной подлости.

Свободный путь — въ свободную Россію! — выдумалъ заманчивую сказку Дьяволъ.

И жатва его велика и обильна.

На тысячи и сотни тысячъ могилъ честныхъ бойцовъ за благо Родины, на милліоны могилъ несчастныхъ рабовъ когда-то Р. С. Ф. С. Р., а нынѣ С. С. С. Р., еще напрасно легли затуманенныя тоской по родинѣ головы многихъ тысячъ изгоевъ, взыскующихъ мира и покоя.

Страшные люди взяли въ видѣ своего орудія чудесныя, магическія слова и сотворили свое жуткое и полное дьявольскаго трагизма дѣло.

Когда мы вернемся на родную землю, то многихъ не досчитаемся въ живыхъ изъ тѣхъ, кто поспѣшилъ въ послѣднюю минуту смѣнить тяжелый крестъ изгнанія на „Царство свободнаго труда и свободнаго народа.“

ПРОЛОГЪ.

Надъ Бѣлой Идеей повисла бѣлая смерть . . .

Ибо дѣла и подвиги вождей бѣлаго движенія Алексѣева, Корнилова, Маркова, Каледина, Колчака, Дроздовскаго и ихъ тысячъ бойцовъ, павшихъ на поляхъ битвъ во имя спасенія отчизны, — были какъ снѣгъ чисты.

Ихъ легендарные подвиги не смогли быть запятнаны ни развапомъ бѣлаго фронта, ни черной измѣной людей, для которыхъ партійныя мелкія дрязги были превыше блага отечества, ни грязной провокаціей тыловыхъ негодяевъ.

Бѣлая Идея умерла на кровавыхъ поляхъ Россіи бѣлою смертью. Она умерла тамъ, чтобы вновь воскреснуть у старыхъ и славныхъ знаменъ за рубежомъ.

Пусть мы въ изгнаніи явили міру печальную картину нашего разногласія, пусть въ хорѣ нашихъ несогласныхъ голосовъ общественное мнѣніе Запада увидѣло отсутствіе у насъ единой воли, но въ одномъ мы несомнѣнно едины и непоколебимы !

— Въ горячемъ желаніи видѣть Россію, нашу дорогую родину, освобожденной отъ цѣпей краснаго рабства.

Многіе ушли отъ насъ для того, чтобы покорно склонить выю предъ сапогомъ красноармейца, — и пусть.

Тѣмъ меньше среди насъ будетъ робкихъ и слабыхъ сердцемъ, тѣмъ скорѣе произойдетъ наше равненіе по единому фронту.

И тѣмъ скорѣе вновь воскреснетъ и претворится въ дѣло Бѣлая Идея.

Ибо она умерла чистою бѣлою смертью. Имена честно погибшихъ вождей ея — этому служатъ порукой . . .

. . . .

Умирала Бѣлая Идея. Умирала въ мучительныхъ судорогахъ, обнажая россійскія равнины для буйныхъ таборовъ охваченныхъ краснымъ безуміемъ людей.

Уже недалеко у столицы Кубани ухали большевицкія орудія, а кони Буденнаго утоляли жажду изъ ея рѣки . . .

Это была послѣдняя ночь дома, у родного очага.

Я и моя жена спали тяжелымъ и тревожнымъ сномъ передъ разлукой.

Ночью я проснулся отъ ея плача.

— Что съ тобой? — спросилъ я ее.

— Нехорошо мнѣ, — сказала она, — я сейчасъ только почувствовала и поняла, что ждетъ тебя впереди. Будешь ты ободраный босой, бродить гдѣ нибудь далеко отъ меня, голодный . . . Будутъ тебя терзать паразиты и не будетъ у тебя чистой рубашки. Не будетъ кровли у тебя, а будешь ты валяться въ грязи безъ изголовья, какъ нищій. И не будетъ у тебя ни радости ни просвѣта . . . Я знаю, что тебя обидятъ многіе люди, которымъ ты будешь вѣрить, и поэтому я плачу.

— Что съ тобой, что ты говоришь? - удивился я.

— Да, это будетъ, будетъ; и потому такъ мучительно болитъ мое сердце!

Мнѣ стало страшно.

Такъ моя жена не говорила никогда.

Нынѣ я четыре года въ изгнаніи и вижу, что она въ своемъ странномъ пророчествѣ была права.

Но знала ли она, что самый тяжкій ударъ въ изгнаніи нанесетъ она сама? Знала ли, что во имя ея, во имя жажды свиданія съ ней, я пойду противъ своей

совѣсти на службу своимъ перомъ къ тѣмъ, кто отнялъ у меня мой семейный очагъ!

Нѣтъ, не знала, иначе бы она тогда же удавилась отъ угрызеній совѣсти, ибо раньше была честна.

Нынѣ она счастлива и живетъ новой жизнью. Я бы хотѣлъ только одного, чтобы ея счастье было вѣчнымъ и безмятежнымъ.

И если такъ будетъ, то я принимаю спокойно всѣ удары бросаемыхъ въ меня камней бывшими моими друзьями и соратниками по тернистому пути Бѣлой Идеи.

Во имя ея я принесъ въ жертву вторую любовь — Бѣлую Идею.

Но эта жертва оказалась запоздалой и напрасной.

Такъ пусть же на огнѣ моей муки будетъ нерушимо ея благополучіе!

I

Безъ родины.

Длинные и тусклые осенніе вечера . . .

Надъ дырявой крышей грязнаго и неуклюжаго барака „общежитія“ нудно и тоскливо воетъ неугомонный вѣтеръ и, какъ будто, плачетъ . . .

О чемъ? Слава Богу, есть о чемъ поплакать неугомонному вѣтру, мятущемуся по всѣмъ концамъ земли и безстрастно наблюдающему безконечную драму человѣчества, запутавшагося и въ новомъ экономическомъ тупикѣ, и среди новыхъ невѣдомыхъ политическихъ дорогъ, — и обожженнаго четырехлѣтнимъ заревомъ краснаго пожара все же до сихъ поръ великой необъятными пространствами Россіи!

Вѣдь еще не залѣчены старыя раны міровой кро-

вавой бойни, а уже надъ народами витаетъ новый призракъ смерти . . .

Плачетъ заунывно осеннiй вѣтеръ надъ дырявою крышей барака, а внутри его тускло мерцаютъ двѣ электрическихъ лампочки, горящихъ всю ночь по двумъ, весьма основательнымъ причинамъ: во избѣжанiе кражъ, совершаемыхъ опустившимися случайными обитателями „общежитiя" и, главнымъ образомъ, изъ за всевозможныхъ паразитовъ.

— При свѣтѣ клопы и прочая дрянь меньше атакуютъ . . . Они, вѣдь, публика умная! — Острятъ ночлежники.

И все же, несмотря на безпрерывный свѣтъ, люди не спятъ: паразиты даютъ себя чувствовать!

Всѣ энергично почесываются и подъ заунывный вой вѣтра ведутъ безконечные разговоры.

Теперь меньше бесѣдъ на политическiя темы: надоѣло, и всѣ надежды утрачены давно. Тема разговоровъ — впечатлѣнiя перенесеннаго во время скитанiя на чужбинѣ.

Слушаешь этотъ людской муравейникъ и диву даешься: гдѣ только не бывалъ русскiй скиталецъ, чего только не испробовалъ онъ въ изгнанiи!

По лицу земли разбросала злая судьба бездомную и обойденную скромнымъ счастьемъ покоя несчастную Русь.

Ко мнѣ, въ полудремотѣ, доносятся отрывки фразъ:

— Когда я выбрался изъ Харбина въ Шанхай . . . — эпически спокойно повѣствуетъ дряхлый отъ лишенiй полковникъ.

— Виноватъ, — вмѣшиваюсь я въ разговоръ, — это какимъ же образомъ?

— Да я, вотъ, съ Дальняго Востока прибылъ сюда

нѣсколько дней назадъ . . .

— Ну какъ же тамъ? —настораживаюсь я.

— А вотъ, послушайте дальше . . .

И полковникъ — старый кадровый офицеръ, типичный русскій интеллигентъ, продолжаетъ:

— Когда я попалъ въ Шанхай, тогда уже убѣдился окончательно въ томъ, что ничего тамъ хорошаго для насъ не выйдетъ. Все запуталось среди мелкихъ интригъ хитросплетенной восточной политики, у которой русская междоусобица является лишь выгоднымъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ . . . Тогда я рѣшилъ пробираться на Балканы въ славянскія страны . . .

— А какъ тамъ на счетъ работы? — интересуется кто то.

— Плохо. Никакой работы нѣтъ, напрасно многіе здѣсь превращались въ сибиряковъ *) и пытались, вмѣстѣ съ коренными сибиряками, пробираться туда . . .

— Да и здѣсь вѣдь не медъ . . . — перебиваютъ его.

— Здѣсь лучше. Здѣсь нѣтъ этой желтой расы съ которой никакому русскому рабочему конкурировать невозможно. Японцы, китайцы — народъ выносливый и довольствуются горстью риса въ сутки . . . Попробуйте-ка посидѣть на этомъ благородномъ злакѣ! И, конечно, они работаютъ вездѣ, а русскимъ плохо, даже ужасно. Всѣ оттуда рвутся сюда . . . Ну, въ Шанхаѣ, напримѣръ, тѣ, кто попалъ въ разносчики газетъ, были счастливчиками. За мѣсто на улицѣ для продажи газетъ

*) Одно время Лига Націй, въ дни существованія правительства Меркулова во Владивостокѣ, предполагала отправить русскихъ бѣженцевъ „сибиряковъ“ на Дальній Востокъ. Это побудило многихъ русскихъ записываться въ уроженцы Сибири.

идетъ вѣчная отчаянная борьба. Кромѣ этого заработка, нѣсколько десятковъ человѣкъ попало въ типографіи наборщиками, а остальные голодаютъ и живутъ за счетъ Божьяго Промысла. . . .

Далѣе полковникъ монотонно разсказываетъ о томъ, какимъ чудомъ онъ пробрался сюда.

— Два съ половиной мѣсяца въ морѣ болтался . . . И до сихъ поръ по землѣ ходить какъ то странно.

Въ другомъ углу два казака — кубанца разсказываютъ, какъ они пѣшкомъ пришли изъ Константинополя. Пришли, разумѣется, безъ денегъ и проч.. Черезъ два мѣсяца, при помощи одной лишь казацкой смекалки, прошли всѣ пограничные кордоны и добрались до Софіи.

Есть среди казаковъ и одиночки, которые уже успѣли побывать и въ Бразиліи, и чуть ли не въ Клондайкѣ, тоже безъ всякихъ визъ, средствъ и аттестацій.

Ихъ отрывочные разсказы — фантазія Джека Лондона.

Въ нихъ и поѣздка въ экспрессѣ по безконечнымъ преріямъ, подъ . . . вагономъ, и трюмъ, куда они забрались тайкомъ, переполненный крысами.

— Чуть не слопали насъ живьемъ! — добродушно вспоминаютъ два такихъ „искателя приключеній“.

И всѣхъ этихъ „бродягъ“ поневолѣ потянуло сюда, поближе къ родинѣ.

— Здѣсь какъ будто дома, да и Россія рядомъ — Черное море перешагнулъ и дома, — резюмируютъ они.

Слушаешь, смотришь, наблюдаешь все это, и сердце сжимается мучительной болью все отъ одной и той же назойливой мысли:

— Русь, родимая Русь, когда-же ты возстанешь со своего смертнаго ложа и примешь къ себѣ безконечно любящихъ тебя своихъ сыновъ!

Да, любовь къ родинѣ, вершины ея безумной боли познать сумѣли только тѣ, кто, скитаясь по всему лицу земли, нигдѣ не сумѣли найти утраченной радости быть гражданиномъ своей прекрасной отчизны!

Въ самомъ дальнемъ углу, весь обросшій волосами, въ лохмотьяхъ, сидитъ на койкѣ, поджавъ ноги подъ себя, человѣкъ и, качаясь, читаетъ Евангеліе.

Онъ уже два года, день и ночь, засыпая лишь на нѣсколько часовъ, читаетъ Евангеліе и никакъ не можетъ его кончить.

Мимо меня проходитъ высокій взъерошенный человѣкъ. Это — „генералъ Врангель".

За нимъ почтительно шагаетъ другой, — его начальникъ штаба „генералъ Шатиловъ".

— Прикажите, Ваше Превосходительство, доложить объ этомъ императору, — тихо умоляетъ его „генералъ Шатиловъ."

— Хорошо . . . Хорошо . . . Я подумаю, — отвѣчаетъ „генералъ Врангель".

Оба они направляются, маршируя по военному, къ койкѣ, гдѣ лежитъ „императоръ".

Это тоже взъерошенный и давно немытый человѣкъ.

Всѣ эти четыре человѣка — и „евангелистъ Матѳей", и „генералъ Врангель", и „генералъ Шатиловъ", и „императоръ" — больные и обреченные на вѣчное неизлѣчимое умопомѣшательство люди.

Они давно уже сошли съ ума и доживаютъ свои дни въ этомъ баракѣ.

Раньше — доблестные офицеры Русской Арміи, — теперь живые трупы.

. . . .

Недалеко, около меня, на двухъ деревянныхъ койкахъ расположилась группа типичныхъ русскихъ интел-

лигентовъ и ведетъ нелѣпую и кошмарную по своему глубокомыслію бесѣду:

— Я замѣтилъ, напримѣръ, что у нихъ есть опредѣленные сроки для пріема пищи . ! .

— Обыкновенно, послѣ двѣнадцати ночи .

— Нѣтъ, это потому, что къ этому моменту человѣка клонитъ ко сну, и температура у него повышается, а это даетъ имъ возможность выбираться изъ своихъ гнѣздъ и путешествовать, такъ сказать, теплыми дорогами . . .

— Между прочимъ, я замѣтилъ, что онѣ великолѣпно знаютъ анатомію и водятся преимущественно у тѣхъ мѣстъ, гдѣ проходятъ наши кровеносные сосуды.

— Это ихъ особый подлый инстинктъ, но больше всего они предпочитаютъ поясницу.

Господа, а, вѣдь, когда хочешь снять ее рукой, то она понимаетъ опасность: или торопится спрятаться въ свою щель, въ шовъ, или притворяется мертвой.

— Да, у этой дряни несомнѣнно имѣются мозги.

— И очень разумные.

— Господа, а вы не думали надъ этимъ вопросомъ, какъ, напримѣръ, подъ бѣльемъ, въ абсолютной тьмѣ, самецъ находитъ самку, будучи въ разныхъ частяхъ нашего тѣла?

— Вѣроятно звуками призываютъ другъ друга.

— Какъ звуками?

— Вѣдь не радіо же телеграфъ у нихъ на самомъ дѣлѣ! Значитъ звуками. Вѣдь нашъ слухъ настолько несовершененъ, что звуки многихъ насѣкомыхъ, а можетъ быть и атомовъ намъ не доступны.

— Ахъ, господа, — остритъ кто то, — я каждый день убиваю ихъ по 200-300 штукъ. Что если бы на шеѣ у каждой этой твари былъ бы колокольчикъ, вѣ-

роятно звонъ изъ нашего общежитія разносился бы по всему городу?

— Ха—ха—ха! — раздается дружный смѣхъ собесѣдниковъ.

— Онѣ, — мрачно заявляетъ кто-то, бываютъ трехъ породъ: большія упитанныя, какъ битюги, эти трещатъ какъ орѣхи, когда ихъ давишь, другія мелкія, тѣ впиваются глубоко въ поры нашего тѣла, но самыя мучительныя — это черныя и длинныя, и впиваются какъ иглы . . . Ихъ я больше всего не переношу . . .

— Какой ужасъ, господа, когда даже во снѣ, спишь, чувствуешь и видишь эту гадость, чувствуешь, какъ онѣ лѣзутъ въ глаза, въ уши и даже въ ротъ. Я нѣсколько разъ ихъ выплевывалъ сонный . . .

Я лежу и слушаю этотъ разговоръ и знаю, что рѣчь идетъ о нашемъ неистребимомъ бичѣ:

— Говорятъ люди о вшахъ!

Гудитъ надъ дырявой крышей осенній вѣтеръ, и всѣ, какъ будто, прислушиваются.

— Не несетъ ли онъ изъ страны колоколенъ, широкихъ равнинъ и дремучихъ лѣсовъ радостной вѣсти?

Нѣтъ онъ все плачетъ и плачетъ . . .

. . . .

II

Нѣсколько словъ о „Смѣновѣховствѣ“.

Мнѣ кажется, что вся трагедія русскаго бѣженства заключается въ томъ, что всѣмъ давно извѣстно: во взаимномъ непониманіи.

Происхожденіе этого печальнаго обстоятельства слѣдуетъ искать въ тысячахъ причинъ.

Политическія разногласія, различное матеріальное положеніе, условія жизни въ той или иной странѣ, различная сумма пережитого въ прошлой гражданской войнѣ, — все это дробило и дробитъ до сихъ поръ общность духа эмиграціи.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не дико читать какому нибудь полковнику, занимавшему въ прошломъ опредѣленное, а можетъ быть и большое положеніе, нынѣ четвертый годъ безнадежно бьющемуся, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, со вшами, въ грязныхъ общежитіяхъ и хронически голодающему, — развѣ ему не дико читать въ своей эмиграціонной прессѣ призывы къ долготерпѣнію и мужеству!

Призывы тѣхъ, кто заграницей, такъ или иначе, устроился сносно и можетъ удѣлить часть своихъ досуговъ идейной работѣ на общественномъ поприщѣ!

Кто не испыталъ трехлѣтней муки безпрерывнаго голода, кто незнаетъ, что такое грязь и отсутствіе чистаго бѣлья въ теченіе четырехъ лѣтъ, кто не знаетъ, какъ омерзительна борьба въ грязи съ паразитами, — тотъ никогда не пойметъ страшнаго жеста отчаянія:

Пусть разстрѣляютъ, но я поѣду въ Россію.!

Если прибавить къ этому еще и тѣ положенія, что

многіе оставили въ Россіи родныя семьи, которыя истерически зовутъ ихъ домой, а инымъ разъ навсегда заказанъ путь на родину, — то многимъ станетъ яснымъ различное отношеніе къ вопросу о возвращеніи домой и къ „Смѣновѣховству“.

Бросать камнемъ въ тѣхъ, кто, потерявъ надежду на иной исходъ изъ тяжкаго положенія, рѣшилъ стать на палубу парохода, держащаго курсъ на родную землю, — нельзя.

Ихъ можно только пожалѣть.

Пожалѣть за то, что къ перенесеннымъ ими въ изгнаніи мукамъ у нихъ прибавятся еще новыя пытки:

— Ужасъ разочарованія въ странѣ террора, голода и крови, изъ которой нѣтъ иныхъ дорогъ, кромѣ смерти.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы читатели моей книги нашли бы въ себѣ достаточно хладнокровія для объективнаго отношенія къ этому вопросу.

Я вернувшихся въ Россію не называю большевиками и опредѣленно заявляю, что многія сотни людей, отправившихся въ Совдепію, явились жертвою отчаянія.

Не всѣ, вѣдь, могутъ совершать безпрерывный подвигъ.

Если еще вспомнить условія жизни при режимѣ Стамболійскаго, когда Болгарія почти напоминала Совдепію, тогда станетъ яснымъ выборъ, сдѣланный этими несчастными людьми:

— Лучше быть на родинѣ — въ Совдепіи, чѣмъ здѣсь подвергаться избіеніямъ и гоненіямъ со стороны агентовъ Чайкина и болгарскихъ коммунистовъ.

Надо помнить и международное отношеніе къ большевизму: всѣ эти Генуэзскія и Гаагскія конференціи, заигрываніе великихъ державъ съ Чичеринымъ, — чтобы понять, какой холодъ отчаянія охватывалъ въ то

время русское бѣженство, не видѣвшее, совершенно основательно, никакого просвѣта.

Мнѣ какъ то говорилъ одинъ казакъ „совнародецъ“:

— Ежели великія державы и могущественныя націи ищутъ и идутъ на соглашеніе съ большевиками, то что же намъ, бездомнымъ псамъ, остается дѣлать?

Я думаю, что онъ былъ правъ въ своей горечи.

Поэтому я дѣлю „смѣновѣховствующихъ“ на два разряда:

— На несчастныхъ людей, вынужденныхъ искать выхода этимъ дикимъ, можетъ быть, смертельнымъ для нихъ способомъ, и на завѣдомыхъ мерзавцевъ, мѣняющихъ вѣхи во имя своихъ подлыхъ и продажныхъ цѣлей, которымъ меньше всего дѣла до нашей погибающей отчизны.

Одни идутъ въ Россію, затаивъ въ душѣ глубокую ненависть къ кремлевскимъ палачамъ, другіе пополнить ряды ихъ красной опричины.

III

Первая прокламація.

Около столовой Краснаго Креста толпились бѣженцы, а между ними шмыгали болгарскіе подростки, „члены„ „Болгарской коммунистической партіи“, и раздавали какіе то печатные листки.

Оборванные, частью голодные безработные, остальные мокрые отъ только что брошенной тяжелой работы на постройкахъ, русскіе бѣженцы жадно хватали эти листки.

Взялъ и я.

Это была самая обыкновенная прокламація.

Въ ней говорилось, что истомившіеся въ тоскѣ по

родинѣ русскіе бѣженцы рѣшили сами организоваться въ „Союзъ Возвращенія на Родину,“ чтобы выяснить возможности безболѣзненнаго примиренія съ совѣтской властью.

Никакого партійнаго штампа на прокламаціи не было, подписана она была инціативной группой „Союза Возвращенія на Родину.“ Бѣженцы призывались на собраніе для обсужденія наболѣвшаго вопроса.

Въ прокламаціи былъ указанъ и адресъ этой иниціативной группы на Ломской ул., въ каморкѣ какого то болгарскаго адвоката.

Съ этой прокламаціей я направился по адресу.

Въ „Совнародѣ“ уже толпился народъ: всѣ спѣшили узнать, въ чемъ дѣло и записаться въ этотъ союзъ.

— Кто предсѣдатель иниціативной группы? — спросилъ я.

Мнѣ указали

Я подошелъ и представился.

— Полковникъ Артемьевъ, — отрекомендовался мнѣ „предсѣдатель“ и началъ излагать сущность дѣла:

— Я первопоходникъ, не большевикъ Видя безнадежность дальнѣйшаго пребыванія заграницей, мы рѣшили изъ двухъ золъ выбрать меньшее. Чѣмъ здѣсь умирать съ голоду, лучше прекратить борьбу, неравную и безсмысленную съ совѣтской властью и, признавъ ее, ѣхать домой работать

— Это не плохо, — сказалъ я.

— Мы на свои собственные гроши выпустили первый № газеты „На Родину“, — продолжалъ полковникъ, — вотъ посмотрите.

— Я взялъ газету и увидѣлъ крупные заголовки: „Врангель — авантюристъ.“ „Да здравствуетъ совѣтская власть.“

— Понимаете, — говорилъ полковникъ Артемьевъ, — мы приносимъ въ жертву прошлое и открыто признаемъ совѣтскую власть. Этого, я думаю, достаточно для возвращенія нашего домой. Мы запросимъ Москву объ условіяхъ амнистіи, сами составимъ списокъ нежелательныхъ для совѣтской власти лицъ, — они останутся, а амнистированные вернутся домой. Наша организація аполитична.

— А такіе желающіе возвращаться въ Совдепію имѣются? — спросилъ я.

— Какъ видите: валомъ валятъ.

Потомъ онъ предложилъ мнѣ:

— Не можете ли помочь намъ проредактировать второй № нашей газеты, у насъ нѣтъ опытнаго редактора?

— Я подумаю надъ этимъ, — отвѣтилъ я.

— Приходите завтра на наше общее собраніе, поговоримъ, — предложилъ мнѣ Артемьевъ.

Я согласился.

Но когда я выходилъ изъ этого импровизированнаго наспѣхъ „Совнарода“, то недалеко около него я увидѣлъ двѣ маячившихъ фигуры знакомыхъ русскихъ коммунистовъ: одинъ изъ нихъ былъ нѣкій, называвшій себя бывшимъ адъютантомъ Троцкаго, а другой — недавно пріѣхавшій изъ Екатеринодара матросъ чекистъ, котораго еще до Кубанскаго похода я видѣлъ въ красные дни въ столицѣ Кубани.

Они переходили отъ одной группы бѣженцевъ къ другой, прислушивались, подбадривали и, вообще, „работали“.

— Ну, здѣсь „аполитичной“ организаціей не пахнетъ, — сразу рѣшилъ я и больше въ этотъ „Совнародъ“ не являлся.

Мое предположеніе оказалось правильнымъ.

За спиной этого импровизированнаго „Совнарода“ и

несчастныхъ русскихъ бѣженцевъ сидѣли зоркіе люди изъ болгарской коммунистической партіи и прибывшіе спеціально для этой цѣли изъ Россіи чекисты и совѣтскіе агенты.

Нѣсколько разъ, послѣ этого визита въ „Совнародъ“, подходили ко мнѣ незнакомыя лица и предлагали редактировать газету „На Родину“.

Въ одинъ вечеръ ко мнѣ въ одномъ изъ невзрачныхъ кабачковъ подошелъ молодой человѣкъ и попросилъ разрѣшенія присѣсть

Онъ сразу началъ съ того, что ему извѣстно, что я страшно безпокоюсь о судьбѣ своей жены и предложилъ:

— Идите редактировать газету „На Родину“. Это лучшій выходъ для васъ . . . Поработаете съ мѣсяцъ и выпишите жену сюда . . . Ее отпустятъ по приказанію болгарской коммунистической партіи.

Кровь ударила въ голову отъ безумно радостной возможности, но я колебался.

— Притомъ, вы, какъ журналистъ, будете полнымъ хозяиномъ газеты. Вамъ дадутъ авансъ въ 50—60 тысячъ левовъ, заживете по человѣчески, пріѣдетъ жена, повеселѣете, а тамъ своей работой отмолите грѣхъ передъ совѣтской властью и катайте въ Россію.

Я молчалъ.

— Послѣ завтра я ѣду въ Екатеринодаръ, хотите я ей передамъ Ваше письмо? — продолжалъ неизвѣстный.

— Нѣтъ, не нужно, я уже послалъ по почтѣ.

— Напрасно, такъ скорѣе: черезъ 5—6 дней я уже въ Екатеринодарѣ, а черезъ двѣ недѣли опять вернусь и отвѣтъ вамъ отъ жены привезу. Вѣдь вы по почтѣ отвѣта не получали? — спросилъ онъ.

— Да, полтора года я не имѣю о ней свѣдѣній.

— Вотъ видите, а мнѣ передать не трудно: я живу на Гоголевской улицѣ, недалеко отъ квартиры вашей тещи.

— Откуда вы меня знаете? — поразился я его освѣдомленности.

— Гм... Я васъ давно знаю, еще съ Екатеринодара, когда вы тамъ редактировали „Кубанскую Мысль“.

— Какъ ваша фамилія? — спросилъ я.

— Константиновъ, — назвалъ онъ, повидимому, первую пришедшую въ голову фамилію.

— Гдѣ служите?

— Въ комисаріатѣ продовольствія . . . Я здѣсь по закупкѣ хлѣба для Россіи . . . Такъ письмо приготовите? — настаивалъ мой собесѣдникъ.

— Ну, завтра въ 12-ть здѣсь я васъ буду ждать, — сказалъ онъ и протянулъ руку на прощанье.

— И на счетъ газеты подумайте!—бросилъ онъ на ходу.

— Чекистъ! — мелькнуло у меня въ головѣ, и на другой день я на свиданіе не явился.

. . . .

Вслѣдъ за первой прокламаціей появилась сначала въ газетѣ „На Родину“, а затѣмъ въ отдѣльныхъ выпускахъ „Памятная записка о договорныхъ условіяхъ съ Нансеномъ“, которую, въ виду ея чрезвычайнаго значенія, какъ позорнаго историческаго акта, я привожу цѣликомъ.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

о договорных условиях*), заключенных между д-ром Нансеном и Г. В. Чичериным по вопросу о репатриации.

1) Д-р Нансен, действуя через подведомственные

*) Основное соглашение заключено в Берлине в июле 1922 г за подписями Н. Н. Крестинскаго и Фрика (представитель д-ра Нансена) втечение августа и сентября оно дополнялось письмами ответами Г. В. Чичерина на предложения д-ра Нансена.

ему учреждения и организации, принимает на себя организацию репатриации, а равно все связанные с последней расходы.

2) Подлежат репатриации только уроженцы Дона, Кубани и Терека, так как лишь в этих областях экономическое и санитарное положение является благоприятным.

3) Русское Правительство подтверждает полную амнистию уроженцам этих областей, рядовым участникам гражданской войны; служившие же на ответственных должностях должны исходатайствовать себе личную амнистию.

4) При высадке в Новоросийске репатрианты принимаются представителем Народнаго Комиссара Внутренних Дел и уполномоченным д-ра Нансена г. Горвиным.

5) Надзор за действительным осуществлением амнистии возлагается на высшаго представителя Н. К. В. Д. в г. Ростове.

6) Принимая на себя предъ общественным мнением Европы ответственность за выполнение данных Русским Правительством обещаний, д-р Нансен считает крайне необходимым принятие строжайших мер к недопущению агентов провокаторов, подосланных Врангелем, в состав репатриантов.

Поэтому:

а) Руководителю отправкою г. Коллинсу и руководителю высадкой с судов г. Горвину предложено допустить к посадке и высадке только лиц, получивших от компетентнаго русскаго представительства визу на в'езд.

б) Виза выдается представителем Р. Кр. Кр..

б) Представиталь Р. Кр. Кр. составляет подробные репатриационные ведомости на всех репатриантов, входящих в состав отправляемой партии, экземпляры этих ведомостей доставляются заблаговременно в В. Комиссариат в Женеве, а равно представителям д-ра Нансена: в Болгарии, г. Коллинсу и в Новоросийске — г. Горвину.

г) Все лица, не значущиеся в вышеупомянутых спискахъ, будут возвращены обратно.

7) Каждой отправленной партии будетъ разрешено, по высадке, выбрать из своей среды небольшую делегацию (не больше 5-ти на 100), для оповещения об оказанном приеме.

***

Остальные правила об отправке репатриантов: как то подписка о не принудительном выезде, относятся к внутреннему делопроизводству миссии д-ра Нансена.

IV

Н. А. Казминъ.

Еще въ Константинополѣ, въ дни прибыванія на Босфорѣ армады судовъ съ бѣженцами, я познакомился съ этимъ жуткимъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, человѣкомъ.

Когда, подъ предсѣдательствомъ Е. Н. Чирикова, въ Константинополѣ образовалось нѣчто въ родѣ Союза русскихъ журналистовъ и писателей, — Н. А. Казминъ, въ качествѣ казначея этого наскоро сколоченнаго Союза, выдавалъ въ помѣщеніи редакціи газеты „Presse du Soir" грошевыя пособія голоднымъ журналистамъ.

Мягкостью и вкрадчив.стью манеръ, однотоннымъ и ровнымъ голосомъ онъ на всѣхъ вначалѣ производитъ довольно хорошее впечатлѣніе. Но, въ теченіе двухъ-трехъ дней дальнѣйшаго знакомства съ нимъ, онъ уже отталкиваетъ всѣми дурными сторонами своего характера.

Самонадѣянный, самовлюбленный, циникъ до мозга костей, онъ быстро внушаетъ къ себѣ своей безпринципностью и наглостью полное отвращеніе.

Если прибавить къ этому, что онъ въ прошломъ

помощникъ присяжнаго повѣреннаго, неплохо владѣетъ даромъ слова и, при томъ, очень не глупый и развитой человѣкъ, то становится яснымъ примѣненный мною къ нему вначалѣ эпитетъ „страшнаго“ человѣка.

Чувствовалось, что для своихъ выгодъ этотъ человѣкъ не останавливается ни передъ чѣмъ, даже передъ самой гнусной подлостью . . .

Онъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ моего „Смѣновѣховства“, а поэтому я считаю нужнымъ остановиться на немъ дольше чѣмъ слѣдуетъ.

Импровизированный Союзъ литераторовъ въ Константинополѣ вскорѣ распался, и Н. А. Казминъ поступилъ на службу въ книжный складъ нѣкоего Чернова. Вскорѣ онъ скрылся съ горизонта, и я его не видѣлъ въ теченіе полугода.

Спустя это время, меня остановилъ на Пера странный, обросшій человѣкъ въ засаленномъ пальто и рваной обуви.

— Валеріанъ Вячеславовичъ, постойте!

Я остановился и сразу по монотонному голосу узналъ Казмина.

— Что съ вами? — удивился я его странному виду.

— Работалъ въ десяти километрахъ отъ Царьграда, — отвѣтилъ онъ.

Въ разговорѣ онъ сказалъ, что собирается ѣхать въ Болгарію, къ Кутепову. Мы обмѣнялись новостями и разстались.

Вскорѣ я выѣхалъ изъ Константинополя въ Болгарію, гдѣ узналъ скверную исторію о кражѣ Казминымъ у Чернова 100 турецкихъ лиръ, объ англійскомъ судѣ, приговорившемъ его къ тюремному заключенію.

Тогда мнѣ сразу сталъ понятенъ и этотъ странный видъ его при моей послѣдней встрѣчѣ съ нимъ на е-

ра: встрѣтился онъ. какъ потомъ выяснилось, со мной, послѣ выхода изъ тюрьмы.

. . . .

Спустя долгое время я поселился въ Софіи на одной изъ окраинъ города.

Однажды рано утромъ ко мнѣ въ одномъ изъ маленькихъ кафе подошелъ Казминъ и быстро заключилъ меня въ свои объятія.

А затѣмъ спросилъ:

— У меня въ карманѣ всего четыре лева . . . Гдѣ можно выпить чашку молока съ хлѣбомъ?

Я его повелъ въ молочную.

Тамъ онъ мнѣ заявилъ:

— Сегодня я безъ денегъ, но завтра буду имѣть нѣсколько тысячъ. Дайте мнѣ вашъ адресъ . . . Вы мнѣ будете очень нужны.

Я далъ.

Изъ бесѣды съ нимъ выяснилось, что онъ въ корпусѣ Кутепова редактировалъ „Информаціонный листокъ", жилъ плохо и т. д..

— Мнѣ надоѣло жить впроголодь, и я рѣшаюсь на одно дѣло. Дня черезъ 3—4 узнаете.

Посидѣвъ съ нимъ полчаса, я попрощался и ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ подошелъ студентъ Майеръ, извѣстный мнѣ какъ членъ болгарской коммунистической партіи, и укоризненно сказалъ:

— Почему вы не хотите редактировать нашу газету? . . . Тамъ васъ ждутъ. Рѣшайте, а то пріѣхалъ другой журналистъ, который уже ведетъ переговоры . . .

— Кто, Казминъ? — догадался я.

— Фамиліи не знаю, — отвѣтилъ Майеръ.

— И пусть, — махнулъ я рукой, — не лежитъ у меня сердце къ этому дѣлу,

— Напрасно . . . Неужели вамъ голодать не надоѣло?

Я ничего не отвѣтилъ и поспѣшилъ разстаться съ нимъ.

На другой день въ городскомъ саду къ скамьѣ, на которой я сидѣлъ, подошелъ Казминъ и началъ съ мѣста въ карьеръ.

— Я знаю, что вы голодаете. Знаю, что тоскуете по женѣ и знаю, что вамъ дѣлали не разъ предложенія изъ „Совнарода." У меня такая же исторія . . . Я не большевикъ. Въ случаѣ переворота *я первый буду привѣтствовать его, а пока надо жить*, и я согласился редактировать газету „На Родину".

— Слава Богу, — вздохнулъ я свободнѣй, — наконецъ я избавлюсь отъ этихъ назойливыхъ предложеній!

— Нѣтъ, не избавитесь, — улыбнулся Казминъ, — если вы своимъ именемъ не рѣшились возглавить *нашу* газету, то я вамъ предлагаю иное: пишите намъ на злобу дня, на мѣстныя темы такъ, какъ вы бы писали въ бѣлыхъ газетахъ. Я вамъ буду хорошо платить. Я васъ законспирирую, и никто не будетъ знать. Работайте какъ „спецъ", а не Валеріанъ Патекъ. Писали же вы въ „Русскомъ Дѣлѣ" фельетоны о непорядкахъ въ эмигрантской жизни, можете давать и мнѣ. Тѣмъ болѣе наша газета чисто бѣженская и аполитичная.

Я ничего не отвѣтилъ.

— Тогда такъ, — продолжалъ Казминъ, — я вамъ дамъ три дня сроку, вы подумайте и отвѣтъ передадите черезъ В. П-ва, вы его вѣдь знаете?

— Знаю.

— Согласны?

— Хорошо, — отвѣтилъ я, рѣшивъ уже дать отри-

цательный отвѣтъ.

Черезъ три дня на улицѣ меня встрѣтилъ нѣкій П-въ и пригласилъ ужинать.

Часа три за виномъ онъ информировалъ меня о прелестяхъ совѣтскаго рая, о прочности совѣтской власти и убѣждалъ торопиться приступить къ „работѣ“.

Я категорически отказался.

Тогда онъ заявилъ:

— Хорошо, я завтра васъ поведу на квартиру къ Казмину, и вы лично дадите ему свой отвѣтъ.

На другой день мы съ В. П-мъ на квартирѣ Казмина застали: журналиста Терского-Гаврилова, одного доктора, — его постояннаго спутника впослѣдствіи, и двухъ незнакомыхъ мнѣ лицъ.

Казминъ каждаго выводилъ изъ комнаты на улицу, гдѣ, въ сосѣднемъ кабачкѣ, за виномъ, велъ переговоры.

Наступила и моя очередь.

Оть вина я отказался и сразу заявилъ:

— Я, Николай Алексѣевичъ, много думалъ и вижу, что принять вашего предложенія не могу: не лежитъ душа . . . вѣдь подло все это.

— Гм . . . — Отвѣтилъ Казминъ, — значитъ рано еще, не перебродили. — А вѣдь придете къ намъ, но будетъ поздно: много проиграете.

— Какую роль играетъ у васъ П-въ? — спросилъ я.

— Онъ мнѣ навязанъ свыше, — отвѣтилъ Казминъ, — и очень мнѣ мѣшаетъ

Говорить больше было не о чемъ, и мы разстались. На нѣкоторое время я былъ оставленъ въ покоѣ. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось.

Но толь о казалось.

Очевидно, по настоянію законспирированныхъ главарей „Совнарода“, Казминъ продолжалъ, въ порядкѣ постепеннаго примѣненія ко мнѣ провокаціонныхъ пріемовъ, „обрабатывать“ меня такимъ образомъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, моя репутація среди бѣлой колоніи была нѣкоторымъ образомъ подмочена.

Такъ напримѣръ, однажды встрѣчаетъ меня на улицѣ П. А. Скачковъ, замѣститель Донского атамана ген. Богаевскаго, съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Слышали новость о себѣ?

— Какую? — заинтересовался я

— Говорятъ, что вы уже редакторъ большевицкой газеты „На Родину“!

— А вы вѣрите этому? — спросилъ я.

— Конечно нѣтъ . . .— Улыбнулся Скачковъ, — я знаю васъ какъ порядочнаго человѣка и стойкаго журналиста.

— Благодарю. Это, конечно, ложь. Кто же вамъ сказалъ эту гадость?

— Казминъ. Онъ у меня былъ вчера.

— Ну, такъ я васъ огорчу: Казминъ — редакторъ газеты „На Родину“ и ведетъ со мной переговоры.

— Вотъ безобразіе, а я ему изъ донскихъ суммъ даже пособіе выдалъ!

Отмѣчаю этотъ фактъ какъ весьма характерный:

— Казминъ одной рукой уже обливалъ грязью бѣлое движеніе, другой — какъ уроженецъ Дона — получалъ пособіе изъ скудной казачьей казны.

Этотъ фактъ, я думаю, подтвердитъ и самъ г-нъ Скачковъ.

. . . .

Однажды вечеромъ, за ужиномъ въ одномъ ресторанѣ, ко мнѣ подошелъ неизвѣстный и спросилъ:

— Вы Константинова помните?

Я не сразу сообразилъ, о комъ заданъ вопросъ, но послѣ вспомнилъ и отвѣтилъ утвердительно.

— Онъ, — началъ незнакомецъ, — прислалъ мнѣ письмо изъ Екатеринодара. Вамъ просилъ передать отъ вашей жены: она жива, здорова, ждетъ васъ. Онъ совѣтуетъ вамъ начать работать въ нашей газетѣ, иначе ей могутъ быть причинены большія непріятности.

— О, Господи! — вздохнулъ я и понялъ все: узелъ провокаціи затянулся туго, и ножъ былъ приставленъ прямо къ горлу.

— Хорошо, — отвѣтилъ я, — напишите Константинову и, ради Бога, скорѣе, что я согласенъ и завтра буду у Казмина.

— Вотъ и прекрасно, и все пойдетъ теперь отлично, — сказалъ мнѣ незнакомецъ и откланялся.

Послѣ я видѣлъ его нѣсколько разъ въ ресторанѣ „Счастье" въ компаніи совнародцевъ, а затѣмъ потерялъ изъ виду.

На другой день Казминъ меня ждалъ.

Онъ приготовилъ ужинъ, коньякъ и вино.

За попойкой, на которой присутствовалъ и Терской-Гавриловъ въ качествѣ уже своего человѣка, и бѣлый журналистъ И—ій, по порученію Казмина, мною была написана первая статья на бѣженскія темы для газеты „На Родину".

Статья касалась непорядковъ, царящихъ въ одной изъ нашихъ благотворительныхъ организацій.

За попойкой, между журналистомъ И-мъ и Казминымъ, старыми друзьями по прошлой газетной работѣ, происходилъ ожесточенный споръ на политическія темы.

И-ій не стѣснялся въ выраженіхъ по адресу, какъ и самого Казмина, такъ и по адресу диктаторовъ Совдепіи.

V

Земледѣльческій съѣздъ.

Лицо „Земледѣльческаго Союза“, образовавшагося еще въ Константинополѣ и руководимаго бывшимъ партизаномъ войсковымъ старшиной Дудаковымъ, бывшимъ самостійникомъ и министромъ Кубанскаго Краевого Правительства Бѣлашовымъ, бывшимъ членомъ Войскового Круга Лунченковымъ, бывшимъ военнымъ прокуроромъ 1-го Донского корпуса полковникомъ Калининымъ, бывшимъ эсеромъ Адамовичемъ и неизвѣстнымъ до того времени Булацелемъ, — до самаго съѣзда было прикрыто флеромъ.

Постановка организаціи этого союза была, очевидно, придумана инициаторами ея еще въ Константинополѣ, въ миссіи Кудиша, (совѣтскаго представителя) до мельчайшихъ деталей.

Ей былъ вначалѣ приданъ аполитичный характеръ.

„Союзъ“ занимался распредѣленіемъ бѣженцевъ—землеробовъ по Балканамъ, главнымъ образомъ, переселеніемъ ихъ въ Болгарію, и вопросами чисто экономическаго характера.

При переѣздѣ Правленія Союза въ Софію, онъ, какъ будто, носилъ эсеровскій характеръ; въ бюро Союза на ул. Оборище, часто появлялись партійные эсеры; и Дудакова, Лунченкова, Булацеля и Адамовича всѣ знали какъ бывшихъ эсеровъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Софію, они, несмотря на то, что здѣсь уже выходила большевицкая газета „На Ро-

дину“, стали выпускать свой органъ „Вѣстникъ Земледѣльца“, первые №№ котораго вводили всѣхъ въ недоумѣніе.

Газета выходила по старой орѳографіи; ярко большевицкаго оттѣнка въ ней не замѣчалось.

Наканунѣ выхода ея, ко мнѣ на улицѣ подошелъ Дудаковъ, тогда еще возглавлявшій газету, и пригласилъ посѣтить его редакцію для переговоровъ.

Я уже въ то время „работалъ“ въ газетѣ. „На Родину“ не оффиціально, а въ „законспирированномъ“ видѣ.

Даже расписки въ полученіи построчнаго гонорара я выдавалъ Казмину на вымышленное имя.

Когда я посѣтилъ Дудакова, онъ мнѣ предложилъ сотрудничество на построчномъ гонорарѣ.

— Имѣйте въ виду, —сказалъ я. — что, если вы издаете газету на большевицкія деньги, я въ ней работать *оффиціально* не стану.

— Нѣтъ, нѣтъ! — Завѣрилъ меня Дудаковъ, — у насъ другія деньги, и наша газета ничего общаго съ большевиками не имѣетъ. Мы сами ищемъ выхода изъ создавшагося положенія бѣженства.

Бѣлашовъ, подписавъ воззваніе вмѣстѣ съ Л. Л. Бычемъ о признаніи сов. власти, въ то время еще сидѣлъ въ Прагѣ

Газета вышла безъ моей статьи, а вечеромъ Казминъ мнѣ загадочно говорилъ:

— Пусть выходятъ они . . . все равно эта газета будетъ нашей.

На другой день я сдалъ Дудакову статью „Сфинксъ въ пламени,“ въ которой говорилъ о притаившемся въ грозномъ молчаніи русскомъ крестьянствѣ, ожидающемъ момента въ революціонномъ гнѣвѣ сбросить гнетъ

интернаціонала. Статья была въ опредѣленномъ эсеровскомъ духѣ.

Въ слѣдующій № газеты статья не пошла.

Я выждалъ еще нѣсколько дней и, наконецъ, спросилъ у Булацеля, смѣнившаго Дудакова на редакторскомъ посту, объ ея участи.

— Вѣроятно пойдетъ, - уклончиво отвѣтилъ Булацель и добавилъ:

— А вы пишите еще!

Я писалъ въ каждый № по статьѣ, онѣ не печатались, а мнѣ аккуратно платили построчный гонораръ за нихъ изъ разсчета моего максимума: 1600 строкъ въ мѣсяцъ, по леву за строку; получалось что то въ родѣ мѣсячнаго оклада.

Къ этому надо добавить, что Булацель никогда прямо не высказывался о моихъ и чьихъ бы то ни было статьяхъ. Существовала система: статьи брать, деньги платить, статей не печатать и *не возвращать.*

Сначала мнѣ это казалось страннымъ, а затѣмъ, когда газета взяла опредѣленный большевицкій тонъ, все стало яснымъ: пишущихъ статьи въ „Вѣстникѣ Земледѣльца" просто держали на жалованіи и постепенно приручали.

Давъ нѣсколько статей, я прекратилъ посѣщеніе редакціи и порвалъ все съ „Вѣстникомъ Земледѣльца."

Къ тому времени прибылъ въ Софію Бѣлашовъ и прислалъ мнѣ двѣ записки слѣдующаго содержанія:

Валеріан Вечеславович!

У меня к Вам есть весьма срочное дело не откажите зайти ко мне (ул. Върбица № 5 кв. ад. Тодорова) утромъ до 10 ч. и после обѣда от 2—6.

Спочт. **Бѣлашов.**

Валеріан Вечеславович!

Покорнейше прошу Васъ зайти въ редакцію „Вѣст.

Зем.“ сегодня 5 сентября отъ 11 до 12 ч. утра по *весьма важному делу.*

Върбица 5, кв. Тодорова

Спочт. **Бѣлашовъ.**

При свиданіи Бѣлашовъ мнѣ прямо сказалъ, что надо, скрѣпя сердце, стать на платформу совѣтской власти.

Къ тому времени я уже понялъ, что иного выхода у меня нѣтъ, и сталъ почти открыто работать въ газетѣ „На Родину“ какъ большевицкій спецъ.

Послѣ бесѣды съ Бѣлашовымъ я возобновилъ свою работу и въ „Вѣстникѣ Земледѣльца“

. . . .

А работа по созыву Земледѣльческаго съѣзда кипѣла.

Пріѣхали изъ Константинополя Адамовичъ, Лунченковъ и другіе.

Въ „Вѣстникѣ Земледѣльца“ печаталась программа засѣданій съѣзда, въ которой, между прочимъ, имѣлся пунктъ: „Отношеніе къ совѣтской власти,“ печатались и разсылались по казачьимъ станицамъ въ Болгаріи воззванія о необходимости признать совѣтскую власть, появились и деньги.

VI

Послѣ съѣзда.

Съѣздъ состоялся.

Предсѣдательствовалъ Дудаковъ.

Въ качествѣ почетныхъ гостей, а вѣрнѣе, зоркихъ соглядатаевъ — наблюдателей, на съѣздѣ присутствовали Озоль, Дю-Шайля и какіе то невѣдомые мнѣ чекисты. Суетился и волновался Булацель, безпрерывно, въ

сопровожденіи и подъ охраной новоиспеченнаго чекиста Миронова, курсировавшій между театромъ, гдѣ происходилъ съѣздъ, и совѣтской миссіей, куда онъ ежечасно докладывалъ о ходѣ работъ и настроеніяхъ съѣзда.

Съѣздъ велся по заранѣе выработанной въ совѣтской миссіи программѣ: осторожно и исподволь казаковъ приготовляли къ мысли о необходимости признать совѣтскую власть и просить амнистіи.

Къ концу съѣзда въ залѣ у стола президіума попоявились портреты Ленина, Троцкаго, Буденнаго, Каменева, Калинина, — и Дудаковымъ была провозглашена здравица совѣтской власти.

Нехотя, кряхтя и почесываясь голосовали усталые, доведенные до апатіи казаки резолюцію.

— Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ.

— Пріѣхали казаками, а вернемся большевиками! — приходилось мнѣ слышать горькія сѣтованія облапошенныхъ станичниковъ.

Характерно, что на этомъ съѣздѣ, при выборахъ делегатовъ, казаки забаллотировали Булацеля, больше всѣхъ суетившагося и хлопотавшаго, какъ по созыву съѣзда, такъ и на самомъ съѣздѣ.

— Онъ — настоящій большевикъ, мы ему не вѣримъ, — объясняли они мнѣ въ кулуарахъ свое отношеніе къ Булацелю.

Бѣдные люди, собираясь, скрѣпя сердце, ѣхать въ Совдепію, боялись посылать туда въ качествѣ делегата того, кто имъ сразу казался большевикомъ!

Съѣздъ закрылся, а въ результатѣ, кто влѣзъ во всевозможные списки членовъ земледѣльческаго союза, затѣмъ и „Совнарода“, а кто успѣлъ, тотъ поспѣшилъ бѣжать изъ этого омута.

На моихъ глазахъ съѣздъ рѣдѣлъ съ каждымъ днемъ, и къ концу его остались голосовать резолюцію лишь тѣ, кто давно уже рѣшилъ сдаться на милость красныхъ побѣдителей.

Такъ изъ „Земледѣльческаго союза" выкристаллизировался филіальный отдѣлъ „Совнарода", о чемъ правленіе Союза поспѣшило оповѣстить сообщеніемъ о закрытіи Союза и о передачѣ его дальнѣйшихъ функцій „Центральному союзу возвращенія на родину" въ Болгаріи.

Избранная для поѣздки въ Россію „делегація" въ тотъ же день отпечатала кустарнымъ способомъ (на гектографѣ) воззваніе къ казакамъ Дона, Кубани и Терека, и чрезъ своихъ людей распространяла ихъ по всей Болгаріи, а нѣкоторымъ казакамъ, сильно опороченнымъ въ прошломъ предъ совѣтской властью, предложили „выслужиться" путемъ распространенія этихъ воззваній въ Сербіи, и Чехословакіи, куда и выѣхали съ этой цѣлью нѣсколько человѣкъ.

Привожу текстъ этого воззванія.

ТОВАРИЩИ!

Казаки Дона, Кубани и Терека! К вам обращает свой голос Союзъ Возвращения на Родину.

Вы, вовлеченные в авантюры своими офицерами дворянами, вы-братья тех, кто тысячами уже возвращаются в родные края с красными знаменами Совнарода, вы, признавшие безоговорочно власть Советов, вы должны дать с'езду определенную окраску.

Или ехать в Россию к своему дому, к своей земле, к своему родному народу, или вслед за пустыми интелегентскими разсуждениями — торговаться с советской властью — нашей властью, и сидеть ждать у моря погоды. Делегация только для тех, кто еще озирается на белые банды, кто еще боится сказать честно и открыто трудовому народу, — „я твой соратник". Ваша же делегация должна помочь Вам там скорее войти в ряды народа и стать на ноги. Торговли там быть не может и не будет, Ваш лозунг „на Родину".

Да здравствует красное казачество!

Да здравствует советская власть Дона, Кубани и Терека!

Вслѣдъ за окончаніемъ съѣзда выяснилась ненадобность изданія газеты „Вѣстникъ Земледѣльца“.

Въ одинъ прекрасный день въ „Вѣстникѣ Земледѣльца“ уже сидѣлъ редакторъ газеты „На Родину“ и вмѣстѣ съ Булацелемъ готовилъ № новой газеты „Новая Россия“.

Близнецы по духу „На Родину“ и „Вѣстникъ Земледѣльца“ наконецъ слились. Надобность въ вуали для „Вѣстника Земледѣльца“ миновала, а большевикамъ держать на содержаніи у себя двѣ газеты показалось накладно

Обѣ газеты закрылись, и стала выходить большая, но бездарная газета „Новая Россия“, вплоть до разгона русскихъ большевиковъ изъ Болгаріи.

VII

Войсковой старшина Дудаковъ.

Руководилъ бывшимъ „Земледѣльческимъ съѣздомъ“ войсковой старшина Дудаковъ.

Это, кажется, одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей въ „смѣновѣховствѣ“, о которомъ не хотѣлось бы отозваться дурно.

Въ прошломъ агрономъ, затѣмъ офицеръ военнаго времени, онъ сталъ извѣстнымъ на Дону какъ организаторъ неудачнаго возстанія противъ большевиковъ въ станицѣ Урюпинской въ апрѣлѣ 1918 года.

Впослѣдствіи онъ былъ лишенъ по суду офицерскаго званія.

Смѣнилъ онъ вѣхи, вѣроятно, по какимъ нибудь болѣе сложнымъ побужденіямъ, чѣмъ, напримѣръ, желаніе извлечь изъ этого какія либо выгоды.

Я такъ, по крайней мѣрѣ, думаю.

Прямой и открытый человѣкъ, онъ сразу сталъ въ опозицію и Булацелю, и Казмину и стоялъ какъ то обособленно, въ сторонѣ.

Когда ему привезли семью изъ Москвы, и среди казаковъ пошелъ глухой ропотъ о томъ, что онъ работаетъ по отправкѣ бѣженцевъ въ Россію, а самъ устраивается съ семьей заграницей, Дудаковъ опредѣленно заявилъ:

— Я поѣду съ казаками.

И поѣхалъ, взявъ обратно свою семью.

По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ даже большевики, оцѣнивъ его прямой характеръ, его не разстрѣляли, но онъ пришелся имъ не по духу: никакого назначенія ему въ Москвѣ не дали и существуетъ онъ сейчасъ работой на какой-то мельницѣ.

Когда, послѣ убійства Агѣева, мнѣ былъ доставленъ провокаціонный списокъ жертвъ, въ которомъ, въ числѣ „приговоренныхъ къ убійству", помимо Дудакова, Булацеля и др., была обозначена и моя фамилія, — я посѣтилъ Дудакова и, въ присутствіи Калинина, имѣлъ съ нимъ на эту тему продолжительную бесѣду.

— Кто вамъ далъ этотъ списокъ? — спросилъ Дудаковъ.

— Нѣкто Василій П—въ, — сказалъ я. Онъ предлагаетъ за хорошее вознагражденіе (въ 60 тысячъ левовъ) раскрыть организацію террористовъ.

— Въ такомъ случаѣ я его арестую, — заявилъ Дудаковъ.

— Я васъ прошу этого не дѣлать, — сказалъ я.

— Мнѣ бы не хотѣлось быть причиной ареста этого человѣка.

— Если вы настаиваете, то пусть будетъ по вашему, — отвѣтилъ Дудаковъ,

— Я пришелъ лишь предупредить васъ, чтобы

вы приняли мѣры предосторожности, — добавилъ я.

— Да, но въ спискахъ, какъ я вижу, значитесь и вы, Валеріанъ Вячеславовичъ, — напомнилъ Дудаковъ.

— О, за себя я не безпокоюсь, — отвѣтилъ я, — мнѣ вѣдь терять нечего . . .

— А его слѣдовало бы арестовать и допросить въ участкѣ, — еще разъ напомнилъ Дудаковъ.

И свое слово сдержалъ. Никто не былъ арестованъ въ то время, а ч ловѣкъ, давшій мнѣ списокъ, продолжалъ свободно разгуливать по городу.

Впослѣдствіи все оказалось полубредовой фантазіей злоупотреблявшаго кокаиномъ В. П—ва, а его имя вскорѣ красовалось на страницахъ софійской газеты „Русь" въ числѣ провокаторовъ, работавшихъ на два лагеря.

Отмѣчаю этотъ случай, такъ какъ считаю его весьма любопытнымъ для характеристики войскового старшины Дудакова, ушедшаго въ станъ красныхъ по причинамъ, для меня до сихъ поръ непостижимымъ.

Знаю и чувствую только одно: много жуткихъ тайнъ хранится въ канцеляріи чека, и когда нибудь, можетъ быть, намъ удастся узнать какую нибудь страшную драму, побудившую этого человѣка уйти добровольно съ семьей туда, откуда нѣтъ возврата.

VIII

Мироновъ.

Еще за мѣсяцъ до моего „смѣновѣховства," когда я жилъ въ студенческомъ общежитіи, ко мнѣ вечеромъ подошелъ небольшого роста невзрачный человѣкъ и представился:

— Бывшій летчикъ Мироновъ.

По странной случайности онъ устроился жить въ этомъ помѣщенiи рядомъ со мной.

Онъ оказался болтливымъ и несерьезнымъ человѣкомъ.

Всю ночь въ нашей палатѣ, гдѣ спало 25 человѣкъ, дребезжалъ его непрiятный голосъ.

Онъ много разсказывалъ о своей охотѣ на барсовъ въ Туркестанѣ, причемъ вралъ отчаянно.

Но любимымъ конькомъ его была авiацiя и, какъ летчикъ, онъ разсказывалъ кое что и занимательное.

Политическихъ вопросовъ онъ не касался, и скоро я пересталъ обращать на него вниманiе.

Нѣсколько дней онъ прожилъ, ничего не дѣлая, а затѣмъ одѣлся въ рабочiй костюмъ и пошелъ грузить вагоны на желѣзной дорогѣ.

Такъ продлжалось недѣли двѣ.

Въ одинъ прекрасный день онъ явился въ общежитiе съ громаднымъ туго набитымъ чемоданомъ желтой кожи, одѣтый, что называется, съ иголочки, и заявилъ:

— Реализовалъ свое золото и рѣшилъ бросить работу и пожить . . .

Черезъ день онъ подошелъ ко мнѣ и предложилъ:

— Хотите жить со мной? Я васъ одѣну съ ногъ до головы. Мы возьмемъ отдѣльную комнату, но вы должны будете писать то, о чемъ я вамъ скажу.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, — съ вами я жить не стану, и работать вамъ не буду.

Въ этотъ же день состоялось мое знакомство съ Агѣевымъ.

Вечеромъ Мироновъ пришелъ въ общежитiе и укоризненно мнѣ заявилъ.

— У васъ все кончено съ Агѣевымъ, а я хлопоталъ ради него . . . я имѣлъ въ виду вашу работу у

Агѣева, но жить вы должны были со мной . . . А теперь, выходитъ, вы меня поставили въ неловкое положеніе.

— Послушайте, сударь, — отвѣтилъ я, — никакихъ наблюдателей я не потерплю и объ этомъ лично заявлю Агѣеву.

— Что вы? что вы? Это я такъ, самъ думалъ пожить съ вами! — заволновался Мироновъ.

Человѣкъ онъ былъ непріятный, и я съ нимъ прервалъ дальнѣйшія отношенія.

Послѣ я узналъ, что онъ ликвидировалъ церковныя цѣнности, привезенныя „Борисомъ Николаевичемъ" —Краснославскимъ и Агѣевымъ изъ Москвы, и не дурно на этомъ заработалъ.

На другой день онъ покинулъ общежитіе и поселился въ качествѣ чина охраны въ отелѣ „Болгарія".

Все время онъ состоялъ при комъ нибудь: сначала при Борисѣ Николаевичѣ, потомъ при Корешковѣ, Булацелѣ и др..

Какъ я уже писалъ, Агѣевъ его не любилъ и сразу прекратилъ ему доступъ въ свою квартиру.

Когда, послѣ неудачной предвыборной кампаніи болгарскихъ коммунистовъ, изъ Москвы прекратился обильный притокъ денегъ, и начались сокращенія, Мироновъ появился въ редакціи „Новая Россия" въ качествѣ завѣдующаго конторой.

Человѣкъ онъ былъ глупый и безтактный и сразу испортилъ свои отношенія со всей редакціей.

— Я служилъ вѣрно царскому правительству, а теперь буду служить вѣрой и правдой совѣтской власти, — часто повторялъ онъ въ редакціи.

Впослѣдствіи выяснилось, что его родственникъ командуетъ какой-то красной арміей, и Мироновъ собирался ѣхать въ Россію къ нему.

Какъ то въ редакціи зашла рѣчь о разстрѣлянныхъ въ Ростовѣ дѣтяхъ, заболѣвшихъ сапомъ.

— И правильно, — восхищался Мироновъ, — всѣхъ калѣкъ, больныхъ и прочую дрянь надо уничтожать!

— Вы христіанинъ? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, я въ Бога не вѣрю, но одинъ разъ вспомнилъ Бога. Это, когда я на аэропланѣ дѣлалъ развѣдку на германскомъ фронтѣ и попалъ подъ шрапнель. Тогда я наизустъ разъ десять „Отче нашъ" прочиталъ,

— Ну, такъ вотъ и не забывайте никогда этого случая, — посовѣтовалъ я.

Мироновъ смутился и замолчалъ.

Скоро онъ уѣхалъ въ Россію.

IX

Чекисты.

Послѣ съѣзда казаки разъѣхались по мѣстамъ своихъ работъ, а заправилы его ознаменовали „успѣшное выполненіе своей задачи" гомерическими кутежами.

„Кутила" вся совѣтская миссія и редакція „Новой России".

Цѣлыя ночи мчались по городу автомобили съ женщинами и пьяными ватагами.

Вь качествѣ поставщика живого товара для совѣтскаго начальства и „редакторовъ" состоялъ на посылкахъ, къ великому прискорбію, журналистъ Терской — Гавриловъ.

Озоль и товарищъ „Семенъ" (Фиркинъ) появлялись всюду въ сопровожденіи свиты тѣлохранителей чекистовъ, а Булацеля охранялъ бывшій летчикъ Мироновъ, Казмина — несчастный пропойца и кока-

инистъ нѣкто Лялинъ, открыто и всюду называвшій себя „чекистомъ“.

Совнародцы попроще обосновались въ ресторанѣ средней руки „Счастье“, гдѣ день и ночь шло самое неприкрытое пьянство, съ драками, скандалами и арестами „бѣлогвардейцевъ“ въ финалѣ.

Въ одинъ изъ этихъ пьяныхъ вечеровъ я былъ приглашенъ знакомымъ совнародцемъ — казакомъ къ столу, за которымъ сидѣла большая компанія.

Въ центрѣ ея находился невзрачный плюгавый человѣчекъ въ красной рубахѣ подъ пиджакомъ, въ кожанномъ картузѣ и съ огромной бумажной красной розой, величиною съ тарелку, въ петлицѣ.

Онъ о чемъ то говорилъ, процѣживая слова сквозь зубы, а всѣ подобострастно его слушали и поддакивали.

— Знакомьтесь, товарищъ Захаровъ! — представили его мнѣ.

Я назвалъ себя и сѣлъ противъ него, а онъ продолжалъ свой прерванный разсказъ:

— Ежели, такъ сказать, ѣхать въ страну рабоче-крестьянской власти, то я вамъ откровенно скажу, какъ товарищъ, что надо дѣлать все съ толкомъ и разстановкой... Опрежъ всего никакихъ писемъ и прочаго писанія съ собой не брать . . . Денегъ сколько угодно берите — намъ лучше, а особливо въ долларахъ. Въ чека, то ись, въ Г. П. У., говорить что ни на есть, всю правду, иначе плохо будетъ, бо тамъ усе извѣстно; каждый вашъ шагъ . . . и говорить одно: дескать, совѣтскую власть признаю, и больше никакихъ чертей . . . А ежели средь васъ запримѣтили контръ-революціонера, то сейчасъ же доложить въ че ... комиссару Г. П. У . . . Все равно поймаютъ, а вамъ плохо будетъ.

— Ишь ты, — услужливо ахали „совнародцы“ и казаки — станичники, сидѣвшіе за столомъ.

Товарищъ Захаровъ былъ сильно пьянъ и болталъ много лишняго.

— А вы, писатель, обратился онъ ко мнѣ,—писните ка въ газетѣ на счетъ провокаторовъ, которые, то ись . . . бѣлогвардейцы ѣдутъ, контръ-революцію устраиваютъ, что имъ тамъ тово . . . крышка . . .

— Развѣ сейчасъ разстрѣливаютъ? — наивно спросилъ я.

— И очень даже.

— Кого! Провокаторовъ?

— Всякихъ. Которыхъ и коммунистовъ разстрѣливаютъ, которые супротивъ Ленина или Троцкаго, — лѣвыми у насъ называются; которыхъ и безпартійныхъ соглашателей, а которыхъ и монархистовъ.

— Развѣ въ Россіи есть до сихъ поръ монархисты? — удивился я.

— И очень много. Прямо бѣда съ ними . . . Орудуютъ и съ эсерами, и съ меньшевиками, и съ кадетами и съ непачами . . , Много этой сволочи развелось у насъ! Самая забота у насъ — это монархисты! — заявилъ Захаровъ.

— Вы — военный, товарищъ? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, я донецъ — шахтеръ, а на Кубани командывалъ бронепоѣздомъ у товарища Сорокина.

— Нашъ „писатель“ тоже на Кубани былъ въ гражданскую войну, — сказалъ какой то кубанецъ — казакъ.

— Гдѣ вы были? — оживился Захаровъ.

— Былъ въ Екатеринодарѣ, работалъ вмѣстѣ съ генераломъ Покровскимъ, — сказалъ я.

— Вотъ еще чертъ. Я еле спасся отъ него . . . Чуть не угробилъ меня вашъ Покровскій со всѣмъ моимъ бронепоѣздомъ! Сволочь! — выругался Захаровъ.

Потомъ онъ досталъ изъ кармана фотографію.

группы лицъ, состоявшей изъ Чайкина, его самого Захарова и цѣлой своры чекистовъ, снявшихся на молу въ Новороссійскѣ

— Возьмите, — предложилъ онъ мнѣ, — продайте бѣлогвардейцамъ. За это вамъ заплатятъ тысячъ пять . . . А мнѣ ничего не стоитъ . . . не жалко, берите!

— Я въ контръ-развѣдкѣ не служу, — отвѣтилъ я.

— Не хотите, не надо. — Хотѣлъ вамъ услужить, — лепеталъ Захаровъ.

Въ это время кто то вошелъ въ ресторанъ. Захаровъ взглянулъ на вошедшаго и оживился.

— Ишь, сукинъ сынъ, я его въ Сербіи видѣлъ, а теперь онъ здѣсь орудуетъ . . . Ну ничего, попадетъ онъ въ мои руки!

Вошедшій прошелъ мимо и сѣлъ позади насъ

— Послушайте, — шепотомъ сказалъ мнѣ одинъ кубанецъ — фельдшеръ, нынѣ уѣхавшій въ Россію, — этотъ типъ позади васъ грозитъ вамъ наганомъ въ спину.

— Въ чемъ дѣло? Гдѣ? — услышалъ Захаровъ.

Фельдшеръ тихо объяснилъ въ чемъ дѣло.

Захаровъ махнулъ куда то пальцемъ и передъ нимъ, какъ изъ подъ земли, выросъ чекистъ „Филька“.

— Вонъ . . . тамъ . . . съ наганомъ. . . — проговорилъ сквозь зубы Захаровъ.

Въ этотъ моментъ неизвѣстный, грозившій мнѣ сзади револьверомъ, всталъ и прошелъ мимо насъ прямо къ выходу въ сопровожденіи другого человѣка.

Его я не знаю, но видѣлъ, какъ онъ одну руку держалъ за пазухой, а другой погрозилъ мнѣ кулакомъ.

— Господи, — думалъ я, — какой ужасъ: чекистъ Захаровъ охраняетъ меня отъ моихъ, можетъ, быть недавнихъ друзей, которые не видятъ и не знаютъ, что я переживаю сейчасъ . . .

Да въ тѣ дни я переживалъ сумасшедшую муку, разсказать которую нынѣ не въ состоянiи мое перо.

X

Странная бесѣда.

Поздно ночью, послѣ закрытiя ресторана, Захаровъ пригласилъ меня посѣтить его въ помѣщенiи „Совнарода“. Я распрощался съ нимъ, и компанiя начала расходится по домамъ.

Я шелъ съ двумя знакомыми совнародцами, съ бывшимъ офицеромъ П. и еще одинимъ неизвѣстнымъ мнѣ по фамилiи, теперь находящимся въ Россiи.

По дорогѣ насъ нагналъ одинъ молодой человѣкъ, почти, юноша, съ которымъ я знакомъ не былъ, но котораго зналъ какъ агента, прiѣхавшаго изъ Севастополя.

Его мои спутники представили мнѣ, и онъ пошелъ рядомъ со мной.

Итти намъ домой было далеко на край города, но, почему то, вышло такъ, что и этому, моему новому знакомому понадобилось итти туда же, куда направился я.

— Я на васъ давно обратилъ вниманiе, — заговорилъ онъ со мной, — вы — занятный человѣкъ.

— Чѣмъ? — удивился я.

— Да такъ . . . Заинтересовали меня.

— Хотите бѣлогвардейскаго журналиста проинтервьюировать? — засмѣялся я.

— Да, любопытно, хотя и бывшаго, — отвѣтилъ онъ.

Но „интервьюировать“ онъ меня не сталъ, а началъ разсказывать о себѣ.

Въ виду чрезвычайнаго интереса его разсказа привожу дословно, по памяти, слышанное мною отъ него.

— Я хотя и молодъ, — говорилъ онъ, — мнѣ всего 23 года, но я давно работаю въ чека. Это моя профессія, я люблю свое дѣло . . . Во времена Врангеля я былъ въ Крыму и работалъ въ подпольи. Когда мы заняли Крымъ, на мнѣ лежала задача ликвидировать предателей капитана Орлова.

Мы ихъ ловили пачками, и я собственноручно расправлялся съ ними.

— Какимъ образомъ? — спросилъ я.

— У меня система, — отвѣтилъ онъ. — Я раздѣвалъ такого провокатора до гола, привязывалъ къ стулу и шашкой рубилъ постепенно его члены. Рубилъ ноги, потомъ руки, уши носъ, а затѣмъ выкалывалъ глаза.

— И онъ жилъ? — ужасался я.

— О, вы не знаете, какъ живучъ человѣкъ . . . Кажется одна голова осталась, а живетъ!

— Послушайте, — съ дрожью въ голосѣ спросилъ я, — вы, я вижу, юноша интеллигентный и можете мнѣ объяснить: зачѣмъ вы мучили свою жертву напрасно? Разъ вы рѣшили его убить, то можно же было дѣлать это сразу . . . Вѣдь эта жестокость безполезна . . .

— Напротивъ, — отвѣтилъ онъ, — я философъ и знаю, что эти немыслимыя страданія уходили въ жизнь . . . Невѣдомыми атомами эти страданія блуждали среди людей, и люди чувствовали и знали, какая ихъ мука ждетъ за измѣну совѣтской власти.

— Ну, да это ваша философія, но вы вѣдь человѣкъ, какъ же вы могли причинять и видѣть эти страданія?

— О, вы не знаете, какое это невыразимое наслажденіе чувствовать, что кто то безумно страдаетъ отъ твоей руки, вы не знаете, сколько сладости въ томъ, чтобы имѣть возможность безнаказанно слышать смертельные стоны постепенно умирающаго человѣка! За-

пускать пальцы въ еще горячіе, полные слезами страданій глаза и вмѣсто нихъ выдалбливать пустыя впадины и чувствовать что этотъ человѣкъ живетъ!

Я съ ужасомъ взглянулъ на совнародца П., который всегда производилъ на меня впечатлѣніе порядочнаго и хорошаго человѣка.

На него эта бесѣда, какъ я замѣтилъ, дѣйствовала тоже скверно, и онъ молча пожалъ плечами.

— Не думайте, что я жестокъ, — продолжалъ этотъ юноша-чекистъ, — я не озлобленъ ничѣмъ въ прошломъ. Я сынъ очень хорошей богатой семьи, жилъ прекрасно, а въ 17 году, послѣ октябрьской революціи, сразу ушелъ въ чека и тоже жилъ недурно, въ полномъ спокойствіи и довольствѣ . . . Я вовсе не жестокъ, я поэтъ, недурно пишу стихи, неплохо рисую, люблю и знаю музыку . . .

— Тогда вы просто больной человѣкъ! — сказалъ я.

— Все относительно . . . Можетъ быть и больной, какъ и всѣ, только моя болѣзнь выражается иначе . . .

— Въ садизмѣ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, это невѣрно . . . Я не садистъ, а просто люблю человѣческія страданія. Не всякому вѣдь дано ихъ причинять . . . А такъ я — добръ, могу подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба съ голоднымъ. Въ Россіи, во время голода, я раздавалъ голодающимъ все, что могъ, и часто самъ поэтому сидѣлъ безъ хлѣба.

— И въ это время, когда вы дѣлились кускомъ хлѣба съ человѣкомъ страдающимъ отъ голода . . .

— Въ это же время я только что вывелъ въ расходъ по моей системѣ 7 человѣкъ, — понялъ онъ мою мысль.

— Ну, такъ вы — больной человѣкъ. Вы — жуткое порожденіе нашего ужаснаго безвременья! — волнуясь, проговорилъ я.

— Все можетъ быть, — согласился онъ, но я на свою „болѣзнь“ не сѣтую. Она дала мнѣ положеніе при совѣтской власти, возможность весело и интересно жить и абсолютно ничего не бояться . . . Мы — чекисты — самые вліятельные люди въ Россіи . . . —

— Я думаю . . . — иронически бросилъ я.

— Нѣть, — обидился онъ, — вы безъ ироніи должны понять, что, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, внутри эта власть можетъ держаться только нами.

— Терроромъ? — Спросилъ я.

— Если хотите, да, терроромъ, ибо этотъ терроръ въ концѣ концовъ, существуетъ въ конечномъ итогѣ, для блага человѣчества. Вѣдь мы стремимся . . .

— Послушайте,— остановилъ я его дальнѣйшее изложеніе коммунистическихъ устремленій, — скажите, сколько вы собственноручно зарубили и разстрѣляли людей?

— Съ удовольствіемъ отвѣчу, но, къ сожалѣнію, я не считалъ. Думаю, эта цифра выразится въ количествѣ 12—15 тысячъ человѣкъ . . . По крайней мѣрѣ, такое количество погибло по моей санкціи.

— Въ такомъ случаѣ я могу добавить еще къ тому, что вы больной человѣкъ, вы просто страшный человѣкъ.

— *Такихъ какъ я въ Россіи много* – улыбнулся онъ

— Тѣмъ печальнѣй для нея . . .

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — это невѣрно , . . Я думаю, тѣмъ лучше для нея: на крови и страданіяхъ строится благо новаго человѣчества . . . А ради этого я могу разстрѣлять собственноручно всю Россію . . .

— Это, или приблизительно это, уже говорилъ Троцкій, — замѣтилъ я

— Я его страстный поклонникъ и ученикъ.

— Нѣтъ, вы — больной человѣкъ лѣчитесь —

посовѣтовалъ я.

Онъ не обижался. Ему, повидимому, просто нравилось вести „умный“, какъ онъ полагалъ, разговоръ, да еще съ недавнимъ бѣлогвардейскимъ журналистомъ, въ обстановкѣ относительной его свободы, то есть внѣ рамокъ обычнаго допроса въ застѣнкахъ чека. Это, вѣроятно, создавало для него нѣкоторую большую и острую пріятность разговора, и ему хотѣлось продолжать.

— Я уже скоро дома, — замѣтилъ я, подходя къ дому бывшаго „Земледѣльческаго Союза“, гдѣ я ютился, за неимѣніемъ средствъ и квартиры.

— Неожиданно этотъ юноша-чекистъ отсталъ и пошелъ позади меня. П. и его пріятель шли рядомъ, вдругъ онъ спросилъ:

— У васъ крѣпкіе нервы?

— Не знаю, — отвѣтилъ я.

— Сейчасъ я могу вамъ выстрѣлить въ затылокъ.

— Стрѣляйте, — отвѣтилъ я.

Это была не рисовка, а просто отъ всего омута, въ которомъ я безнадежно барахтался и захлебывался, меня охватило такое состояніе полнаго безразличія, апатіи и душевной усталости, такое жуткое сознаніе, безнадежности и безцѣльности дальнѣйшаго существованія, что въ тѣ дни мнѣ было, дѣйствительно, все равно.

— Я могу васъ пристрѣлить, — спокойно повторилъ онъ.

П. и его пріятель отстали отъ меня, а я ждалъ.

Тревоги не было, а была смертельная и томительная тоска.

Нѣсколько мгновеній мы всѣ шли молча, и мнѣ почему то страннымъ казался ровный скрипъ снѣга отъ нашихъ мѣрныхъ шаговъ.

Я чувствовалъ, что больше всѣхъ волнуется въ данный моментъ П., — по крайней мѣрѣ, его ды-

ханіе мнѣ казалось тревожнымъ.

— Послушайте, — сказалъ я, не поворачивая головы назадъ, — если бы я смогъ такъ внезапно умереть отъ пули въ затылокъ, то это было бы для меня большимъ счастьемъ . . .

— Въ такомъ случаѣ я вамъ этого счастья не дамъ, — проговорилъ серьезно онъ и пошелъ рядомъ со мной.

Всѣ мои спутники многозначительно переглянулись съ нимъ.

Отъ всей этой сцены осталось впечатлѣніе, что все дѣлалось и моими спутниками, и моимъ собесѣдникомъ чекистомъ по заранѣе выработанному плану,

Я, напримѣръ, замѣтилъ что П. какъ то облегченно вздохнулъ.

Мы подходили молча къ дому „Союза“, а на прощанье онъ пригласилъ меня чаще съ нимъ встрѣчаться въ ресторанѣ „Счастье.“

— Я, можетъ быть, скоро, черезъ 3—4 дня уѣду, въ Россію, — сказалъ онъ.

— Въ ресторанѣ я бывать не буду, — отвѣтилъ я, — а гдѣ я ночую — вы знаете. Всего хорошаго.

— До свиданья! — ласково отвѣтилъ онъ мнѣ.

— А вы лечитесь . . . Вы несомнѣнно больны, — бросилъ я ему на ходу.

— Такъ же, какъ и вы, — крикнулъ онъ мнѣ.

Съ тѣхъ поръ я этого человѣка больше не встрѣчалъ.

Послѣ этой странной бесѣды я вспомнилъ, что раньше я его видѣлъ въ ресторанѣ въ компаніи какихъ то подозрительныхъ лицъ. Онъ часто цинично ругался, и мнѣ тогда еще было странно видѣть румянаго юношу, почти мальчика, легко и свободно извергающаго площадную брань.

На другой день я спросилъ П..

— Что это за дикій человѣкъ?

П. былъ серьезенъ и отвѣтилъ уклончиво:

— Не знаю . . .

Послѣ все же изъ мимолетныхъ бесѣдъ съ другими „совнародцами“, мнѣ удалось выяснить, что этотъ юноша былъ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ Феликса Эдмундовича Дзержинскаго.

XI

Адамовичъ.

Этотъ человѣкъ тоже заслуживаетъ небольшого очерка.

Въ дни Временнаго Правительства онъ появился до перваго кубанскаго похода въ Екатеринодарѣ, гдѣ по объединенному списку эсеровъ м меньшевиковъ прошелъ въ гласные городской Думы, а затѣмъ былъ из бранъ городскимъ головой.

Какъ человѣкъ безцвѣтный, онъ ничѣмъ не выдѣлялся. О немъ почти не говорили.

Познакомился я съ нимъ впервые уже здѣсь, заграницей, въ редакціи газеты „Вѣстникъ Земледѣльца“ и, послѣ первой бесѣды съ нимъ, онъ произвелъ на меня очень своеобразное, но весьма опредѣленное впечатлѣніе, которое я попробую передать, да простятъ мнѣ читатели, однимъ лишь словомъ:

— Мерзавецъ.

Еще разъ прошу извиненія у читателей, но подчеркиваю, что, несмотря на то, что Адамовичъ мнѣ былъ абсолютно неизвѣстенъ по своимъ моральнымъ качествамъ, первое слово, которое мнѣ пришло въ голову о немъ, былъ этотъ не совсѣмъ салонный эпитетъ.

Да, манерой ходить, говорить, смотрѣть, жестикулировать и думать онъ производилъ впечатлѣніе патентованнаго мерзавца новой формаціи.

Чувствовалось, что для этого человѣка нѣтъ преградъ въ своихъ достиженіяхъ, нѣтъ границъ подлости и, вообще, нѣтъ ничего святого.

Онъ сразу занялъ въ редакціи „Вѣстника Земледѣльца“ обособленное положеніе и повелъ закулисную борьбу съ группой Булацеля въ покояхъ товарища Семена Фиркина.

Изъ этой борьбы онъ вышелъ побѣдителемъ и сразу получилъ отъ Кремля большія заданія по разложенію въ эмиграціи эсеровъ

Проскочивъ на „Земледѣльческомъ съѣздѣ“ въ делегаты, онъ побывалъ въ Москвѣ и вернулся оттуда въ Софію что называется, съ „вѣсомъ“ Во время изгнанія большевиковъ изъ Болгаріи, онъ, по порученію Москвы, ушелъ въ подполье, гдѣ и работалъ, пользуясь поддержкой болгарской коммунистической партіи, вплоть до своего ареста и высылки въ совѣтскую Россію.

Для характеристики этого человѣка приведу одинъ весьма показательный фактъ, разсказанный мнѣ однимъ кубанскимъ офицеромъ.

Вскорѣ послѣ окончанія „Земледѣльческаго съѣзда“, въ Софію прибылъ изъ Праги лидеръ казачьей эсеровской группы — Фальчиковъ.

На улицѣ меня остановилъ запыхавшійся бывшій донской эсаулъ и передалъ.

— Завтра обязательно будьте на докладѣ Фальчикова. Адамовичъ *приказалъ* быть тамъ всѣмъ нашимъ.

На докладѣ я не былъ, такъ какъ, къ моему большому сожалѣнію, опоздалъ, но, по словамъ разсказчика, тамъ произошло слѣдующее.

При большомъ стеченіи публики, преимущественно

бѣженцевъ—казаковъ, Фальчиковъ началъ рисовать истинное положеніе въ совѣтской Россіи и предупреждалъ казаковъ отъ опрометчиваго шага—возвращенія домой.

Въ толпѣ слушателей, окруженный совнародцами, находился, переодѣтый почти въ рубище, Адамовичъ, которой сдѣлалъ своимъ людямъ знакъ и . . . началась обструкція.

Сжавъ кулаки, Адамовичъ науськивалъ совнародцевъ приступить къ кулачной расправѣ съ Фальчиковымъ, своимъ бывшимъ товарищемъ по партійной работѣ

Только благодаря самообладанію Фальчикова и его друзей, ему удалось пройти невредимымъ къ выходу сквозь строй кулаковъ. А Адамовичъ истерическимъ голосомъ горланилъ:

— Долой „бѣлогвардейскаго“ провокатора! Да здравствуетъ совѣтская власть!

Докладъ Фольчикова былъ сорванъ, а Адамовичъ на дорогѣ своей комисарской карьеры стоялъ уже одной ступенькой выше.

Больше, я полагаю, къ этому добавлять нечего.

Сумрачный, съ зоркими бѣгающими глазами и съ вѣчно сжатыми губами, этотъ человѣкъ, какъ никто до сихъ поръ, не подходилъ къ данному мной ему эпитету отъявленнаго мерзавца

Помню еще и то, что на „Земледѣльческомъ съѣздѣ“ онъ много и горячо говорилъ о святой миссіи совѣтской власти — освободить человѣчество отъ цѣпей капиталистическаго строя. Но говорилъ неискренно, съ дѣланнымъ паѳосомъ, а отъ этого онъ казался еще омерзительнѣй.

XII

Іоль де Монкларъ.

Французъ ли онъ, или самый обыкновенный русскій авантюристъ мелкаго пошиба — объ этомъ точныхъ свѣдѣній у меня не имѣется.

По его разсказамъ мнѣ — онъ бывшій офицеръ Русской Арміи, принималъ горячее участіе въ февральскомъ переворотѣ и состоялъ въ свитѣ А. Ф. Керенскаго въ качествѣ его личнаго адъютанта.

Затѣмъ очутился на Дону у Краснова, гдѣ болтался въ его оффиціозѣ въ качествѣ переводчика.

Съ нимъ я познакомился по прибытіи въ Софію въ редакціи газеты „Русское Дѣло", которую онъ вначалѣ фактически редактировалъ.

Узнать его ближе мнѣ удалось очень скоро.

Я пробирался на западъ, но, благодаря отсутствію средствъ, дальше двигаться не могъ и рѣшилъ подработать въ „Русскомъ Дѣлѣ". Онъ меня уговорилъ остаться въ Софіи, обѣщалъ опредѣленныя выгодныя условія, которыя вскорѣ не выполнилъ и этимъ поставилъ меня въ безвыходное положеніе.

Самонадѣянный, наглый, но очень неглупый и энергичный человѣкъ, онъ на всѣхъ производилъ отталкивающее впечатлѣніе.

Его усиліями былъ созданъ первый въ Болгаріи „Союзъ русскихъ журналистовъ и писателей", изъ котораго онъ извлекъ матеріальныя выгоды: денежная отчетность по этому союзу до сихъ поръ никому изъ членовъ союза неизвѣстна.

При пріѣздѣ въ Софію фактическаго владѣльца газеты „Русское Дѣло", К. И. Щегловитова, Іоль былъ смѣщенъ за бездарность съ поста редактора въ се-

кретари редакціи, а на его мѣсто былъ посаженъ будущій смѣновѣховецъ Николай Литвинъ. Іоль де Монкларъ, не выдержавъ такого удара уязвленному самолюбію, изъ газеты ушелъ.

Между прочимъ, къ этому моменту кончилась Самохваловская исторія съ провокаціей представителей Русской Арміи, обвинявшихся правительствомъ Стамболійскаго въ сношеніяхъ съ демократическимъ блокомъ по подготокѣ переворота. На имя Монклара въ этотъ моментъ изъ Варны была получена телеграмма отъ арестованнаго тамъ по подозрѣніи въ большевизмѣ нѣкоего Германа, бывшаго „коменданта" (по русскимъ дѣламъ) станціи Софія, личности довольно темной. Въ этой телеграммѣ Германъ умолялъ Монклара спасти его отъ грозящей ему высылки въ Совдепію.

Іоль де Монкларъ приложилъ всѣ усилія и Германъ былъ освобожденъ.

Каково же впослѣдствіи было мое удивленіе, когда на Раковской ул., въ послѣднемъ помѣщеніи редакціи газеты „На Родину", я увидѣлъ Монклара въ качествѣ... представителя Совнарода и уполномоченнаго агента по отправкѣ бѣженцевъ въ Россію.

При мнѣ заходили къ Монклару люди, которымъ въ Россіи завѣдомо грозилъ разстрѣлъ, и онъ ихъ спокойно направлялъ въ Варну, не считаясь съ грозящей имъ смертельной опасностью.

Іоль „работалъ" не за страхъ, а за совѣсть своимъ новымъ патронамъ изъ совѣтской миссіи.

Сколотивъ нѣсколько сотъ человѣкъ обреченныхъ, Іоль де Монкларъ ѣздилъ ихъ сопровождать и отправлять „на родину" черезъ Варну.

Какъ то, по дѣлу ликвидаціи „Союза русскихъ писателей и журналистовъ", я зашелъ къ Іолю де Монклару на квартиру и увидѣлъ его дружески бесѣду-

ющимъ съ Германомъ!

— Ничего, ничего, — успокоилъ меня Іоль, — Германъ мой человѣкъ, можете говорить спокойно.

Впослѣдстіи этотъ Германъ очутился въ свитѣ Фиркина и принималъ, какъ говорятъ, участіе въ убійствѣ генерала Покровскаго.

Положеніе Іоля въ смѣновѣховскихъ кругахъ было очень страннымъ: въ редакціи „Новой России“, а раньше „Вѣстника Земледѣльца“, его не любили, статьи его браковали, а въ совѣтской миссіи онъ, какъ то, благодаря своему неуживчивому характеру, при всемъ своемъ желаніи, пристроиться, не сумѣлъ.

По одной версіи ему было предложено выѣхать въ Россію вмѣстѣ съ „Борисомъ Николаевичемъ“ (Шведовъ, Краснослаский и т. д.), на что онъ отвѣтилъ симуляціей самоубійства.

Самъ морфинистъ, онъ принялъ большую, чѣмъ слѣдуетъ для этой цѣли, дозу морфія, очутился въ больницѣ, гдѣ спалъ около недѣли, чѣмъ произвелъ большой конфузъ въ совѣтскихъ кругахъ, а тѣмъ временемъ Борисъ Николаевичъ выѣхалъ съ своей, набранной въ Софіи, компаніей въ Россію.

Уѣхали съ нимъ, между прочимъ, генералъ Клочковъ, полковникъ Сиволобовъ и юнкеръ Голощаповъ, которые, по слухамъ, были разстрѣляны въ Новороссійскѣ.

Іоль де Монкларъ остался въ Софіи, но положеніе его въ совѣтскихъ кругахъ пошатнулось, а впослѣдствіи онъ, какъ говорятъ, былъ ими изгнанъ навсегда.

Тѣмъ не менѣе, онъ еще пытался чѣмъ нибудь вернутъ къ себѣ расположеніе „начальства“ и пробовалъ, какъ говорятъ, съ провокаціонной цѣлью, войти въ канцелярію Комитета по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ образовавшагося послѣ отъѣзда русскаго посла

Петряева, но его попытки кончились неудачей.

Тогда противъ зданія русскаго посольства онъ несмотря на то, что у самаго посольства имѣлось два газетныхъ кіоска, открылъ третій кіоскъ, замѣнявшій ему „наблюдательный пунктъ“ для информаціи большевиковъ, какъ о томъ сообщалось въ мѣстной газетѣ „Русь“.

. . . .

Каково дальнѣйше назначеніе Іоля де Монклара и каковы его планы, — объ этомъ скажетъ недалекое будущее.

XIII

Озоль.

Однажды я шелъ по улицѣ съ нѣкимъ П., случайно извѣстнымъ мнѣ по Севастополю.

Мимо насъ быстро прошелъ элегантно одѣтый господинъ и любезно раскланялся со мной.

— Кто это? — спросилъ П..

— Озоль, — отвѣтилъ я.

— Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Развѣ вы не знаете, — удивился я, — это и есть знаменитый Озоль, военный агентъ при здѣшней совѣтской миссіи.

— Я его всю жизнь помню, — сказалъ П., — онъ меня въ своей чека нѣсколько часовъ подъ дуломъ револьвера продержалъ. Какъ его не ухлопали до сихъ поръ!

Такимъ образомъ я убѣдился въ страшномъ прошломъ Озоля.

Передъ этой встрѣчей съ нимъ, какъ мнѣ передавали, съ Озолемъ произошелъ слѣдующій инцидентъ.

Въ одномъ изъ ресторановъ сидѣлъ за столомъ Озоль и обѣдалъ.

Недалеко, возлѣ его стола, сидѣла группа лицъ, состоявшая изъ с. р. Макагона и двухъ болгаръ — адвокатовъ, защитниковъ обвиняемыхъ по дѣлу объ убійствѣ Агѣева.

Озоль упорно и долго смотрѣлъ на Макагона.

— Что это за господинъ, который такъ внимательно на васъ смотритъ? — поинтересовались болгары.

— Это, — отвѣтилъ Макагонъ, — извѣстный палачъ Озоль, — разстрѣлявшій въ Россіи тысячу человѣкъ.

Тогда Озоль всталъ со стула, подошелъ къ Макагону и сказалъ:

— А вы — попадетесь мнѣ — будете тысячу первымъ.

Макагонъ далъ ему пощечину, завязалась свалка, и Озоль бѣжалъ изъ ресторана.

Впечатлѣніе Озоль производилъ хорошее: вылощенный, элегантно—по послѣдней модѣ—одѣтый, корректный и съ хорошими манерами онъ вовсе не производилъ впечатлѣніе „палача“.

Въ прошломъ онъ командовалъ группой на Херсонскомъ фронтѣ, разбившей французовъ.

Онъ сынъ извѣстнаго перводумца депутата Озоля, лидера латвійской группы въ Государственной Думѣ.

Онъ же принималъ, какъ о томъ сообщала газета „Русь“, главное участіе въ Кисловодскихъ разстрѣлахъ, а такъ же и въ убійствѣ генераловъ Радко-Дмитріева и Рузскаго. Человѣкъ онъ, несомнѣнно, большой, желѣзной воли, о чемъ свидѣтельствуетъ его дерзкое появленіе въ странѣ, гдѣ еще такъ много почитателей болгарскаго народнаго героя, разбившаго турокъ подъ Лозенградомъ.

Послѣ появившихся разоблаченій въ „Руси“, Озоль своевременно бѣжалъ черезъ Варну въ Россію.

XIV

Студентъ Низяевъ.

Болѣе полугода до смѣны вѣхъ я пользовался безплатно, благодаря сердечной отзывчивости уполномоченнаго Всероссійскаго Земскаго Союза г. Эйлера, пріютомъ въ общежитіи русскихъ студентовъ.

Тамъ мнѣ пришлось познакомиться и съ будущимъ „лидеромъ“ студенческаго союза въ Болгаріи, стоящаго на платформѣ Р.С.Ф.С.Р. Низяевымъ.

До его грѣхопаденія, мнѣ пришлось узнать, что онъ сынъ профессора, бывшій офицерѣ Дроздовскаго полка, отличавшійся беззавѣтной храбростью въ бою и примѣрнымъ поведеніемъ въ полку. Короче, говорятъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и образцовыхъ офицеровъ въ Русской арміи въ Крыму.

Благодаря своему званію „бѣлаго“ журналиста и бывшаго редактора русскихъ газетъ, я пользовался среди студентовъ и общимъ вниманіемъ, и уваженіемъ.

Не оставилъ меня своимъ вниманіемъ и студентъ Низяевъ.

Одинъ разъ онъ выразилъ мнѣ свое восхищеніе по поводу какой то моей статьи, напечатанной въ „Русскомъ Дѣлѣ“, а затѣмъ подѣлился своей затаенной мечтой — изучить профессію журналиста.

— Все возможно, — на это отвѣтилъ я; — если у васъ есть данныя, то четыре — пять лѣтъ упорной работы смогутъ поставить васъ на эту дорогу.

— Такъ долго? — удивился онъ.

— Все зависитъ отъ вашей работоспособности, —

повторилъ я.

Ему было 25 — 26 лѣтъ, но впечатлѣніе онъ производилъ почти юноши.

Бесѣдовалъ онъ сдержанно, скромно и, если такъ можно выразиться, даже почтительно.

Все наше знакомство по общежитію заключалось во взаимныхъ мелкихъ услугахъ: въ одолженіи, спичекъ, папиросъ и т. д. .

Когда произошло мое несчастное „смѣновѣховство", я перешелъ изъ общежитія на квртиру Агѣева и съ тѣхъ поръ съ Низяевымъ не встрѣчался.

Однажды на улицѣ меня встрѣтилъ Низяевъ со своимъ пріятелемъ студентомъ К., человѣкомъ абсолютно безцвѣтнымъ, и заявилъ мнѣ:

— Браво, Валеріанъ Вячеславовичъ, скоро и мы пойдемъ по вашимъ стопамъ.

— Не совѣтую, — уклончиво отвѣтилъ я, и мы разстались.

Послѣ, спустя нѣкоторое время, я получилъ отъ Низяева записку съ просьбой назначить часъ и мѣсто свиданія съ нимъ.

Я назначилъ.

Онъ пришелъ въ условленное мѣсто все съ тѣмъ же студентомъ К..

Мнѣ стало жаль этихъ юнцовъ, безъ всякаго основанія залѣзающихъ добровольно въ болото, и я попросилъ ихъ дать мнѣ честное слово въ томъ, что моя бесѣда съ ними останется между нами

Они согласились и слово дали.

Тогда я имъ разсказалъ истинную причину моего „смѣновѣховства", а затѣмъ передалъ свои настроенія, которыя сводятся къ слѣдующему: Новой Россіи нѣтъ, а есть терроръ, царство хамства и невѣжества, а у власти жуткіе и страшные люди.

— Повѣрьте, друзья мои, я вамъ желаю добра! — искренно говорилъ я имъ.

Они задумались.

Затѣмъ, попросивъ у меня свиданія на завтра, они попрощались со мной

На другой день они пришли съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ:

— Надоѣло „карать“ . . . Ведите насъ къ кому можете.

— Вы хорошо подумали? — колебался я.

— Да, мы рѣшились и очень просимъ направить насъ.

— У меня, — отвѣтилъ я, — тамъ связей нѣтъ, а если вы ужъ такъ настаиваете, то я могу васъ познакомить лишь съ редакторомъ „Новой России“.

— Пожалуйста! — просили они.

— При томъ лишь условіи, что я ему ничего не буду говорить о вашихъ цѣляхъ, а просто познакомлю. А то получится нехорошее впечатлѣніе — будто я васъ завербовалъ.

— Что вы? Что вы Валеріанъ Вячеславовичъ, васъ вѣдь всѣ знаютъ . . . вы на это не способны, — отвѣтилъ Низяевъ.

Я ихъ повелъ къ квартирѣ Адамовича, гдѣ въ то время принималъ Булацель.

У квартиры я имъ посовѣтовалъ:

— Пока не поздно — подумайте.

— Эхъ, итти, такъ итти! — въ искреннемъ отчаяніи вздохнули оба они.

— Васъ никто не тянетъ, — повторилъ я.

— Нѣтъ, Валеріанъ Вячеславовичъ, уже для насъ поздно — мы на этотъ путь стали еще въ общежитіи — ведите.

Я вошелъ къ Булацелю и сказалъ:

— Васъ желаютъ видѣть студенты.

— Просите.

— Студенты Низяевъ и К. — представилъ я ихъ и вышелъ изъ комнаты.

Такъ было положено начало организацiи союза русскихъ студентовъ Р.С.Ф.С.Р. въ Болгарiи.

Вскорѣ на дверяхъ одной изъ комнатъ „Земледѣльческаго Союза“ на Оборище, появился плакатъ:

— Бюро инициiативной группы студентовъ Р.С.Ф. С.Р. въ Болгарiи.

Принимали Низяевъ и К..

Параллельно съ этимъ въ газетѣ „Новая Россия“ было напечатано письмо Низяева за его полной подписью.

Это былъ его первый дебютъ въ газетѣ; легко и просто: не понадобилось четырехлѣтнѣй упорной работы, какъ пророчилъ я, а стоило только пойти въ смѣновѣховскую газету, какъ тамъ „напечатали“.

Это, кажется, было одной изъ причинъ „смѣновѣховства“ Н. Низяева.

По крайней мѣрѣ, послѣ напечатанiя письма Низяева, я видѣлъ его нѣсколько разъ „на седьмомъ набѣ“:

Послѣ этого Низяевъ не только „печатался“ въ „Новой России,“ но велъ и „редактировалъ“ въ ней отдѣлъ студенческой жизни. Развѣ это не стоило „смѣны вѣхъ“?

Такъ, я убѣжденъ, чувствовалъ и думалъ Низяевъ.

. . . .

Послѣ трехъ—четырехъ дней „Смѣновѣховства“, этотъ скромный юноша сталъ неузнаваемъ: измѣнилась манера говорить, измѣнилась походка; жесты, и свою рѣчь онъ щедро уснащалъ матерщиной.

Было больно и обидно смотрѣть, какъ быстро погибалъ въ юношѣ, можетъ быть, хорошiй и способный

человѣкъ, а вмѣсто него выходилъ изъ нутра дрянной и порочный хулиганъ.

Сталъ онъ пьянствовать, „кутить“ съ проститутками въ постоянной компаніи заматерѣлыхъ чекистовъ и въ ресторанѣ, уже полупьяный, мнѣ не разъ говорилъ.

— Я всю бѣлогвардейскую студенческую сволочь держу у себя въ кулакѣ — во какъ!

— Я собралъ 40 человѣкъ и баста! Съ ними, что хочу, то и сдѣлаю.

И дѣйствительно, до меня дошли свѣдѣнія, что Низяевъ несетъ чисто чекистскія обязанности: ведетъ списки студентовъ—„бѣлогвардейцевъ“, отмѣчаетъ каждый шагъ ихъ, слѣдитъ за студентами, уѣзжающими въ Россію, и каждый день бываетъ „запросто“ съ докладами (доносами) у Корецкаго, секретаря совѣтской миссіи Краснаго Креста въ Софіи.

Да и самъ Низяевъ не скрывалъ этого обстоятельства.

Какъ то онъ узналъ, что одинъ изъ его боевыхъ товарищей, тоже студентъ, дурно отозвался по поводу смѣновѣховства Низяева. На это онъ цинично улыбнулся и сквозь зубы проговорилъ:

— Сволочь бѣлогвардейская . . . Ну, ничего, я его запишу . . . Пусть только попадется онъ мнѣ когда нибудь въ Россіи!

Позднѣе Низяевъ былъ командированъ на студенческій съѣздъ въ Берлинъ, откуда пріѣхалъ уже важной совѣтской персоной; за работу по разложенію студенчества ему въ Россіи товарищъ Семенъ, (Фиркинъ), находящійся въ Берлинѣ, обѣщалъ дать во владѣніе цѣлый учебный округъ, — это ли не карьера!

И притомъ безъ всякой упорной и многолѣтней работы: стоило лишь „смѣнить вѣхи“.

И о „смѣнѣ вѣхъ“ Низяевъ не жалѣлъ; служилъ

вѣрой и правдой, какъ заласканный песъ у своихъ новыхъ хозяевъ.

Каковъ былъ удѣльный вѣсъ будущаго комиссара-попечителя учебнаго округа, можно судить лишь по одной сценкѣ, на которой мнѣ случайно пришлось присутствовать. По прiѣздѣ изъ Берлина, Низяевъ часто дѣлился своими впечатлѣнiями

Однажды въ редакцiи кто то, шутя, заговорилъ о сигналахъ съ планеты Марсъ.

Низяевъ въ теченiе часа съ самымъ серьезнымъ видомъ разсказывалъ о томъ, что въ Германiи подъ большимъ секретомъ строится летательный аппаратъ съ особыми приспособленiями для перелета на . . . Марсъ! . .

— Надо, видите ли, — говорилъ Низяевъ, — изобрѣсти такой металлъ, который въ безвоздушномъ пространствѣ выдержалъ бы сильное тренiе отъ полета и не расплавился бы . . . Такой металлъ уже одинъ русскiй рабфаковецъ изобрѣлъ и сейчасъ онъ, совмѣстно съ германскими учеными, строитъ летательный аппаратъ Полетъ на Марсъ состоится въ будущемъ году.

И это не шаржъ Всѣмъ хотѣлось смѣяться, Булацель краснѣлъ отъ неловкости: нельзя же смѣяться въ лицо будущему всесильному комиссару „Россiйской совѣтской республики“.

Всѣ пыхтѣли, закрывали ротъ, а Низяевъ съ глубокомысленнымъ видомъ говорилъ свою чепуху.

Всѣ страдали отъ неловкости, а мнѣ было больно видѣть, какъ быстро погибалъ на моихъ глазахъ въ этой атмосферѣ обрѣченный на невѣжество и хулиганство когда то славный и, можетъ быть, способный юноша.

Однажды на улицѣ онъ подошелъ ко мнѣ и покровительственно сказалъ:

Мнѣ жаль васъ, товарищъ Патекъ, вы — какъ чужой среди насъ, а это плохо . . . Надо вамъ выровняться, что бы вамъ вѣрили, а то, будто, вы ни туда, ни сюда . . .

— Слушайте, Низяевъ, — рѣзко отвѣтилъ я ему: вы сейчасъ для меня непріятны и говорить намъ не о чемъ.

— Почему? — заносчиво спросилъ онъ.

— Потому, что вы — нечестный человѣкъ, — отвѣтилъ я, и мы разошлись

. . . .

Въ этотъ день я въ своей записной книжкѣ записалъ: „Почему люди, ступившіе разъ на путь „смѣновѣховства“, такъ быстро стервенѣютъ? Почему? Вѣроятно, сознаніе совершенной ими подлости не даетъ имъ покою.

— Такъ пусть будетъ легка намъ наклонная плоскость къ пропасти! — думаютъ они и . . . теряютъ свой первоначальный человѣческій обликъ . . . И человѣкъ погибаетъ. Вмѣсто него Іуда — со всѣми современными пороками.“

И думаю, что, записывая это, я былъ правъ.

XV

Колеблющіеся

Надо отдать большевицкимъ агентамъ и ихъ новымъ смѣновѣхнувшимся помощникамъ должное: работали они по разложенію эмиграціи съ удивительной энергіей.

Черезъ мѣсяцъ ихъ работы настроеніе въ Болгаріи многихъ тысячъ бѣженцевъ заколебалось.

Я это утверждаю потому, что въ канцеляріи РОКК'а въ „Континенталѣ" и въ редакціи „Новой России" мнѣ приходилось видѣть многихъ изъ тѣхъ, которые теперь особенно демонстративно выражаютъ свое негодованіе по адресу уѣхавшихъ въ Россію.

Приходили нащупывать почву и узнавать о перспективахъ и о назначеніяхъ, ожидающихъ ихъ въ совѣтской Россіи, такіе люди, которые были и остались для большинства эмиграціи внѣ всякихъ подозрѣніи въ этомъ отношеніи.

Въ задачу моей книги не входитъ опороччиваніе репутаціи тѣхъ или иныхъ лицъ, заколебавшихся въ свое время, но отмѣчу только одного господина, въ періодъ моего секретарства у покойнаго Агѣева, добивавшагося черезъ меня свиданія съ дю-Шайля, а нынѣ занявшаго положеніе предсѣдателя Союза русскихъ студентовъ въ Болгаріи.

Нѣсколько разъ этотъ субъектъ, студентъ Чеканъ, отзывалъ меня въ общежитіи въ сторону и настаивалъ на свиданіи или съ дю Шайла или съ самимъ Агѣевымъ.

И только мое нежеланіе играть роль большевицкаго сводника случайно спасло его отъ грѣхопаденія, и нынѣ онъ благополучно здравствуетъ съ незапятнанной репутаціей „бѣлогвардейскаго" студента.

Всѣхъ колеблющихся занималъ прежде всего вопросъ:

— Сколько денегъ дадутъ за „смѣну вѣхъ" большевики?

И еще:

— Дадутъ ли хорошее назначеніе въ Россіи.

И только потому, что объ этомъ они нагло и цинично заявляли, переоцѣнивая свое собственное значеніе, — даже большевицкіе агенты отворачивались

отъ нихъ съ чувствомъ глубокаго презрѣнія.

Отмѣчаю поведеніе студента Чекана въ виду того, что ужъ слишкомъ омерзительное впечатлѣніе производилъ онъ и тогда, когда пытался проникнуть въ аппартаменты „Рокк'а“, и, впослѣдствіи, когда демонстративно отворачивался отъ своихъ бывшихъ товарищей, окунушихся въ смѣновѣховское болото.

И такихъ было много. Сейчасъ эти колебавшіеся когда то люди разбрелись по разнымъ странамъ; дай Богъ, чтобы ядъ сомнѣнія въ цѣлесообразности своего жертвеннаго изгнанія больше не проникалъ въ ихъ души!

Это явленіе достаточно показательно рисуетъ, какую удушливую атмосферу своей интенсивной работой создали когда то большевики въ Болгаріи.

И это происходило здѣсь, заграницей.

Слѣдуетъ помнить: что же творится сейчасъ тамъ, на нашей несчастной родинѣ, и какую невыносимую нравственную муку испытваютъ граждане Р.С.Ф.С.Р.!

. . . .

XVI

Шпана и Чайкинъ.

Давая характеристики и краткій очеркъ дѣятельности отдѣльныхъ персонажей смѣновѣховскаго болота, я считаю необходимымъ немного остановиться и на второстепенныхъ новоиспеченныхъ агентахъ „Рокк'а“, принадлежавшихъ, по мѣткому опредѣленію „Руси“, къ такъ называемой „шпанѣ.“

Къ числу этой шпаны принадлежали: журналистъ Терской-Гавриловъ, Холодковскій, Бекаревичъ, Сотни-

ковъ, Цудзикъ, Попковъ, „Филька" и Женька-матросъ, Ляликъ, Волковъ, Хохлачевъ и другіе.

Принадлежалъ ли я къ этой категоріи?

Последнее время, послѣ убійства Агѣева, когда кончилося мое у него секретарство, я, вѣроятно, тоже числился въ этомъ рангѣ.

Въ всякомъ случаѣ, я, каждую минуту могъ измѣнить свое положеніе, но такъ какъ процессъ разрыва съ большевиками у меня все время назрѣвалъ неуклонно, — я къ этому не стремился и продолжалъ пребывать въ неопредѣленномъ состояніи: не то въ „резервѣ", не то въ разрядѣ шпаны.

Такимъ я и ушелъ отъ нихъ . . .

Журналистъ Терской-Гавриловъ состоялъ въ роли выпускающаго газеты „Новая Россия". Бездарный, желчный, безцвѣтный и завистливый человѣкъ,—онъ всегда, сколько я его знаю и помню, былъ на задворкахъ газеты. Въ періодъ гражданской войны на югѣ Россіи, онъ большую часть ея не работалъ, а толкался просто около редакцій, питаясь за счетъ благотворительности своихъ товарищей. Въ рѣдкихъ случаяхъ имъ пользовались для посылокъ и несложныхъ порученій. Совершенно малограмотный и невѣжественный, онъ всегда чувствовалъ себя въ кругу журналистовъ и чуждымъ, и обиженнымъ человѣкомъ.

Возможность научиться техникѣ и положеніе „выпускающаго", въ газетѣ которое ему предложили, за отсутствіемъ вначалѣ людей, явились главными причинами его „смѣновѣховства". Этимъ я хочу сказать, что для всѣхъ такихъ бездарныхъ недоучекъ — смѣновѣховство являлось въ буквальномъ смыслѣ дорогой находкой.

Въ періодъ успѣховъ генерала Деникина, пробравшись въ „Освагъ", эти люди послѣ были выбро-

шены вмѣстѣ съ волной эмиграціи заграницу и тутъ только поняли, что настоящее золотое дно для нихъ тамъ, въ Совдепіи.

Свою „ошибку“, закончившуюся изгнаніемъ, они поспѣшили исправить при первой возможности.

Вотъ почему въ числѣ первыхъ смѣновѣхоцевъ очутились и Терской, и Холодковскій, котораго пускали въ редакцію лишь для прочтенія корректуры, и Бекаревичъ.

Сейчасъ они всѣ высланы въ Россію и дѣлаютъ, среди океана сплошного невѣжества, свою долгожданную карьеру журналистовъ-проффессіоналовъ.

В. Холодковскій также началъ карьеру журналиста въ „смѣновѣховствѣ“.

Ранѣе онъ прихлебательствовалъ въ качествѣ корректора „Русскаго Дѣла“ у издателя ея Кочубея, а затѣмъ, по закрытіи этой газеты въ Софіи, легко и свободно пошелъ служить и учиться газетному дѣлу—къ Булацелю.

Льстивый, пронырливый и услужливый, кому надо, наглый къ остальнымъ, онъ быстро акклиматизировался и скоро занялъ положеніе секретаря редакціи, сначала въ „Вѣстникѣ Земледѣльца“, а затѣмъ и въ „Новой России“.

На всѣхъ онъ производилъ отталкивающее впечатлѣніе своимъ подхалимствомъ, доходящимъ до приторности.

Очень напоминалъ своими качествами и поведеніемъ В. Холодковскаго, принадлежавшій къ шпанѣ, несмотря на разъѣзды по Болгаріи съ агитаціонной цѣлью, и бывшій прокуроръ І-го Донского корпуса полковникъ Калининъ.

— Я имъ, мерзавцамъ, покажу, говорилъ мнѣ какъ

то по адресу „бѣлыхъ“ Калининъ, — я два года киркой въ шахтахъ билъ каменный уголь . . . Я этого имъ не прощу . . . Я разстрѣлялъ на Дону до 3-хъ тысячъ большевиковъ, теперь возьмусь въ Россіи и за нихъ!

— А васъ къ стѣнкѣ не поставятъ? — Напомнилъ ему я.

— Меня не поставятъ. Такіе люди, какъ я, имъ нужны, — отвѣтилъ Калининъ.

Его все время въ Рокк'ѣ держали въ черномъ тѣлѣ, слабо платили, статей не печатали и, въ концѣ концовъ, онъ выѣхалъ въ Россію.

Оборванный, полубосый пробрался черезъ сербскую границу въ Болгарію и бывшій осважный „журналистъ“ Бекаревичъ, когда то случайно редактировавшій слащевскую газету „Голосъ фронта“ въ Мелитополѣ.

Тоже безталанный и малограмотный человѣкъ, онъ въ Сербіи не могъ пристроиться ни къ одной газетѣ, занимался тяжелымъ физическимъ трудомъ, связался тамъ съ сербскими коммунистами и, наконецъ, бѣжалъ отъ преслѣдованій сербской полиціи въ объятія „Новой России“; здѣсь его стали печатать, и онъ занялъ амплуа фельетониста.

— Не правда-ли, мои фельетоны напоминаютъ статьи Дорошевича: и строки короткія и мысли новыя? — наивно и нагло спрашивалъ онъ какъ то меня.

Смѣновѣховство Бекаревича и Калинина — результатъ уязвленнаго самолюбія маленькихъ почти невѣжественныхъ, несчастныхъ людей, рѣшившихъ найти въ Совдепіи примѣненіе своимъ несуществующимъ талантамъ и дарованіямъ.

Въ качествѣ разсыльнаго состоялъ при редакціи нѣкто Цудзикъ, бывшій мелкій агентъ застрѣлившагося эсера Николаева.

Еще въ арміи Деникина онъ дѣйствовалъ по разложенію фронта, состоялъ на службѣ у Николаева, который „работалъ" по директивамъ Савинкова.

Онъ же являлся и чуткимъ ухомъ Рокк'а: все что дѣлалось и говорилось въ помѣщеніи редакціи „Новой России" и въ „Земледѣльческомъ Союзѣ" на Оборищѣ, онъ ежедневно доносилъ товарищу Корецкому.

Онъ выѣхалъ въ Россію, гдѣ, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, собирался работать въ военно — политическомъ отдѣлѣ, въ качествѣ развѣдчика на польской границѣ, какъ человѣкъ, знающій многихъ членовъ Савинковской организаціи.

О своей прошлой развѣдочной деятельности онъ разсказывалъ мнѣ самъ, иллюстрируя свой разсказъ документами, выданными ему покойнымъ Николаевымъ.

. . . .

Въ помѣщеніи „Земледѣльческаго Союза", занимавшаго весь первый этажъ и подвалъ, было что-то въ родѣ ночлежки, гдѣ, по особымъ разрѣшительнымъ запискамъ А. П. Булацеля, ютилась часть „шпаны", а также и пріѣзжающіе изъ заграницы новые „смѣновѣховцы".

Жили тамъ одно время и Адамовичъ, и Бѣлашовъ. Пришлось одно время, за неимѣніемъ квартиры, пользоваться въ этомъ учрежденіи пріютомъ и мнѣ.

„Завѣдовалъ", вѣрнѣе въ роли сторожа и доносчика состоялъ здѣсь Цудзикъ.

Однажды прибылъ и поселился съ нами бѣжавшій изъ Сербіи молодой парень, совершенно не интеллигентный, носившій вымышленную фамилію Станкевича. Онъ безпрерывно писалъ день и ночь своимъ корявымъ почеркомъ и по вечерамъ сдавалъ рукописи Булацелю.

Впослѣдствіи выяснилось, что онъ — мой землякъ,

младшій брать моего друга дѣтства, уже пять лѣтъ состоитъ въ коммунистической партіи, былъ въ красной арміи и командированъ заграницу съ весьма важнымъ порученіемъ.

Вскорѣ онъ скрылся, вѣрнѣе перешелъ на нелегальное положеніе.

Отмѣчаю эти мелочи только для того, чтобы читатели могли видѣть, изъ какихъ разнородныхъ элементовъ состояли агенты „Чека“: самый невѣжественный и малограмотный человѣкъ могъ получить даже заграничную командировку, лишь бы онъ могъ быть готовымъ на преступленіе.

— Если нужно будетъ, то я могу и убить, — говорилъ онъ какъ то мнѣ.

— И меня, друга дѣтства вашего брата? — спросилъ я.

— И васъ, если понадобится: у насъ ни дружественныхъ, ни родственныхъ связей не существуетъ. Если надо — убью и родного отца . . .

Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что мой бывшій другъ дѣтства, его старшій брать, Матвѣй Сотниковъ, бывшій эсеръ, а затѣмъ „анархистъ“, состоявшій раньше въ шайкѣ Савицкаго, командовалъ на Колчаковскомъ фронтѣ партизанскимъ отрядомъ.

Спустя нѣкоторое время, уже послѣ разрыва съ большевиками, я въ одномъ ресторанѣ разговорился съ нѣкимъ Д., высланнымъ, кажется, теперь въ Россію.

— Вы знаете кто я? — спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ.

— А я васъ знаю, — и онъ назвалъ мою фамилію.

— Откуда?

— Я по Екатеринодару васъ помню, мы сосѣди по квартирамъ.

— Что вы дѣлаете?

— Я — провокаторъ. Работалъ раньше въ Варнѣ въ большевицкомъ контролѣ: доносилъ о безобразіяхъ нашей совѣтской миссіи въ Москву, объ ихъ кутежахъ и взяточничествѣ.

— А сейчасъ?

— Сейчасъ я безъ дѣла и жду ареста.

Своей циничной откровенностью онъ произвелъ на меня дурное впечатлѣніе.

— Послушайте, — спросилъ я его, — каковы ваши убѣжденія?

— Никакихъ . . . Я просто авантюристъ. Мнѣ безразлично, гдѣ и у кого работать . . . Такова моя натура.

— Скверная.

— Для меня хороша.

— Вы пьете?

— Нѣтъ.

— Кокаинъ?

— Тоже нѣтъ.

— Тогда еще одинъ вопросъ: извѣстно ли вамъ, что вашъ родъ занятій гнусенъ и опасенъ?

— Извѣстно, но я безъ опасности скучаю. Въ свое время меня узнаютъ. У меня много интересныхъ свѣдѣній Одинъ подвалъ на Оборищѣ чего стоитъ!

— Это въ „Земледѣльческомъ Союзѣ?"

— Да, а вы откуда знаете объ этомъ подвалѣ? — спохватился онъ.

— Я въ этомъ помѣщеніи жилъ и ничего о подвалѣ не знаю.

— О, тамъ много тайнъ, которыя я въ свое время разоблачу.

— Дѣлайте это сейчасъ.

— Теперь мнѣ не выгодно . . . Я долженъ быть

арестованъ, какъ большевикъ, побывать у нихъ, а затѣмъ все сдѣлаю.

Я вышелъ изъ ресторана, и онъ провожалъ меня дальше по улицѣ.

— Да, Россія сошла сьума, а со мной рядомъ идетъ осколокъ ея сумасшествія! — думалъ я.

Бесѣда наша дальше не клеилась, и мы разошлись.

. . . .

Въ числѣ „шпаны" обрѣтался и нѣкій Волковъ, другъ Бѣлашова, служившій одно время корректоромъ въ „Новой Россіи", и „Шурка" — мичманъ Губергрицъ, и мичманъ Ч., и „Женька матросъ".

По этимъ кличкамъ они и значились у большевиковъ. Не правда ли, какъ это все напоминаетъ старый Хитровъ рынокъ, Вяземскую лавру и ея аборигеновъ!

А вѣдь вся эта шпана состояла въ свитѣ, въ качествѣ тѣлохранителей, сначала у Чайкина, а затѣмъ у Корешкова и товарища Фиркина.

Я самъ видѣлъ, напримѣръ, „Шурку — мичмана", опоясаннаго пулеметной лентой, съ огромнымъ маузеромъ за поясомъ, дежурящимъ у входа въ аппартаменты Корешкова въ „Континенталѣ". *)

Своимъ воинственнымъ и свирѣпымъ видомъ онъ долгое время пугалъ посѣтителей и частныхъ жильцовъ „Континенталя"

Что касается „Женьки — матроса", то онъ ознаменовалъ начало своей большевицкой карьеры слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Однажы ко мнѣ подошелъ докторъ Пылевъ, работавшій въ пріемномъ покоѣ стараго Краснаго Креста,

---

*) Отель въ Софіи, населенный въ это время, преимущественно русскими. Вь немъ и основалась совѣтская „Миссія", до перехода въ отдѣльный домъ.

и взволнованно сказалъ:

— Вотъ вы, смѣновѣховецъ, я знаю, а вотъ, какъ вы посмотрите на этотъ случай?

И онъ разсказалъ возмутительную исторію, какъ во время богослуженія въ Русскую посольскую церковь вошелъ въ фуражкѣ этотъ самый „Женька матросъ“ съ дымящейся папиросой во рту и сталъ у иконъ.

Всѣхъ молящихся эта выходка возмутила, а докторъ Пылевъ предложилъ ему или удалиться, или снять шапку и бросить папиросу.

Женька-матросъ продолжалъ стоять въ вызывающей позѣ, что побудило доктора вырвать у хулигана папиросу и растоптать.

Тогда „Женька-матросъ“ пригласилъ Пылева на улицу и, пригрозивъ ему: „Я съ вами посчитаюсь.!“ — бѣжалъ отъ окружившей его возбужденной толпы прихожанъ

Выслушавъ Пылева, я сказалъ:

— Возмутительное безобразіе. Я иду сейчасъ въ совѣтскую миссію и заявлю имъ, что, если они не примутъ никакихъ мѣръ по поводу этой выходки, я уйду изъ ихъ газеты.

Боясь, что-бы этотъ хулиганъ въ самомъ дѣлѣ не выкинулъ какой нибудь гадости противъ доктора Пылева, въ родѣ револьверной пальбы изъ за угла, я тотъ часъ же направился въ миссію.

Я требовалъ доложить обо мнѣ товарищу Семену, но дежурившій у его дверей юнкеръ Голощаповъ заявилъ мнѣ, что Фиркинъ боленъ и проситъ передать мое дѣло черезъ Голощапова.

Я разсказалъ всю эту гнусную исторію и подчеркнулъ:

— Надѣюсь, у совѣтской миссіи найдутся способы

обуздать этого мальчишку. Тѣмъ болѣе, я полагаю, что въ задачи совѣтской миссіи не входитъ борьба съ церковью заграницей.

— Хорошо, хорошо, я передамъ . . . — Отвѣтилъ Голощаповъ.

— Этого мало, — подчеркнулъ я, — помните, что вашъ „Женька-матросъ“ угрожалъ посчитаться съ Пылевымъ, а я знаю, что вы его снабдили раньше оружіемъ . . . Вы сейчасъ же должны отнять у него револьверъ

— Онъ будетъ высланъ изъ Болгаріи въ Россію, — твердо заявилъ Голощаповъ.

— Благодарю васъ Вѣрю, что вы слово свое сдержите.

— Не безпокойтесь. Сегодня же.

Я ушелъ.

Съ тѣхъ поръ „Женька-матросъ“ нигдѣ не появлялся въ теченіе двухъ недѣль.

А черезъ двѣ недѣли мнѣ передали, что „Женька-матросъ“ и „Шурка-мичманъ“ грозятъ расправиться со мной.

Оказалось, что Голощаповъ слова не сдержалъ и хулиганъ пользовался пріютомъ въ . . . миссіи вплоть до отъѣзда въ Россію.

Послѣ этого случая, когда мнѣ приходилось бывать у Булацеля въ „Континенталѣ“, „Шурка-мичманъ“ всегда грозно и свирѣпо опрашивалъ меня всякій разъ, — кто я такой (своего рода издѣвательство, такъ какъ онъ меня прекрасно зналъ), при этомъ демонстративно держался правой рукой за свой маузеръ.

И это тѣмъ болѣе печально, что этого мичмана Александра Губергрица (его фамилію раньше *приписывали* другому — чекисту — „Филькѣ“,) знали, какъ исполни-

тельнаго и храбраго моряка. Заграницей онъ долго не снималъ погонъ и съ гордостью носилъ георгіевскій крестъ, заявляя, что свое офицерское званіе онъ сумѣетъ сохранить до конца дней своихъ.

„Женьку-матроса" я зналъ по Константинополю, какъ добровольца, участника храбрыхъ морскихъ набѣговъ на большевицкіе порты

Въ Софіи они одно время хлопотали даже у епископа Стефана объ отправкѣ ихъ обратно во флотъ.

И, вдругъ, такая метаморфоза!

. . . .

Отношеніе чиновъ совѣтской миссіи, вѣрнѣе шпаны, къ приходящимъ въ „Континенталь" за справками бѣженцамъ было явно презрительное и грубое.

Я самъ случайно присутствовалъ тамъ въ коридорѣ при слѣдующей сценѣ.

Пришелъ въ „Континенталь" оборванный бѣженецъ, пріѣхавшій изъ провинціи Болгаріи, и просилъ ауденціи у Корешкова.

— Корешковъ васъ не приметъ, — заявилъ ему Голощаповъ, — разскажите мнѣ, въ чемъ дѣло?

Бѣженецъ началъ жаловаться, что какой то провинціональный отдѣлъ Совнарода внесъ его въ списокъ отъѣзжающихъ съ первой партіей въ Россію, взялъ часть денегъ якобы на расходы по отправкѣ, а затѣмъ изъ списковъ вычеркнулъ.

— Вонъ! — заоралъ на него Голощаповъ, — вонъ сію же минуту, чтобъ твоя нога здѣсь не была, иначе спущу тебя сейчасъ съ лѣстницы! Я тебѣ покажу, какъ жаловаться!

На крикъ Голощапова подбѣжалъ „Филька", и вынимая одной рукой изъ кармана револьверъ, другой вытолкалъ внизъ по лѣстницѣ неудачливаго совнародца.

На меня это произвело тяжелое впечатлѣніе, и въ этотъ день я отложилъ визитъ къ Булгацелю, къ которому принесъ вырѣзки изъ газетъ.

О главѣ, организаторѣ и вдохновителѣ всей этой шпаны, мичманѣ Чайкинѣ, много писали газеты и поэтому, я ограничусь лишь нѣкоторыми данными о его появленіи на большевицкомъ горизонтѣ въ Болгаріи.

Въ 1921 году мичманъ Чайкинъ былъ высланъ изъ Сербіи за большевицкую агитацію среди русскихъ бѣженцевъ.

Лѣтомъ того же года онъ появился въ Софіи; первое время страшно нуждался и жилъ за счетъ благотворительности своихъ старыхъ друзей.

Вскорѣ ему удалось поступить въ американскій гаражъ „Штандартъ", который онъ расхитилъ и распродалъ такъ умѣло, что хозяева гаража не могли возбудить противъ него уголовнаго дѣла.

Обокравъ гаражъ, Чайкинъ одно время служилъ въ какой то фирмѣ, въ качествѣ комиссіонера по продажѣ шерстяныхъ матерій.

Въ это время прибыли изъ Одессы въ Софію большевицкіе агенты, съ которыми онъ и вступилъ въ переговоры.

Прибывшій впослѣдствіи вмѣстѣ съ Раковскимъ Борисъ Николаевичъ" (Шведовъ—Краснославскій) далъ ему опредѣленныя заданія и крупную сумму денегъ, Чайкинъ началъ дѣйствовать. Остальное извѣстно.

Самую гнусную и подлую работу не только въ Болгаріи, но и на Балканахъ, несомнѣнно, сдѣлалъ Чайкинъ.

Большевики сумали его отблагодарить. Сейчасъ онъ пользуется въ Сов. Россіи полнымъ довѣріемъ самого Дзержинскаго, занимаетъ большое положеніе и

ждетъ назначенія командующимъ Черноморскимъ флотомъ.

Имя Чайкина еще не разъ заставитъ полицейскія власти смежныхъ съ Россіей государствъ побезпокоить своихъ детективовъ.

Чайкинъ наглъ, храбръ, неглупый и большой воли человѣкъ.

XVII

Собраніе „Совнарода".

Разбойники по психологіи, кремлевскіе диктаторы усвоили и цыганское правило: брать и рвать тамъ, гдѣ или плохо лежитъ, или дается даромъ.

Умѣя облапошивать своихъ беззащитныхъ рабовъ — россіянъ, они также сумѣли для своихъ подлыхъ, корыстныхъ и преступныхъ цѣлей сыграть на чувствѣ гуманности европейскаго общества. Кто не помнитъ циничной вакханаліи поборовъ по Европѣ для голодающаго населенія, а затѣмъ распродажу „излишковъ" хлѣба и милліоны погибшихъ отъ голода россіянъ!?

Желая уничтожить эмиграцію и не имѣя другого способа для этой цѣли, кромѣ репатріаціи, — они сумѣли всю тяжесть росходовъ по осуществленію ея возложить на Лигу Націй.

Развѣ это сдѣлано не подло по цыгански:. оплата работы по разложенію эмиграціи и по доставкѣ „смертниковъ" въ Совдепію, легла всецѣло на скудную кассу Лиги Націй!

Но для того, чтобы Лига Націй выполняла взятыя ея представителемъ Нансеномъ на себя обязательства, необходимо было, помимо „мертвыхъ душъ" въ спис-

кахъ имѣть и нѣкоторое количество желающихъ репатріироваться.

Въ этомъ направленіи день и ночь неустанно работало „Центральное бюро совнарода."

Когда въ первой партіи оказалась лишь одна пятая часть (согласно заготовленнымъ спискамъ) репатріирующихся, тогда „Совнародъ" сталъ на путь самыхъ нелѣпыхъ измышленій: врангелевскіе генералы не пустили желающихъ въ Варну, многія группы „опоздали" и т. д..

Москва дала „Совнароду" нагоняй, а представитель Лиги Націй твердо заявилъ, что для случайно завербованныхъ группъ онъ безплатныхъ пароходовъ доставлять не станетъ.

Для гальванизаціи дѣла репатріаціи, повсемѣстно въ Болгаріи „Совнародъ" устраивалъ доклады „пріѣзжающихъ изъ Россіи."

Мнѣ пришлось присутствовать на этихъ докладахъ.

Обыкновенно докладывалъ или завѣдомый чекистъ и прохвостъ, или несчастный человѣкъ, дѣйствительно побывавшій въ Россіи и съ дрожью въ голосѣ повѣствовавшій о прелестяхъ совѣтскаго рая.

Любопытно, что такого докладчика одного на улицу не выпускали, а приводили его подъ конвоемъ чекистовъ и уводили назадъ въ миссію совѣтскаго Краснаго Креста, гдѣ онъ и жилъ, вплоть до второй и послѣдней отправки въ Россію.

Такъ было и съ бывшимъ членомъ Донского Войскового Круга Лунченковымъ.

По пріѣздѣ изъ Россіи его приводили на собраніе для доклада, а послѣ запрятали въ той же миссіи.

Мнѣ разсказывали, что, когда въ миссію явились казаки, его одностаничники, и попросили дать имъ по-

бесѣдовать съ Лунченковымъ съ глазу на глазъ, имъ было въ этомъ отказано.

Лунченковъ пришелъ къ нимъ въ сопровожденіи Озоля, Корецкаго и „Фильки“.

Онъ былъ блѣденъ, замѣтно волновался, и бесѣда „задушевная“, какъ того желали казаки, не склеилась.

Разгадать тайну поведенія его и докладчиковъ изъ Россіи—дѣло будущаго.

Доклады происходили при слѣдующей обстановкѣ. Докладчикъ подводился (буквально—подъ конвоемъ) къ столу президіума Совнарода. Вокругъ него тѣснымъ полукольцомъ становились матерые совнародцы и новороссійскіе чекисты.

Почти дрожа, начиналъ свою рѣчь докладчикъ, каждую минуту поглядывая на „президіумъ.“

Кто наблюдателенъ, тотъ вѣроятно, замѣчалъ, какъ „докладчику“ дѣлались знаки глазами со стороны „президіума“: — продолжать, остановиться подробнѣй на какомъ либо мѣстѣ или оборвать часть разсказа.

Послѣ „доклада“ допускались и вопросы.

Но какова была свобода на этихъ собраніяхъ, покажетъ слѣдующій фактъ.

Одинъ изъ наивныхъ „совнародцевъ“ задалъ докладчику вопросъ:

— Какъ же можно ѣхать Иванову (фамилію беру вымышленную), ежели онъ разстрѣливалъ въ контръ-развѣдкѣ большевиковъ. Слѣдовательно и его, значитъ, тамъ къ стѣнкѣ?

— Вонъ! Провокаторъ! — раздались крики со стороны „президіума“.

Къ наивному совнародцу подлетѣли чекисты и начали его избивать на глазахъ у публики.

— Товарищи . . . вопилъ онъ. Но ему рукой за-

крыли ротъ, били его рукояткой нагана по головѣ и выбросили на улицу.

Все это я видѣлъ самъ лично.

И такихъ случаевъ было много.

— Я ему ребра поламалъ! — хвасталъ громко, вернувшись въ залъ, послѣ избіенія „провокатора“, чекистъ.

Итакъ, всякая возможность критики и искренняго обмѣна мнѣній на этихъ собраніяхъ была исключена благодаря террору.

И это въ Болгаріи.

Да, они оказались постоянны: въ чужую страну привезли всѣ навыки по устройству бутафорскихъ собраній и проч..

XVIII.

Генералы.

Помня, какое впечатлѣніе на эмиграцію произвелъ переходъ на совѣтскую службу генерала Слащева, большевики сразу начали съ того, что стали подыскивать подходящихъ для подкупа „генераловъ“.

Ими распространялись провокаціонные слухи о переходѣ на службу, въ красную армію, генераловъ: Туркула, Манштейна и Гусельщикова, командира— Донского Гундоровскаго полка.

Въ это время я жилъ у Агѣева и спросилъ его:

— Правда ли, Александръ Михайловичъ, что Туркулъ, Манштейнъ и Гусельщиковъ наканунѣ признанія совѣтской власти.

— Пока еще нѣтъ, но это возможно. Съ ними уже вступили въ переговоры, — отвѣтилъ Агѣевъ.

— И вы надѣетесь?

— Пока мнѣ еще неизвѣстно о ходѣ переговоровъ, но, думаю, что слухи эти не лишены основаній.

Впослѣдствіи мнѣ удалось узнать, что къ генераламъ Туркулу и Манштейну, дѣйствительно, являлся Чайкинъ, въ сопровожденіи адъютанта Агѣева, но былъ ими постыдно изгнанъ..

. . . , ... , ... , ...

Первой дѣйствительной ихъ жертвой палъ генералъ Гравицкій, котораго я встрѣчалъ у Агѣева въ первые же дни по пріѣздѣ послѣдняго изъ Россіи.

Вторымъ оказался генералъ Секретевъ, получившій за подпись на воззваніи двадцать тысячъ левовъ и пропившій ихъ совершенно открыто въ ресторанѣ „Счастье".

Не миновалъ этой участи и генералъ Клочковъ, человѣкъ, повидимому, порядочный и пошедшій къ большевикамъ по тяжелымъ семейнымъ обстоятельствамъ.

Всѣ они выѣхали въ Россію, а Клочковъ, по полученнымъ изъ Россіи свѣдѣніямъ, разстрѣлянъ еще въ Новороссійскѣ.

Ихъ воззваніе было напечатано въ газетѣ „Новая Россия", а затѣмъ выпущено для распространенія въ арміи отдѣльными экземлярами.

Удалось завербовать большевикамъ и еще одного генерала Евгенія Зеленина, котораго я совершенно не знаю.

Больше „генераловъ" найти имъ не удалось, что видно по подписямъ воззванія.

Воззваніе стряпалось у покойнаго А. М. Агѣева, причемъ авторомъ его является товарищъ Семенъ.

Вотъ текстъ этого воззванія, съ сохраненіемъ правописнія.

К ВОЙСКАМ БЕЛЫХ АРМИЙ.

Боевые наши соратники! Настоящим обращением мы оповещаем всех Вас, что отныне мы признаем в качестве Российского Правительства нынешнее Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и готовы перейти на службу в Российскую Рабоче—крестьянскую Красную армию. Мы все даем обещание быть лойяльными гражданами Советской Республики и честными солдатами ее революционной армии.

Гражданская война и годы эмиграции наглядно показали, что идеология белого движения потерпела полное крушение, потому что по существу своему являлась глубоко антигосударственной и противонародной. Выброшенное в эмиграцию, белое движение выродилось в ряд авантюр, лишенных какого бы то ни было идейного содержания. Зародившееся под лозунгом спасения отечества, белое движение уже давно является ярковыраженным движением против России.

Особенно показательной и требующей сурового осуждения является деятельность барона Врангеля, для которого несчастное положение беженских масс и бывшей армии является источником власти и который не оставляет попыток возобновить вооруженное нападение на Россию. Врангель не только являет собою угрозу мирной жизни в России, но и торгует русским оружием, носить которое мы почитали своей гордостью. Мы наблюдаем русские войсковые части на службе у государств, не состоящих с Россией ни в союзе, ни в дружественных отношениях. Несомненным преступлением против России является удар по тылу Российской Красной армии в период наступления ее на поляков, преступным является и настоящая готовность Врангеля борьбы с Новой Россией на стороне ее врагов. Мы не можем ни сочувствовать, ни нести ответственость за этот авантюризм.

С другой стороны нужно признать, что пятилетнее существование Советской власти свидетельствует о том, что эта власть признана русским народом и пользуется его всемерной поддержкой. Доходящие до нас из России сведения определенно говорят о том, что наша родина

вышла из полосы первоначального революционного хаоса и вступила на путь творческой созидательной работы.

На международной политической арене Советское Правительство является единственным защитником интересов России и ея государственного суверенитета.

Международное положение Советской России укрепляется с каждым днем, но для обезпечения мирного процветания нашей родины она нуждается в постоянной, стойкой армии, для успешного строительства и воспитания которой важен каждый дельный солдат и офицер.

Поэтому мы считаем преступлением перед народом русским сидеть в эмиграции, когда наша родина нуждается и ждет от нас помощи. Мы убеждены, что это сознание побудит каждого честного эмигранта целиком согласиться с нашей позицией и последовать нашему примеру — возвращенню в Россию.

Солдаты, казаки и офицеры, вы знаете отдельно каждого из подписавших настоящее обращение, вы знаете нас по совместной боевой работе в течении целого ряда лет — поэтому мы обращаемся к вам с призывом: не теряя времени, следуйте нашему примеру. Возвращайтесь к родным полям и очагам для дружной работы на пользу нашей родины.

Верьте же нам: единственным побуждением, которым мы руководствуемся в нашем решении, является искренное желание помочь нашей родной России. Мы предпочитаем открытое признание своих прошлых ошибок прозябанию в эмиграции. Мы открыто осуждаем все попытки сформировать и отправить в Россию десант, разведывательные партии и отдельных агентов для поднятия восстаний, как это имеет место сейчас в пределах Балкан. Ни одного солдата и офицера на новую авантюру.

Мы уверены, что наш пример увлечет за собою всех наших честных боевых соратников. Да здравствует же Революционная Советская Россия, великая наша Родина!

Александр Секретев, *генерал-лейтенант бывший командир Донского конного корпуса.*

Юрий Гравицкий, *генерал-майор бывший начальник Марковской дивизии Добровольческой Армии.*

Иван Клочков, *генерал-майор бывший командир 2-ой бригады 1-ой Донской Казачьей дивизии.*

Евгений Зеленин, *генерал майор Помощник Начальника Алексеевской пехотной дивизии.*

Димитрий Житкевич, *полковник бывший командир Самурского пехотного полка.*

Вячеслав Оржановский, *полковник, причисленный к Генеральному Штабу, старший адютант штаба Корниловской дивизии.*

Николай Климович, *полковник бывший командир 1-го Сунженско-Владикавказского пластунского батальона.*

Михаил Лялин, *полковник бывший командир бронепоезда „Единая Россия“.*

Иосиф Петров, *бывший полковник 42 Якутского полка.*

XIX.

Генералъ В. Л. Покровскій.

Приблизительно черезъ недѣлю — полторы послѣ моей „смѣны вѣхъ“ и начала работы въ газетѣ „На Родину“, я въ „градской градинѣ“ (городскомъ саду) неожиданно столкнулся, лицомъ къ лицу, съ В. Л. Покровскимъ.

Онъ шелъ одинъ, а позади него шелъ на отдаленномъ разстояніи какой то молодой человѣкъ.

— Викторъ Леонидовичъ? — не вѣря глазамъ, спросилъ я.

— А, вы . . . вы г. Патекъ? — въ свою очередь недоумѣвалъ Покровскій.

— Да, я самый.

Мы расцѣловались.

— Идите за мной въ сторонѣ, — скороговоркой сказалъ Покровскій — за мной слѣдятъ.

— Тотъ, кто идетъ за вами?

— Нѣтъ, другой. За мной идетъ свой человѣкъ.

Покровскій быстро пошелъ впередъ, я въ десяти шагахъ отъ него, а слѣдомъ за мной шагалъ „свой человѣкъ" Покровскаго, фамилію котораго я, къ сожалѣнію, до сихъ поръ такъ и не установилъ.

Покровскій вышелъ изъ сада и свернулъ къ зданію германскаго посольства.

У посольства онъ остановился и сказалъ:

— Если вы не заняты, то прошу васъ обождать меня минутку . . . Мнѣ нужно поговорить на счетъ визы . . , Послѣ пойдемъ обѣдать вмѣстѣ.

Я согласился.

Онъ подозвалъ „своего человѣка" и сказалъ:

— Познакомьтесь: „нашъ человѣкъ," а это — журналистъ Патекъ, о которомъ я вамъ говорилъ.

Покровскій вошелъ въ посольство

А мы вдвоемъ со „своимъ человѣкомъ" стали разгуливать по троттуару.

— Вы — г. Патекъ? — спросилъ меня „свой человѣкъ".

— Да, я самый.

— Ну, вотъ и хорошо . . . Мнѣ не нужно васъ разыскивать. Генералъ приказалъ привести васъ сегодня къ нему.

— Случайная встрѣча, — отвѣтилъ я и сталъ оглядываться по сторонамъ.

На противоположной сторонѣ назойливо шмыгали два какихъ то типа, изъ которыхъ одного я въ лицо зналъ, какъ агента Чайкина.

— За Покровскимъ слѣдятъ, — сказалъ я „свое-

му человѣку“, — это большевицкій агентъ.

— Ничего . . . пусть! — отвѣтилъ „свой человѣкъ“ и улыбнулся. Его спокойствіе и улыбка мнѣ показались странными.

Вскорѣ вышелъ Покровскій и обратился ко мнѣ:

— Ведите меня, куда хотите. Я городъ плохо знаю. Можетъ быть, за обѣдомъ выпьемъ вина или пива? Гдѣ получше, и чтобы никого не было.

— Идемте въ „Батембергъ“! — предложилъ я.

— Прекрасно, какъ разъ я тамъ былъ вчера . . . Мнѣ понравилось.

Мы съ нимъ пошли уже рядомъ, а „свой человѣкъ“ почтительно шагалъ позади насъ.

Въ ресторанѣ „Батембергъ“ никого не было.

Мы забрались въ самый уголъ, и, сѣвъ у стола Покровскій отослалъ „своего человѣка“ куда то съ порученіемъ

— Это вашъ человѣкъ? — спросилъ я.

— Да, отвѣтилъ онъ, — бывшій мой адъютантъ.

— Но я его не знаю, — удивился я.

— Да послѣ вашего отъѣзда изъ Царицына, я разстался съ Александровичемъ (бывшій адъютантъ Покровскаго) и взялъ этого . . .

— За вами слѣдятъ сейчасъ, Викторъ Леонидовичъ, — сказалъ я.

— Знаю. Я и послалъ адъютанта по этому дѣлу. Ну, какъ вы?

— Плохо, Викторъ Леонидовичъ, цѣлая драма съ женой: чуть ли ни въ заложницахъ въ Россіи . . , Пришлось „смѣнить вѣхи.“

— Да не можетъ быть!

— Да, Викторъ Леонидовичъ, я „смѣнилъ вѣхи“, но я не большевикъ, вѣрите?

— Вѣрю и знаю. Ну, ничего, все уладимъ. Продолжайте работать у нихъ . . . Я васъ искалъ заграницей послѣ эвакуаціи Крыма. Ваши статьи читалъ въ „Общемъ Дѣлѣ“ и въ „Русскомъ Дѣлѣ“.

— Я вамъ писалъ на редакцію „Русскаго Дѣла“. Вы мнѣ очень нужны.

— Я писемъ не получалъ.

— Странно Что вы дѣлаете?

— „Мѣняю вѣхи,“ — улыбнулся я.

— Нѣтъ, я не объ этомъ. Что нибудь пишите?

— Некогда . . . Все время живу скверно, каждый день въ погонѣ за кускомъ хлѣба.

— Ну ничего . . . уладимъ. Ко мнѣ поѣдете?

— Куда?

— Въ Баварію.

— Съ удовольствіемъ.

— Такъ вотъ, сразу и рѣшимъ: я выѣду на недѣльку, а затѣмъ, черезъ 7—10 дней, или самъ вернусь за вами, или черезъ „своего человѣка“ передамъ вамъ визу и тысячи четыре—пять денегъ . . . Согласны?

— Благодарю.

— Вы мнѣ нужны для работы. У меня — громадный архивъ, много интереснаго, а для этой работы нуженъ свой человѣкъ. Я вамъ, Валерьянъ Вячеславовичъ, вѣрю

— А мое смѣновѣховство и жена.?

— Не безпокойтесь, она будетъ, если пожелаетъ, съ вами. Я все улажу.

— Какимъ образомъ?

— У меня вездѣ свои люди.

— А мое „смѣновѣховство“?

— Я ему не вѣрю, а для пользы дѣла это—хорошо. Продолжайте. Кто писалъ статьи въ газетѣ „На Роди-

ну“ обо мнѣ?

— Не знаю.

— Бѣлашовъ здѣсь? — спросилъ Покровскій.

— Да.

— Я его видѣлъ на улицѣ . . .

— Что вы дѣлаете? — спросилъ я его въ свою очередь.

— Пока ничего. Поговоримъ съ вами послѣ моего возвращенія . . .

За обѣдомъ нашъ разговоръ носилъ общій характеръ: вспомнили прошлое, его первый „отрядъ“ въ 17 человѣкъ, покойнаго Рындина, убитыхъ большевиками Бардижей, говорили о генералѣ Слащевѣ и т. д..

За два года, во время которыхъ я не видѣлся съ Покровскимъ, онъ чрезвычайно возмужалъ и духовно выросъ. Въ бесѣдѣ поразилъ меня своей эрудиціей. Предо мною былъ не лихой партизанъ, генералъ Покровскій, а большой и вдумчивый человѣкъ.

— Я многое передумалъ и поработалъ заграницей. Большевизмъ идетъ на умираніе. Скоро и тѣ державы, которыя пытались завести сношенія съ Москвой, будутъ открещиваться отъ совѣтскихъ дипломатовъ. Чехо-Словакія уже серьезно ликвидируетъ свои прошлые шаги въ этомъ направленіи.

— Рабочіе Запада видятъ всю злостную фальсификацію рабоче-крестьянской власти. Я имѣю данныя полагать, что скоро мы будемъ на родной землѣ . . .

- Надо только работать. Гдѣ журналистъ Верховскій? спросилъ онъ

— Я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ въ Севастополѣ

— А Юрій Слезкинъ то . . . а? Настоящій большевикъ теперь! возмущался Покровскій.

— Да, многихъ тамъ скоро увидимъ . . . — пожалъ плечами я.

— Жаль . . . жаль . . . Спѣшите всѣ вы . . . Надо еще немного подождать . . .

— Обстановка такая : полная безнадежность.

— Не вѣрно; надо внимательно слѣдить за информацiей самихъ большевиковъ и получится иная обстановка.

Я ничего не отвѣтилъ.

Въ это время пришелъ „свой человѣкъ" и предложилъ Покровскому итти.

Мы, послѣ двухчасовой бесѣды, встали и начали прощаться.

— Ну—съ, всего хорошаго, — сказалъ Покровскiй. — Итакъ я на васъ разсчитываю . . . Вы идите впередъ. Объ этомъ свиданiи со мной никому ни слова.

— Знаю.

Я вышелъ изъ ресторана одинъ.

Черезъ часъ я былъ остановленъ на улицѣ Бѣлашовымъ, который меня пригласилъ обѣдать въ ресторанъ „Медвѣдь".

— Я уже обѣдалъ, — отвѣтилъ я.

— Знаю. Съ кѣмъ вы были въ ресторанѣ „Батембергъ" ?

— Съ однимъ хорошимъ знакомымъ.

— Не хорошо такъ, — сказалъ Бѣлашовъ, — какой же вы „смѣновѣховецъ", если обѣдаете вмѣстѣ съ генераломъ Покровскимъ! — засмѣялся онъ.

— Почему вы думаете, что это — Покровскiй? — спросилъ я.

— Потому, что за каждымъ его шагомъ слѣдятъ наши люди. Мы ему въ поѣздѣ устроили сюрпризъ: отобрали вещи и документы.

Я молчалъ.

Въ этотъ моментъ подошелъ къ намъ нѣкто М. и сѣлъ за нашъ столъ.

— Знакомьтесь, — сказалъ Бѣлашовъ.

Послѣ подошла вся „смѣновѣховская" компанія: Казминъ, Терской-Гавриловъ, Холодковскій, Булацель, Хохлачевъ и Бѣлашовъ попросилъ помочь ему прокорректировать одну рукопись. Я согласился, и мы направились къ нему домой.

На другой день я входилъ въ канцелярію „Земледѣльческаго Союза", на улицѣ Оборище, и неожиданно у дверей носомъ къ носу столкнулся съ . . . вчерашнимъ „своимъ человѣкомъ" генерала Покровскаго.

— Какъ, и вы здѣсь?

Онъ сначала покраснѣлъ, а потомъ быстро оправился:

— Я здѣсь пишущую машинку продавалъ, — отвѣтилъ онъ.

— Гдѣ Викторъ Леонидовичъ? — спросилъ я.

— Уѣхалъ, — отвѣтилъ онъ и торопливо шмыгнулъ на улицу.

— Вотъ ужасъ! — думалъ я, — и это „свои люди" у Покровскаго! Они же его и предадутъ.

Такъ и случилось.

Съ тѣхъ поръ я ни „своего человѣка" Покровскаго, ни самого Виктора Леонидовича не встрѣчалъ и никакихъ писемъ отъ него не получалъ.

Послѣ только я понялъ, что Покровскій готовилъ большое дѣло и погибъ, благодаря предательству тѣхъ, съ которыми дѣлилъ свои тяжелые ратные дни.

Этотъ случай былъ моимъ первымъ знакомствомъ съ мерзостью предательства, провокаціи и слѣжки новоиспеченныхъ большевицкихъ чекистовъ за тѣми, передъ

которыми ранѣе, въ погонѣ за чинами и наградами, рабски пресмыкались.

XX.

„Новая Россия“

Я не буду писать о порядкѣ работы, объ удушливой атмосферѣ, царившей въ смѣновѣховскихъ газетахъ „На Родину“ и „Вѣстникъ Земледѣльца“, а полагаю, что будетъ вполнѣ достаточно дать нѣсколько штриховъ изъ жизни редакціи „Новой России“, такъ какъ эта газета явилась конденсаторомъ той нравственной мути, которая раньше перебродила въ двухъ совѣтскихъ первенцахъ въ Болгаріи.

Я самъ старый газетчикъ. Видѣлъ газеты большія и малыя, партійныя и коммерческія, видѣлъ и зналъ и серьезную, и желтую прессу, но такой атмосферы циничнаго откровеннаго пребыванія сотрудниковъ въ аморальномъ состояніи, какая царила въ „Новой России“, я никогда въ жизни не встрѣчалъ.

Вступивъ въ число сотрудниковъ этой газеты, каждый пишущій смѣновѣховецъ обязывался прежде всего:

— Лгать, подхалимствовать и лгать.

Въ чемъ выражалось это лганье и подхалимство?

Въ сознательномъ извращеніи фактовъ, въ постоянныхъ казенныхъ диффирамбахъ совѣтской власти и въ безконечной подлой фантазіи.

Фантазіи, сбивающей съ толку несчастныхъ темныхъ людей въ изгнаніи, помрачающей ихъ разумъ и заглушающей въ нихъ чувство самосохраненія.

Да что обыкновенные бѣженцы, когда я самъ, сотрудникъ этой газеты, моментами вѣрилъ этой подлой

лжи и начиналъ колебаться:

— Не ѣхать — ли?

Даже послѣ трагическаго для меня письма отъ жены, мои настроенія въ этомъ направленіи часто колебались.

Такова была сила царившей среди насъ лжи.

Примѣры?

Ихъ не записывалъ, и многое поспѣшилъ вычеркнуть изъ памяти, но попробую кое что вспомнить.

Откуда приходила эта систематическая ложь, и гдѣ искать ея начало, — надъ этимъ думать много не приходится: питала ею насъ красная Москва черезъ посредсто своихъ агентовъ, сидящихъ въ Рокк'ѣ, а также и регулярнымъ снабженіемъ своими газетами.

Если взять любой № газеты „Новая Россия", то тамъ можно встрѣтить постоянный отдѣлъ, посвященный исключительно жизни въ Россіи.

И чего только тамъ нѣтъ: и грандіозныя работы по электрофикаціи, и постройка новыхъ рабочихъ городовъ, и прокладка новыхъ желѣзныхъ дорогъ, и безпрерывный веселый грохотъ трудового молота на фабрикахъ, и такъ далѣе. И все это ложь, ложь и ложь.

Наблюдательный читатель могъ всегда замѣтить, что „электрофикаціей" въ Совдепіи называется возобновленіе работъ на одной изъ разрушенныхъ электрическихъ станцій какого либо города, прокладкой новой желѣзнодорожной магистрали — постройка десятиверстной вѣтки за счетъ какой либо главной линіи, веселымъ грохотомъ трудового молота занимаются двѣ — три тысячи рабочихъ, гдѣ въ старое время кипѣлъ двадцатитысячный человѣческій муравейникъ, а „рабочіе города" — это длинная сказка, разсказываамая на страницахъ пролетарскихъ газетъ въ теченіе пяти лѣтъ.

Мало-мальскому наблюдателю это замѣтить очень легко, ибо тутъ же, на ряду съ этими грандіозными фантазіями, часто можно встрѣтить и срочную телеграмму о томъ, что въ какомъ нибудь Харьковѣ, въ присутствіи самого Троцкаго, состоялось рѣдкое торжество — испытаніе вновь отремонтированнаго паровоза на паровозостроительномъ заводѣ!

Бряцая оружіемъ въ знакъ небывалой мощи, красной арміи, совнаркомъ устраивалъ „Недѣлю воздушнаго флота" и истерически вопилъ на весь міръ объ отзывчивости гражданъ Р.С.Ф.С.Р. къ дѣлу обороны совѣтской цитадели, — собрано на постройку 20–25 боевыхъ аэроплановъ, — это въ то время, когда среднія державы располагаютъ тысячами единицъ этого рода оружія.

Такъ они лгутъ у себя въ Совдепіи, такъ же шла по стопамъ беззастѣнчивой лжи и „Новая Россия"

Для болѣе детальнаго изученія этой подлой системы лжи я отсылаю любителей къ комплекту этой газеты, которой у меня на рукахъ сейчасъ не имѣется, а самъ ограничусь изложеніемъ нѣкоторыхъ фактовъ, случайно осѣвшихъ въ памяти.

Послѣ первой отправки репатріантовъ въ Россію, Булацель предложилъ мнѣ „проинтервьюировать" Озоля и дать очеркъ объ отправкѣ бѣженцевъ въ Россію отъ „собственнаго" корреспондента.

При интервью присутствовалъ и „Самъ" — Корецкій.

Помню, я задалъ вопросъ:

— Сколько же уѣхало?

— Пишите около тысячи, — проговорилъ Озоль и переглянулся съ Корецкимъ.

— Да, да, подтвердилъ онъ, — уѣхало около тысячи человѣкъ, а въ слѣдующій разъ будетъ больше.

И это въ то время, когда у насъ были свѣдѣнія о

томъ, что собралось къ пароходу нѣсколько сотъ репатріантовъ, и вопросъ объ отправкѣ парохода висѣлъ на волоскѣ:

— Коленсъ, представитель Лиги Націй, находилъ недостаточно цѣлесообразнымъ давать пароходъ случайно сколоченной группѣ людей.

— Пѣли что нибудь отъѣзжающіе? — поинтересовался я.

— Да, да пѣли съ энтузіазмомъ „Интернаціоналъ", — поспѣшилъ подчеркнуть Озоль.

Стоитъ только вообразить этихъ несчастныхъ станичниковъ съ пѣніемъ „Интернаціонала", чтобы понять всю нелѣпость и трагизмъ ихъ положенія!

Однако, я такъ и написалъ.

— Зачѣмъ вы пишете, что бѣженцы пѣли „Интернаціоналъ", укоризненно сказалъ мнѣ Булацель, просматривая рукопись, — это надо вычеркнуть.

— Какъ хотите, но на этомъ настояли Озоль и Корецкій, — умышленно подчеркнулъ я.

— Озоль? Гм.... Неужели они такъ и сказали?. Гм?... Я поговорю съ ними...

Чѣмъ кончился разговоръ, не знаю, но „Интернаціоналъ" остался.

— Пусть же знаютъ русскіе бѣженцы, что, ступивъ на бортъ парохода подъ совѣтскимъ флагомъ, они безраздѣльно принадлежатъ Интернаціоналу, но не Россіи! — думалъ я, довольный своимъ дипломатическимъ маневромъ: на страницахъ совѣтской газеты всѣмъ моимъ колеблющимся братьямъ по изгнанію былъ данъ тревожный сигналъ.

Булацель хотѣлъ дѣйствовать съ большимъ тактомъ — не запугивать будущихъ репатріантовъ, но этого ему не удалось сдѣлать: Озоль гнулъ прямо, по „совдепски."

Другой случай:

Въ общежитіи при вокзалѣ повѣсился отъ тоски по родинѣ какой то старый полковникъ. Въ „Новой России" — реляція: дескать, повѣсился оттого, что не получилъ на анкетный запросъ амнистіи. И это была ложь!

Еще:

Въ какой то бѣлой газетѣ промелькнуло сообщеніе о разстрѣлѣ одного вернувшагося въ Россію офицера.

Я пускаю пробный шаръ и въ отдѣлѣ печати пишу саркастическое опроверженіе.

— Это . . . это надо дать въ „Совнародъ", пусть они сами опровергнутъ, — смутился Булацель.

И мое опроверженіе не пошло. Не опровергнулъ этого сообщенія и „Совнародъ".

Какъ то, для пробы, я далъ съ потолка вымышленную замѣтку объ открытіи какого то лучшаго въ мірѣ нефтяного института въ . . . городѣ Грозномъ.

Къ моему удивленію, моя замѣтка была напечатана въ отдѣлѣ телеграммъ изъ Россіи!

Значитъ, въ этой газетѣ можно было фантазировать сколько угодно, лишь бы не въ ущербъ репутаціи совѣтской власти!

Какъ то по городу распространился слухъ о разстрѣлѣ донского генерала Шумилина, повѣрившаго личной амнистіи изъ Москвы и выѣхавшаго въ Россію

— Правда ли, что генралъ Шумилинъ разстрѣлянъ? — спросилъ я въ редакціи.

Услужливый холопъ Булацеля, В. Холодковскій, поспѣшилъ отвѣтить:

— Да, да . . . но онъ не разстрѣлянъ, а убитъ кѣмъ то въ толпѣ во время своего доклада.

— Тогда надо написать объ этомъ въ газетѣ, — настаивалъ я.

— Мы не можемъ отмѣчать каждый разъ подобные

случаи, — отвѣтилъ Холодковскій.

И онъ былъ правъ: это приходилось бы дѣлать слишкомъ часто, что вовсе не входило въ задачи „Новой России".

Повторяю, такихъ фактовъ были тысячи, но ихъ я, къ моему великому сожалѣнію, не записывалъ.

Статьи публицистическія писались лидерами газеты: Булацелемъ, ранѣе Казминымъ и Холодковскимъ. Отъ остальныхъ требовалась „информація".

Сотрудникъ долженъ былъ достать дискредитирующія бѣлыя организаціи свѣдѣнія, иначе онъ былъ обреченъ на голодовку.

Если онъ не обнаруживалъ детективныхъ способностей, ему давали какой нибудь малограмотный доносъ совнародца, и статья мастерилась уже въ редакціи по всѣмъ правиламъ газетнаго искусства.

Милый юноша, очень порядочный и интеллигентный, нѣкто студентъ Гарфилдъ, купилъ право на возвращеніе въ Россію къ матери подлымъ вымышленнымъ доносомъ о существованіи въ Болгаріи террористической офицерской организаціи „Бѣлой руки".

Иначе онъ поступить и не могъ.

Короче — каждый сотрудникъ газеты долженъ былъ стать на путь доноса, слѣжки и прочихъ профессіональныхъ данныхъ самаго зауряднаго сыщика. Въ противномъ случаѣ ему нечего было дѣлать въ газетѣ.

Статьи же писали и гнали себѣ бѣшеные построчные гонорары сами „редакторы" Булацель, Адамовичъ, профессоръ Гриммъ.

XXI.

Профессоръ Гриммъ.

Я не могу безъ сожалѣнія вспомнить о профессорѣ Э. Д. Гриммѣ. Несомнѣнно, въ прошломъ человѣкъ порядочный, онъ сталъ жертвой своего пристрастія къ вину.

Иного объясненія его смѣновѣховства я придумать не могу, ибо не допускаю мысли, чтобы этотъ умный человѣкъ не смогъ бы сразу почувствовать, въ какой омутъ грязи и мерзости онъ попалъ.

Я убѣжденъ, что душа этого человѣка теперь полна невѣроятныхъ страданій.

Страданій отъ сознанія утраченнаго спокойствія духа и совѣсти.

Мнѣ уже приходилось замѣчать со стороны, что Гриммъ тяготился своей новой средой и работой.

Получивъ свои „тридцать серебрянниковъ" (авансъ въ размѣрѣ 20000 левовъ), профессоръ Гриммъ, какъ единственная внушительная величина въ станѣ смѣновѣховскихъ журналистовъ, по настоянію Корецкаго, фактическаго представителя совѣтской миссіи, былъ привлеченъ Булацелемъ къ писанію передовыхъ статей въ „Новой Россіи."

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, Гриммъ, съ отчаяніемъ и отважностью промотавшагося игрока на политической аренѣ, искусно балансировалъ между своей собственной совѣстью и требованіями большевицкаго катехизиса,

Поставленный въ газетѣ на роль отвѣтственнаго застрѣльщика по подготовкѣ болгарскаго и европейскаго общественнаго мнѣнія къ необходимости признанія совѣтской власти, онъ въ своихъ статьяхъ по вопросамъ международнаго характера пытался стать на объектив-

ную точку зрѣнія, что, благодаря его профессорской эрудиціи, ему удавалось, и статьи его часто не имѣли того остраго чисто большевицкаго привкуса.

Несомнѣнно, его статьи о коренной ошибкѣ Антанты — побѣдительницы, вычеркнувшей во всѣхъ случаяхъ своихъ политическихъ комбинацій Россію и ея многомиліонный народъ изъ списка живыхъ, производили на читающую массу должное впечатлѣніе.

Ставъ выше программы обливанія ушатами грязи прошлаго, не считая нужнымъ ввязываться въ травлю русскихъ бѣженцевъ и арміи генерала Врангеля, предоставивъ дѣлать это неутомимымъ новоиспеченнымъ журналистамъ борзописцамъ: Булацелю, Холодковскому, Бекаревичу и др., онъ, такъ сказать, дѣлалъ въ газетѣ „большую политику“.

Разговаривалъ въ своихъ статьяхъ съ Антантой, поучалъ правительство Стамболійскаго, и дальше этого его „смѣновѣховство“ не шло.

Но этого, конечно, новымъ хозяевамъ профессора Гримма показалось мало, и они потребовали отъ него большаго.

Вскорѣ появились въ газетѣ статьи за полной подписью профессора Гримма, въ которыхъ онъ уже открыто призывалъ русское бѣженство смѣнить тяжкую юдоль изгнанія на молчаливое рабство въ Совдепіи, приглашая его покорно припасть къ стопамъ новыхъ строителей Россіи.

Давъ рядъ статей этого характера, профессоръ Гриммъ неожиданно заколебался.

Нервы, заглушаемые виномъ, не выдержали, и онъ что называется, „запилъ“ въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Недѣлями онъ не появлялся ни въ редакціи, ни въ совѣтской миссіи, а проводилъ свои жуткіе черные дни

въ полномъ одиночествѣ, въ самыхъ грязныхъ и непрезентабельныхъ кабакахъ за стаканомъ вина, день и ночь.

Въ миссіи Корецкаго уже происходили совѣщанія о томъ, какъ обезвредить Гримма, въ виду вѣроятной возможности его обратнаго перехода къ старымъ вѣхамъ.

За нимъ было установлено, какъ со стороны совѣтскихъ чекистовъ, такъ и со стороны бѣлыхъ организацій неослабное наблюденіе.

На одномъ изъ засѣданій Озоль, начальникъ „чека", опредѣленно заявилъ, что надъ профессоромъ надо поставить крестъ, какъ надъ конченнымъ для нихъ человѣкомъ.

Тогда А. П. Булацель выступилъ въ защиту Гримма и предложилъ взять на себя инціативу вторичнаго привлеченія его къ активной работѣ.

Въ этотъ періодъ Гриммъ уже нуждался и часто почти голодалъ.

Было рѣшено выдать ему крупную сумму денегъ, подъ условіемъ, чтобы онъ немедленно занялся активной работой въ самой редакціи, а кромѣ того ему было вмѣнено въ обязанность вербовать и новыхъ видныхъ членовъ для „Совнарода".

Переговоры съ потерявшимъ въ этотъ періодъ обликъ человѣческій Гриммомъ вели Булацель, Озоль и Димитровъ.*)

Снова потоки вина и новые „тридцать серебрянниковъ" въ размѣрѣ уже 10.000 левовъ, и Гриммъ водворенъ въ редакцію „Новой России", подъ специальное наблюденіе Холодковскаго.

---

*) Димитровъ — одинъ изъ лидеровъ болгарской коммунистической партіи, вскорѣ, — во время сентябрьскаго выступленія, — убитый.

Въ типографіи „Балканъ“, гдѣ помѣщалась редакція, была спеціально устроена стеклянная комната — кабинетъ, гдѣ Гриммъ и началъ аккуратно появляться съ 9 часовъ утра и просиживалъ до 3 часовъ дня.

По заказу, на заданныя темы, онъ писалъ передовыя, велъ обзоръ печати, готовилъ вырѣзки для газеты и работалъ довольно энергично.

Спустя нѣкоторое время, ему уже было поручено привлечь на службу въ красную армію генерала Вердеревскго.

Почти мѣсяцъ профессоръ Гриммъ появлялся въ различныхъ ресторанахъ города въ опредѣленные часы, куда спеціальными людьми вызывался генералъ Вердеревскій, и убѣждалъ его не за страхъ, а за совѣсть.

Въ теченіе мѣсяца по городу циркулировали разнорѣчивые слухи о генералѣ Вердеревскомъ: то генералъ Вердеревскій согласился, то, наконецъ, отказался принять предложеніе совѣтской миссіи, а въ концѣ концовъ выяснилось, что работа профессора Гримма въ качествѣ „вербовщика“ закончилась неудачей.

Его смѣнило другое, мнѣ неизвѣстное лицо, а профессоръ Гриммъ былъ предоставленъ исключительно газетѣ.

Вотъ почему, во время своего ареста, въ дни разгона большевиковъ въ Болгаріи, послѣ смѣны режима Стамболійскаго, профессоръ Гриммъ не рѣшился принять предложеніе болгарскихъ властей выѣхать заграницу, а предпочелъ ѣхать въ Москву.

Для него, бывшаго помощника управляющаго Освагомъ при генералѣ Деникинѣ, другого исхода не было, ибо заграницей онъ былъ обреченъ на полное одиночество и изоляцію отъ своихъ бывшихъ друзей.

Онъ, несомнѣнно, большого масштаба человѣкъ, уже морально опустился и палъ до степени рядового испол-

нителя предначертаній „чека“, въ роли ея агента, вербовщика и соглядатая.

. . . .

Редакція „Новой России“ — являлась лишь сподручнымъ филіальнымъ отдѣломъ чека. Что дѣлалось съ рукописями, попадавшими туда, я разскажу далѣе: онѣ не возвращались, а отправлялись, по всей видимости, въ Россію, въ руки Дзержинскаго.

Такова была атмосфера въ „Новой России“.

Такова она и во всѣхъ смѣновѣховскихъ изданіяхъ заграницей.

И для меня неразрѣшимой загадкой является вопросъ: что побудило большого талантливаго писателя,— Алексѣя Толстого, человѣка вполнѣ обезпеченнаго, находящагося, какъ говорятъ, съ семьей въ Берлинѣ, окунуться въ болотную тину „Накануне“?

Кирдецовы, Треплевы — Самохины меня не удивляютъ, ибо смердяковщиной вѣетъ отъ книги Кирдецова „У воротъ Петрограда“ и Смердяковымъ я зналъ раньше Треплева—Самохина.

Дроздовъ не въ счетъ, — онъ молодъ и торопится безъ затраты времени сдѣлать карьеру большого писателя, а это въ Совдепіи такъ быстро и легко дается!

Василевскій — не буква, судя по разсказамъ его близкихъ людей, былъ всегда человѣкомъ безпринципнымъ.

И все же, по послѣнимъ свѣдѣніямъ, онъ ушелъ изъ этого болота.

Ушелъ и Алексѣй Толстой.

Уйдутъ, если не опоздаютъ, и другіе.

XXII

А. М. Агѣевъ.

Я уже говорилъ о той смрадной атмосферѣ, которая до самаго конца газеты царила въ редакціи „Новой России“.

Съ одной стороны темпъ работы, регулярное появленіе „редактора“ газеты для прочтенія рукописей, ворохъ русскихъ эмигрантскихъ и совѣтскихъ газетъ на столѣ, коректурныя гранки, — все это какъ будто напоминало обычную обстановку газетной лабораторіи, а съ другой . . . чувствовалась какая то, вначалѣ почти неуловимая, разница между „Новой Россией“ и другими обычными редакціями.

Часто литературно и хорошо выполненныя статьи, написанныя примѣнительно къ требованіямъ большевицкаго катехизиса, браковались и попадали . . . нѣтъ, не въ корзину, а обратно въ портфель редактора, откуда исчезали безслѣдно, —а малограмотныя потуги перепечатывались въ первую очередь и на первомъ мѣстѣ.

Много дней долгихъ наблюденій понадобилось для того, чтобы разгадать всѣ эти явленія, непонятныя для обыкновеннаго рядового журналиста профессіонала.

Строго и неоднократно провѣренныя наблюденія дали результатъ, отъ котораго отдавало нехорошимъ привкусомъ: не то вязло во рту чѣмъ то солончатымъ, не то попахивало кожаной курткой пропотѣвшаго отъ заплечной работы чекиста.

Въ чемъ же дѣло?

Дѣло, оказалось, въ самой простой штукѣ: и лицо газеты, и ея сотрудники, и самъ редакторъ, и даже чернильницы, и перья, — все это было подъ строгимъ и бдительнымъ окомъ кого то невидимаго, но ясно всѣ-

ми ощущаемаго, засѣвшаго гдѣ то тамъ, въ одной изъ комнатъ „Континенталя.“

— Гм . . . — часто говорилъ, не глядя въ глаза, своему „сотруднику“ редакторъ, — статья прекрасная, но она не можетъ пойти по нѣкоторымъ соображеніямъ.

Авторъ статьи морщитъ лобъ, стараясь припомнить всѣ детали ея и, ничего не понимая, наконецъ проситъ:

— Разрѣшите еще разъ просмотрѣть мою статью?

— Хорошо . . . Я вамъ принесу завтра . . . Она у меня дома.

Но ни завтра, ни послѣ—завтра статья назадъ не возвращается.

На всѣ настоянія автора статьи редакторъ отмахивается, какъ отъ назойливой мухи, и . . . рукопись остается въ портфелѣ редакціи.

Кто бы ни зашелъ въ редакцію и что бы онъ ни оставилъ тамъ на клочкѣ бумажки: объявленіе о розыскѣ близкихъ, записку ли о высылкѣ газеты, — все это тщательнно подбиралось однимъ изъ новоиспеченныхъ журналистовъ, В. Холодковскимъ, занимавшимъ „постъ“ секретаря редакціи, аккуратно сворачивалось въ трубку и отправлялось . . . Конечно, въ „Континенталь“!

А тамъ знали, что и куда пришить, чей почеркъ къ какому дѣлу приклеить.

И не одинъ случайный кліентъ „Новой России“ недѣлями выжидалъ или напечатанія свой какой либо обывательской жалобы, или возврата рукописи, а затѣмъ смущенно поворачивалъ оглобли назадъ.

Становилось яснымъ одно:

— Редакція выполняла послушно роль филіальнаго и легальнаго отдѣленія „Чека“.

Было ясно, что почерки этихъ кліентовъ служили большевикамъ свою службу: и при перепискѣ съ родными, и при перлюстраціи и, можетъ быть, при поддѣлкѣ

подписей къ воззваніямъ.

. . . . , ...

* * *

Да, нехорошая атмосфера царила въ редакціи „Новой России“.

И всякій, попадавшій туда въ качествѣ „спеца“, сначала кряхтѣлъ, почесывался, а затѣмъ, закрывъ глаза, сломя голову, окунался въ это зловонное болото доносовъ, провокац!и и подхалимства.

Окунался и дѣлалъ то, что полагается совѣтскому „журналисту“: изъ двухъ безграмотныхъ строкъ чьего то анонимнаго доноса стряпалъ фельетонъ, выворачивалъ изъ эмигрантскихъ газетъ случайные промахи, а все это „раздѣлывалъ подъ орѣхъ“, рабски заглядывая въ глаза редактору:

— Ну, какъ, — похоже?

Статья оказывалась написанной совсѣмъ „по совдепски“, печаталась, а „журналистъ“ . . . подсчитывалъ построчныя стотинки и заносилъ мысленно въ книгу „Чеки“ еше одну лишнюю индульгенцію для своего безопаснаго возвращенія въ Россію:

— Неужто, послѣ такой статьи, разстрѣляютъ: и свое прошлое оплевалъ, и Врангеля облаялъ, и Троцкому сапогъ въ статьѣ поцѣловалъ?

. . . , ...

До чего быстро и омерзительно просто происходилъ процессъ моральнаго разложенія смѣновѣховствующихъ журналистовъ въ этой, съ позволенія сказать, редакціи, свидѣтельствуетъ слѣдующійф актъ?

Во время всеобщей тревоги за судьбу Цѣпляка, а затѣмъ и патріарха Тихона, одинъ изъ новоиспеченныхъ журналистовъ, недавній корректоръ „Русскаго Дѣла“, В. Холодковскій, угодливо заглядывая въ глаза „началь-

ству", вдохновенно бросалъ:

— Разстрѣлять... Я не понимаю, чего они тамъ еще раздумываютъ?

Еще такъ недавно примѣрнѣйшій юноша, сынъ хорошей профессорской семьи и доблестный офицеръ въ страдные дни Крымскихъ боевъ, Низяевъ, занявъ „постъ" предсѣдателя студенческой группы С. С. С. Р. заграницей, появившись впервые въ софійскихъ ресторанахъ въ сопровожденіи матерыхъ совнародцевъ, уже щеголяя мастерской матерщиной, этимъ самымъ демонстрировалъ свою полную подготовленность къ воспріятію новыхъ „вѣхъ"...

Было грустно и жутко.

„Работать" становилось все тяжелѣе, и тяжелѣе даже въ качествѣ „спеца", а мысль о возвращеніи домой съ каждымъ днемъ становилась нелѣпѣй:

— Если здѣсь такъ омерзительно гнусно, то что же дѣлается тамъ, на нашей несчастной родинѣ, гдѣ каждый весь, и тѣломъ, и душой — въ рукахъ этихъ жуткихъ, потерявшихъ человѣческій обликъ, людей? — думалось сь каждымъ днемъ все чаще и чаще...

— Уйти, бѣжать отъ нихъ! — стучало въ сердцѣ, но это было невозможно:

Переговоры съ представителями бѣлой колоніи о визѣ на выѣздъ изъ Болгаріи кончались неудачей, а во времена режима Стамболійскаго они, „совдепщики", были сильны и могли расправиться съ „отступникомъ", какъ угодно и гдѣ угодно.

И приходилось, скрѣпя сердце, тянуть подлую лямку совѣтскаго „журналиста"...

Работать при такомъ душевномъ раздвоеніи было невыносимо, и какая то отчужденность всей „редакціи" отъ меня замѣчалась и чувствовалась довольно ясно.

Я былъ среди нихъ „чужимъ".

Выходъ пришелъ совершенно неожиданно. Вернулся изъ поѣздки въ Россію, покойный нынѣ, А. М. Агѣевъ, съ которымъ я уже ранѣе былъ знакомъ, и приглашаетъ меня къ себѣ въ качествѣ личнаго секретаря.

Необходимо нѣкоторое отступленіе въ моемъ разсказѣ. До его отъѣзда въ Россію, я ему передалъ за своей полной подписью для напечатанія стихотвореніе о „Странѣ одной", очень мрачнаго и пессимистическаго характера, заканчивающееся слѣдующими строками:

И нынѣ нѣтъ надеждъ . . . И проблеска нѣтъ вѣрѣ:
Все смылъ съ лица земли безцѣльный ураганъ? . . .
Почто Ты, Господи, закрылъ святыя двери? . . .
Почто Ты, Господи, въ такой безкрайней мѣрѣ
Благословилъ печали океанъ?

— Стихи очень мнѣ понравились, — говорилъ мнѣ А. М. Агѣевъ, — они искренно производятъ впечатлѣніе, но вы понимаете сами, что намъ такихъ вещей печатать нельзя . . . ну, да мы еще съ вами поговоримъ. . .

Предлагая мнѣ работу въ качествѣ личнаго секретаря, онъ мнѣ сказалъ:

— Мнѣ о васъ много говорилъ Григорій Раковскій*) . . . Давайте работать вмѣстѣ . . . Познакомимся поближе, будемъ друзьями и будемъ довѣрять другъ другу. Работы у меня много . . Предстоитъ тяжелая борьба . . . Потомъ разскажу. Какъ вы находите Казмина (бывщаго редактора газеты „На Родину")?—вдругъ неожиданнно спросилъ онъ.

— Казминъ, по моему, — прямо и откровенно сказалъ я, — человѣкъ совершенно аморальный. Мнѣ съ трудомъ удалось уговорить Ивана Лукаша не устраивать

*) Авторъ книгъ; „Въ станѣ бѣлыхъ", и „Конецъ бѣлыхъ", членъ пражской эсеровской группы.

скандала: Лукашъ хотѣлъ дать ему публичную пощечину за кражу у него цѣнныхъ серебрянныхъ вещей и долларовъ въ Тырново, гдѣ онъ Казмину далъ прiютъ.

— А исторiя съ кражей лиръ въ Константинополѣ — это вѣрно? — спросилъ меня Агѣевъ.

— Я слышалъ отъ многихъ, но въ то время я уже выѣхалъ изъ Константинополя, почему и не берусь утверждать, — отвѣтилъ я.

— Что изъ себя представляетъ Гавриловъ — Терской? — спросилъ онъ опять меня. — Онъ журналистъ?

— Да, я знаю его какъ журналиста по Ростову.

— Пишетъ совсѣмъ неважно . . . А Миронова вы знаете?

— Знаю.

— Дрянцо порядочное! — рѣшилъ самъ Агѣевъ и отрывисто продолжалъ: я прiѣхалъ сюда съ большими полномочiями и буду занимать большой постъ: предстоитъ серьезная борьба. Но мы возьмемъ все въ свои руки. Газету буду вести я самъ. Всѣ статьи мы будемъ готовить съ вами вдвоемъ. . . Я вамъ разскажу въ чемъ дѣло . . . Эти дни я занятъ страшно, а вотъ черезъ недѣльку все урегулирую, и тогда начнемъ. Итакъ, готовы работать со мной?

Я согласился.

— Ничего . . . продолжалъ Агѣевъ, — ваша работа къ вамъ подойдетъ . . . Ваша совѣсть не пострадаетъ . . . Потомъ разскажу . . . У меня богатый матерiалъ и книги изъ Москвы, покопаетесь — все узнаете.

— Ну, какъ въ Россiи?

— Очень много впечатлѣнiй . . . Долго говорить... Еще наговоримся. А въ Россiи люди привыкли ко всему. Я подходилъ къ группамъ на улицѣ и слышалъ, какъ открыто ругаютъ совѣтскую власть, а тутъ рядомъ стоитъ чинъ „вохры“ и ничего . . . спокойно. Я только старал-

ся не ввязываться въ разговоры . . . вѣдь для меня это страшно было, а тамъ привыкли.

— Скажите откровенно, Александръ Михайловичъ, — спросилъ я, глядя ему въ упоръ въ лицо, — генералъ Слащевъ живъ?

Александръ Михайловичъ растерялся на мгновеніе, потомъ, почему то прикрывъ рукой ротъ, скороговоркой отвѣтилъ:

— Да . . . да . . живъ . . . я его видѣлъ . . . По прежнему нюхаетъ кокаинъ . . . А вы нюхаете? — быстро перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Нѣтъ.

— Ну, это хорошо. . .

— Еще одинъ вопросъ: чувствуется ли въ Россіи еврейское засилье?

— М — да . . . — нехотя отвѣтилъ Агѣевъ, — комиссаровъ евреевъ очень много . . . Это нервируетъ населеніе . . .

— Александръ Михайловичъ, — попросилъ я его, — помогите спасти мою жену . . . Она тамъ, въ Совдепіи . . Я ради нея пошелъ работать въ „Новую Россію“

— Не безпокойтесь. Я устрою.,. Дайте привести все въ порядокъ . . . У васъ имѣются какія либо соображенія по поводу арміи генерала Врангеля? — неожиданно спросилъ онъ меня.

— Имѣются и очень интересныя. Я, если угодно вамъ, завтра представлю планъ безболѣзненнаго разрѣшенія этого вопроса.

— Какой планъ?

— Разрѣшите завтра.

— Прекрасно. Завтра въ 10 часовъ утра я васъ жду у себя.

XXIII.

А. Конецъ М. Агѣева.

Свиданіе съ А. М. Агѣевымъ произвело на меня прекрасное впечатлѣніе.

Человѣкъ онъ былъ молодой, статный, энергичный, прямой и образованный.

Голосъ и задушевная манера бесѣдовать не оставляли сомнѣній въ томъ, что человѣкъ онъ — порядочный и „смѣнилъ вѣхи" не спроста.

Чувствовалось, что у этого человѣка есть какая то большая тайна, тайна объясняющая причины его тактическаго шага въ сторону признанія совѣтской власти...

Да и постоянное и довольно откровенное подчеркиваніе того, что скоро мы объяснимся, и я буду во что то посвященъ, крайне интриговало меня и вселяло надежду, что путь мой къ Агѣеву — честный и хорошій выходъ изъ создавшагося положенія для меня въ „Новой Россіи."

Въ неопубликованныхъ пока еще мною главахъ этой книги, въ недалекомъ будущемъ, читатели увидятъ серьезныя основанія, для такихъ выводовъ, а также найдутъ и объясненія причинъ, побудившихъ меня ранѣе дать А. М. Агѣеву рядъ (ненапечатанныхъ) статей эсеровскаго характера и пессимистическаго стихотворенія о Россіи, нѣсколько строкъ котораго были приведены въ прошлой главѣ.

Итакъ, бесѣда съ Агѣевымъ меня окончательно успокоила, и я всю ночь просидѣлъ надъ изложеніемъ на бумагѣ моего плана „безболѣзненнаго разрѣшенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ арміи генерала Врангеля."

Утромъ работа была закончена, и я, не спавши ночь, направился къ Агѣеву.

— Написали? — встрѣтилъ онъ меня вопросомъ.

— Готово, — отвѣтилъ я и вручилъ ему свой докладъ.

Основаніемъ для доклада послужили слѣдующія соображенія:

Если вѣрны проникшія за рубежъ свѣдѣнія о расколѣ въ самой коммунистической партіи, если основательны слухи о поправѣніи самого Ленина и о желаніи его наладить государственную жизнь страны, если дѣйствительно поправѣвшій Ленинъ сталъ на путь возсозданія прочной и здоровой россійской государственности, во что хотѣлось вѣрить послѣ знаменитой Генуи, то, очевидно, мы здѣсь, за рубежомъ, недостаточно информированы о происходящемъ въ Россіи процессѣ оздоровленія.

Принимая же во вниманіе безконечные призывы большевиковъ ко всевозможнымъ „спецамъ" и къ Русской Арміи заграницей-возвращаться для мирной и созидательной работы, можно было предполагать, что большевики, наконецъ, „прозрѣли" и рѣшили стать на путь реальной экономической и внутренней политики, лишенной коммунистическаго безумія.

Въ красной арміи дисциплина; съ мародерствомъ и бандитизмомъ свирѣпо уже борется сама совѣтская власть и т. д. .

А тамъ и самъ Ленинъ „поправѣлъ", призналъ неосуществимость коммунистической идеи и нэпомъ сталъ на путь реставраціи.

Въ самой коммунистической партіи происходитъ развалъ и расколъ, а правая, болѣе благоразумная часть ея уже видитъ спасеніе Россіи въ возсозданіи ея былой національной мощи: Генуя яркое доказательство этому.

Эмиграція должна возвращаться на родину, что бы

своимъ присутствіемъ помочь оздоровѣвшимъ элементамъ власти въ борьбѣ съ упорствующими фанатиками слѣва.

Таковъ былъ общій духъ этой смѣновѣховской информаціи, въ истину которой такъ безумно и томительно жадно хотѣлось вѣрить!

А разъ такъ, то ни бѣженцамъ, ни Русской Арміи здѣсь на чужбинѣ больше дѣлать нечего: надо только придумать возможности безболѣзненнаго возвращенія на родину и, хотя бы временнаго, внѣшняго примиренія съ совѣтской властью, чтобы быть всѣмъ тамъ на мѣстахъ, когда генералъ Брусиловъ (объ этомъ тоже глухо и таинственно поговаривали нѣкоторые совнародцы!) кликнетъ боевой кличъ къ открытому изгнанію коммунистовъ изъ Россіи.

— Мы ничего не знаемъ... Россія—страна чудесъ и неограниченныхъ возможностей, а разъ такъ, то — время дѣйствовать.

Подъ вліяніемъ этихъ настроеній и подъ вліяніемъ прошлой бесѣды съ А. М. Агѣевымъ и былъ составленъ этотъ „планъ", который сводился въ общихъ чертахъ къ слѣдующему.

Совнаркомъ долженъ искренно объявить всѣмъ чинамъ Русской Арміи полную амнистію съ забвеніемъ прошлаго, составивъ только списокъ тѣхъ лицъ, которымъ запрещенъ въѣздъ въ Россію.

Смѣновѣхнувшіеся генералы и красные совѣтскіе генералы (Слащевъ, Брусиловъ, Гуторъ и др.) должны взять на свою отвѣтственность проведеніе въ жизнь этой амнистіи и явиться лично заграницу для переговоровъ съ команднымъ составомъ Русской Арміи.

Армія должна сохранить свою прежнюю организацію и наименованіе частей.

Въ виду того, что Русская Армія, благодаря своей

малочисленности, не будетъ представлять собою никакой опасности для Кремля, она должна быть въ полномъ боевомъ вооруженіи, для своей безопасности, переброшена на территорію Россіи, гдѣ распредѣлена одной неразрывной цѣпью на пограничныхъ линіяхъ. Вся задача ея должна заключаться въ охранѣ россійскихъ государственныхъ границъ.

Внутрь Россіи ни одна часть Арміи вводиться не должна. Она—лишь сторожевая линія противъ внѣшнихъ враговъ Россіи.

Такимъ образомъ, сохраненіе ея боевого порядка и снаряженія гарантируютъ ее отъ провокаціи и нападенія со стороны коммунистическихъ частей, а съ другой — она будетъ служить Россіи и этимъ самымъ получитъ право даже въ глазахъ совѣтской власти на свое существованіе и будетъ служить моральной опорой „праВѣющему" и отказавщемуся отъ коммунистическихъ опытовъ „Ильичу".

Да и сами коммунисты, чувствуя присутствіе на россійскихъ границахъ Русской Арміи, принуждены будутъ постепенно, шагъ за шагомъ, сдавать свои позиціи . . .

Каждая часть Русской Арміи имѣетъ опредѣленное количество отпусковъ внутрь Россіи, неприкосновенность отпускныхъ чиновъ Арміи гарантируется такъ же какъ это дѣлается для дипломатическихъ агентовъ иностранныхъ державъ.

Армія не занимается пропагандой, а предоставляетъ самой Россіи налаживать тѣ или иныя формы своего дальнѣйшаго бытія.

Армія только охраняетъ границы.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, былъ этотъ „проектъ", навѣянный безнадежностью дальнѣйшаго пребыванія въ

изгнанiи и съ каждымъ днемъ растущими даже въ нашихъ смѣновѣховскихъ кругахъ слухами о томъ, что сейчасъ въ Россiи — все „почти какъ прежде“ . . .

Наивно? Нелѣпо? Да, подобная идея являлась въ такой же степени порожденiемъ болѣзни, какъ и сумасшествiе „Ильича“ съ единомышленниками, мечтавшими на горахъ труповъ и потокахъ крови построить новую жизнь.

Ознакомившись съ докладомъ, Агѣевъ сказалъ:

— Ничего новаго въ докладѣ этомъ нѣтъ. Въ этомъ направленiи уже шаги предприняты, и дѣло дѣлается.

— Въ такомъ же масштабѣ, какъ предлагается въ проектѣ? — спросилъ я.

— Конечно, нѣтъ . . . Такъ сейчасъ невозможно, но частично эта идея уже проводится въ жизнь.

— Дѣлается другое, — заявилъ я, — идетъ работа здѣсь *на разложенiе* Армiи, а проектъ, какъ вы видите, предлагаетъ *полное сохраненiе ея.* И даже больше: бережливое отношенiе къ ней, какъ къ наиболѣе здоровой, незараженной коммунистической болѣзнью, части русскаго воинства.

— А переводъ Армiи на пограничную линiю для такой, напримѣръ, службы, какую часть ея сейчасъ несетъ въ Сербiи?.

— Это отчасти возможно, — сказалъ Агѣевъ, — но для этого нужно время. Во всякомъ случаѣ я вашъ проектъ оставлю у себя, можетъ быть, въ будущемъ пригодится.

Я сразу понялъ, что событiя, происходящiя въ Россiи, мною переоцѣнены, и что все тамъ обстоитъ по старому: ни на какое примирѣнiе ни съ Русской Армiей, ни съ русскимъ бѣженствомъ совѣтская власть не пойдетъ, а предстоитъ съ нею еще долгая и тяжелая подпольная

борьба. Понялъ и то, что, если изъ числа репатріировавшихся въ Россію нѣкоторыя части Арміи и попадутъ въ руки антисовѣтскихъ организацій, то это, за вычетомъ выведенныхъ въ расходъ чекистами, при нормальномъ порядкѣ репатріаціи, — будетъ лишь малая капля въ морѣ... Мои размышленія прервалъ Агѣевъ вопросомъ:

— Вы можете поселиться жить со мной?

— Могу, даже сегодня.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ дамъ своего человѣка, который вамъ покажетъ квартиру и устроитъ васъ.

Мы распрощались, и на другой день вечеромъ я поселился въ приготовленной для меня комнатѣ въ квартирѣ Агѣева на ул. Добруджа.

Въ теченіе недѣли А. М. Агѣевъ былъ чѣмъ то чрезвычайно озабоченъ, цѣлый день гдѣ то о чемъ то хлопоталъ, забѣгалъ ко мнѣ на минутку и каждый вечеръ обѣщалъ придти ночевать домой, но не приходилъ и ночевалъ въ другомъ мѣстѣ,

Въ одинъ изъ этихъ дней ко мнѣ явился Казминъ и потребовалъ ключи отъ комнатъ Агѣева.

Я предложилъ ему обратиться къ самому Агѣеву. Казминъ замѣтно нервничалъ, велъ себя вызывающе и наконецъ сказалъ:

— Передайте Александру Михайловичу, что я его больше разыскивать не буду, а скажите что „Борисъ Николаевичъ" ему *приказалъ* сдать мнѣ всѣ бумаги и книги.

Вечеромъ забѣжалъ ко мнѣ Агѣевъ и попросилъ поѣхать съ нимъ на извозчикѣ. Съ нимъ былъ его „адъютантъ" капитанъ Ивашковъ, бывшій офицеръ Русской Арміи.

На извозчикѣ по дорогѣ я ему передалъ заявленіе

Казмина.

— Ничего . . . — бросилъ А. М. Агѣевъ. Мы проѣхали на ул. Априловъ, гдѣ жилъ А. П. Булацаль.

Агѣевъ остановилъ извозчика, вошелъ въ подъѣздъ квартиры Булацеля и началъ стучать въ окно.

Отвѣта не послѣдовало. Тогда Агѣевъ отпустилъ извозчика и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вамъ сейчасъ нужны деньги?

— Нѣтъ, до завтра обойдусь.

— Въ такомъ случаѣ, вы идите домой, а я пойду дальше, у меня есть дѣло. Ждите меня дома. Если не приду ночевать, то завтра до 12 часовъ дня, не выходите изъ дому и никого ко мнѣ не впускайте.

Мы попрощались.

Это было наше послѣднее свиданіе.

Агѣевъ былъ очень страненъ и чѣмъ то взволнованъ, его „адъютантъ“ замѣтно нервничалъ.

До поздней ночи я писалъ письма близкимъ въ Россію, а на другой день тщетно прождалъ Агѣева до 3—4 часовъ вечера.

Непонятная тревога все время не давала мнѣ покоя.

А когда уже стемнѣло, въ мое окно сильно и дробно постучали, несмотря на то, что у парадныхъ былъ звонокъ.

Я открылъ парадную и увидѣлъ передъ собой съ искаженнымъ лицомъ „адъютанта“ Агѣева, который держалъ въ рукахъ револьверъ, а на улицѣ я увидѣлъ стоящій автомобиль безъ огней.

— Слышали? — взволновано обратился ко мнѣ „адъютантъ“ Агѣева, — Александръ Михайловичъ убитъ!

— Убитъ? — не понялъ я.

— Нѣтъ, еще живъ, но уже при смерти.

— Вы къ нему сейчасъ ?

— Да.

— Разрѣшите, я поѣду съ вами.

— Нѣтъ, никому нельзя . . . Онъ все равно безъ сознанія. Завтра я за вами заѣду. Гдѣ ключи отъ комнатъ Агѣева ?

Я ему указалъ.

Онъ вошелъ въ комнаты Агѣева, осмотрѣлъ столы, затѣмъ, закрывъ на ключъ двери, вышелъ изъ дома.

. . . .

Такъ ушла въ могилу странная и непонятная тогда для меня тайна.

Тайна незауряднаго человѣка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ врагами, врагами изъ стана своихъ единомышленниковъ, съ которыми онъ, несомнѣнно, велъ какую то неравную, почти одинокую борьбу, и въ которой, какъ выяснило судебное слѣдствіе, погибъ отъ руки нанятыхъ большевиками убійцъ.

XXIV

Болото.

Послѣ нѣсколькихъ дней мучительной агоніи, А. М. Агѣевъ скончался.

Умиралъ онъ въ крайнѣ странной обстановкѣ: никто, даже въ минуты проясненія его сознанія, изъ постороннихъ къ нему не допускался. У входа въ его палату дежурили безотлучно два чекиста, вооруженныхъ наганами; а въ самой палатѣ день и ночь присутствовалъ бывшій есаулъ Донского войска Попковъ, нынѣ одинъ изъ тѣлохранителей Семы Фиркина, находящагося сейчасъ въ Берлинѣ при совѣтской миссіи.

Смердяковъ до мозга костей — онъ заслужилъ себѣ довѣріе тѣмъ, что, состоя ранѣе въ качествѣ адъютанта полковника Дудакова, онъ доносилъ о каждомъ его шагѣ „Борису Николаевичу“, за что былъ и выгнанъ самимъ Дудаковымъ изъ канцеляріи „Земледѣльческаго Союза“, помѣщавшагося на улицѣ Оборище.

Эту мелочь я отмѣчаю лишь потому, что она достаточно ярко иллюстрируетъ ту атмосферу взаимнаго предательства, которая воцарилась даже среди новоиспеченныхъ смѣновѣховцевъ.

Ставъ на скользкій путь подхалимства предъ большевицкими чекистами, они быстро сами превращались въ послушное и услужливое орудіе краснаго застѣнка.

Неотвязной тѣнью онъ бродилъ по палатѣ, въ которой умиралъ его бывшій соратникъ по борьбѣ съ большевиками, и жадно ловилъ каждое слово, бросаемое въ бреду умирающимъ.

Прислушивался и записывалъ.

Записывалъ и ежедневно передавалъ свой „бюллетень“, кому слѣдуетъ.

А Агѣевъ агонизировалъ.

Въ моментъ проясненія сознанія, онъ настоялъ на томъ, чтобы къ нему впустили эсера Лебедева, которому пытался что то открыть, но не рѣшился.

Объ этомъ самъ Лебедевъ разсказывалъ въ своей статьѣ о свиданіи съ Агѣевыъ во газетѣ „Дни“.

Когда положеніе здоровья Агѣева улучшалось, — настроеніе въ „высшихъ сферахъ“ становилось тревожнѣе, а въ „Новой России“ печатались лицемѣрныя замѣтки о надеждахъ на выздоровленіе „дорогого товарища“ А. М. Агѣева.

Агѣевъ скончался, и въ „сферахъ“ началось дѣловое оживленіе.

Изъ этого печальнаго случая, а вѣрнѣе изъ этого заранѣе обдуманнаго убійства, рѣшено было извлечь максимумъ пользы, какъ въ смыслѣ своихъ агитаціонныхъ трюковъ, такъ и въ смыслѣ ликвидаціи всевозможныхъ слуховъ о принадлежности покойнаго къ правымъ эсерамъ.

Въ доказательство вѣротерпимости, существующей въ совѣтской Россіи, рѣшено было служить въ каѳедральномъ соборѣ панихиды по православному обряду.

Всѣ эти панихиды были обставлены большой помпой и . . . совсѣмъ какъ въ совѣтской Россіи.

Шеренгой у входа собора выстраивались стражари по приказу помощника градоначальника Трифонова, за спинами ихъ суетились болгарскіе и русскіе сыщики „Российскаго о-ва Краснаго Креста" и, наконецъ, въ условленный часъ къ церкви на автомобиляхъ подъѣзжала вся совѣтская знать.

„Борисъ Николаевичъ" (Шведовъ, онъ же Краснославскій) становился въ центрѣ собора, а вокругъ него неразмыкаемой цѣпью выстраивались вооруженные чекисты.

Весь „Совнародъ" и вся редакція „Новой России" обязаны были также аккуратно посѣщать всѣ эти панихиды, во время которыхъ не полагалось класть крестнаго знамени, а снисходительно это предоставлялось дѣлать церковному причту.

Послѣ окончанія панихиды, всѣ почтительно разступались передъ „Борисомъ Николаевичемъ", а возлѣ него, дробно семеня ногами, уже юлили фигуры Булацеля, Казмина и пронырливаго В. Холодковскаго.

— Булацель расчищалъ „Борису Николаевичу" дорогу, а Холодковскій указательнымъ пальцемъ пытался услужливо поддержать его локоть.

И на все это всякому наблюдательному глазу было омерзительно смотрѣть.

— Тьфу, какая мерзость!—сказалъ мнѣ по русски одинъ знакомый болгаринъ, присутствовавшій на панихидѣ.

Пришлось молча согласиться съ нимъ.

. . . .

Кто видѣлъ похороны А. М. Агѣева, тотъ знаетъ, сколько красныхъ знаменъ рѣяло надъ процессіей, сколько было пролито въ рѣчахъ вдохновителей убійцъ лицемѣрныхъ и крокодиловыхъ слезъ.

Было и „Жертвою пали“, и „Интернаціоналъ“, и „Вышли мы всѣ изъ народа“, были и вѣнки съ трогательными надписями, и т. д. . .

Въ эти дни, только посвященные могли познать потрясающую новую истину: нѣтъ дна человѣческой подлости, страшенъ и безобразенъ человѣкъ въ моральномъ паденіи своемъ!

Да, устроители этихъ похоронъ были внѣшне люди какъ люди, но предъ лицемѣрнымъ блудомъ ихъ блѣднѣло дѣяніе Іуды, все же удавившагося отъ тоски.

О, эти люди не удавятся никогда!

И не удавились.

Продѣлавъ эту грандіозную демонстрацію, они сунули, какъ ненужный хламъ, трупъ Агѣева сначала въ мертвецкую, а затѣмъ и закопали гдѣ то возлѣ кладбища . . . Вѣдь измѣнникамъ палачей, даже ихъ трупамъ, нѣтъ мѣста въ Россіи!

— Такъ для чего же тогда большевиками были устроены такія торжественныя похороны? — спроситъ читатель.

Отвѣтъ одинъ и тотъ же. Нѣтъ дна человѣческой подлости. Страшна и смрадна становится душа тѣхъ,

кто разъ-навсегда рѣшается итти служить своимъ вчерашнимъ врагамъ.

Служа у нихъ, надо пользоватся ихъ же оружіемъ, которымъ они держатъ Россію въ кровавомъ кулакѣ, а міръ въ страхѣ приближенія заразы.

Ложь, лицемѣріе, предательство, наемные штыки и черные застѣнки — вѣдь это ихъ единственная система.

Иной имъ не нужно.

И это узнаютъ всѣ тѣ, кто идетъ къ нимъ, и долженъ помнить и знать всякій тотъ, кто, убаюканный сказками агитаторовъ о Россіи, впадаетъ въ муки тяжкихъ сомнѣній.

. . . .

Ликвидировавъ Агѣева, они занялись ликвидаціей самаго страшнаго врага ихъ — генерала Покровскаго. .

Въ ресторанѣ „Счастье", подъ градоначальствомъ, съ ранняго утра и до поздняго вечера шумитъ большевицкій муравейникъ, и часто появляется фигура всесильнаго Чайкина въ сопровожденіи своихъ тѣлохранителей: Германа, „Фильки", „матроса Женьки" и др..

При его входѣ вся свора смѣновѣхнувшихся, бывшихъ контръ-развѣдчиковъ, трепетно и почтительно встаетъ и вытягивается у своихъ столовъ, обильно уставленныхъ водкой, винами и яствами. Чайкинъ бросаетъ всѣмъ снисходительный кивокъ, подзываетъ къ себѣ небрежно пальцемъ, кого нужно, и вновь исчезаетъ . . .

Въ обѣденный часъ появляется и Сема Фиркинъ все съ тѣми же: Германомъ и „Филькой", въ сторонѣ отъ него пристраивается и Казминъ, бывшій редакторъ газеты „На Родину", и начинается пьянство.

Но раздѣленіе на ранги соблюдается и здѣсь. Фир-

кинъ занимаетъ мѣсто въ центрѣ, Казминъ и Холодковскій пристраиваются на отдаленномъ разстояніи сбоку, а вся „шпана“ вдоль стѣны.

И вся эта новая совѣтская опричина тревожно и угодливо каждую минуту смотритъ и въ ротъ, и въ глаза Семы Фиркина.

Фиркинъ — видная шишка изъ Москвы, состоящій въ родствѣ съ Зиновьевымъ, диктаторомъ совѣтской коммуны, и держится почти особнякомъ.

Иногда онъ сунетъ кому нибудь два пальца, и ихъ жадно ловитъ и пожимаетъ дрогнувшая рука вчерашняго полковника, а нынѣ „гражданина Р.С.Ф.С.Р“..

Въ одинъ изъ такихъ обѣденныхъ часовъ какъ то случайно попалъ въ этотъ ресторанъ какой-то русскій изъ провинціи и за стаканомъ вина сталъ говорить своему собесѣднику, что то не одобрительное о совѣтской Россіи.

Фиркинъ сдѣлалъ знакъ, и къ этому несчастному мгновенно подлетѣлъ „Филька“, ударомъ кастета въ лицо свалилъ его на полъ, къ нему подоспѣлъ Германъ и, избивая жертву на глазахъ у публики, поволокли ее въ градоначальство.

А когда я, не выдержавъ этой безобразной сцены, крикнулъ Фиркину:

— Зачѣмъ бьютъ? Прикажите прекратить! — тогда сидящіе рядомъ со мной мои знакомые, такіе же „смѣновѣховцы“, какъ и я, въ паническомъ ужасѣ схватили меня за руки и въ страхѣ шептали:

— Что вы дѣлаете? Вы съ ума сошли!

Да, я сошелъ съ ума: я не допускалъ мысли, чтобы представитель „Рокк‘а“ могъ приказать своимъ опричникамъ не только арестовать хулителя Совдепіи, но и избивать его.

А вѣдь такъ и было.

На мой возгласъ Фиркинъ мрачно оглядѣлъ меня и ничего не отвѣтилъ.

Сидѣвшіе рядомъ со мной смѣновѣховцы поспѣшили пересѣсть отъ меня за другой столъ, а я вышелъ на улицу.

— Вотъ и возвращайся на „родину" теперь! — думалъ я, направляясь домой.

Вскорѣ послѣ этого случая, меня вызвалъ изъ квартиры на улицу Попковъ и, ехидно улыбаясь, заявилъ мнѣ:

— А ваше дѣло дрянь... Вамъ крышка... Вамъ въ Россіи не поздоровится.

— Почему?

— Это мое дѣло, а только это такъ. Я ужъ знаю.

— Ну, такъ знайте и другое: я въ Совдепію не собираюсь! — отвѣтилъ я.

Немного оказалось нужно для того, чтобы попасть мнѣ на подозрѣніе товарищу Фиркину: всего лишь безуспѣшная попытка протеста противъ хулиганской расправы его опричины...

. . . .

Вскорѣ меня постигло большое личное горе. Изъ Россіи я по почтѣ получилъ письмо отъ своей бывшей жены, въ которомъ она сообщала, что уже третій годъ замужемъ, счастлива, въ моихъ заботахъ и въ моемъ возвращеніи не нуждается. Такимъ образомъ, жертва, принесенная во имя ея, благодаря провокаціи — жертва, совѣстью и работой въ качествѣ „спеца" въ „Новой Россіи" — оказалась напрасной.

На другой день, съ этимъ письмомъ въ карманѣ я встрѣтился въ ресторанѣ „Малага" съ однимъ землякомъ, генераломъ N., который интересовался также

судьбой своей семьи и возможностями чрезъ „Совнародъ“ пробраться домой.

Я ему откровенно заявилъ, что связываться съ „Совнародомъ“ не совѣтую, передалъ свои настроенія и показалъ письмо.

Письмо и мой разсказъ произвели сильное впечатлѣніе на генерала и онъ заявилъ:

— Надо ѣхать въ провинцію копать землю. Вижу, что до Россіи намъ еще далеко.

Во время бесѣды мы пили вино, я охмелѣлъ, а когда мы рѣшили уходить, то письма у меня въ наружномъ карманѣ пальто не оказалось.

На другой день меня вызвалъ въ „Контининталь“ по какому то дѣлу Булацель, а въ корридорѣ меня встрѣтилъ „Филька“ съ грознымъ опросомъ:

— Вы читали вчера въ ресторанѣ письмо отъ жены?

— Читалъ.

— Зачѣмъ?

— Это мое частное дѣло.

— Гм . . . А кто съ вами сидѣлъ?

— Мой хорошій знакомый.

— Это генералъ N., — заявилъ „Филька“, онъ контръ-революціонеръ, а вы съ нимъ разговариваете.

Я ничего не отвѣтилъ, а пошелъ прямо къ Булацелю, котораго дома не засталъ.

Для меня стало ясно, что за мной слѣдятъ, что въ ресторанѣ сидѣли позади меня агенты „Рокк'а“, которые вытащили изъ кармана пальто мое печальное письмо.

„Ужасъ . . . . ужасъ . . . и ужасъ! — думалъ я, распутывая этотъ клубокъ провокаціи, предательства, шпіонажа и прочей мерзости.

— На другой день я посвятилъ въ свою бесѣду съ „Филькой“ генерала N., который сообщилъ мнѣ, что рѣ-

шилъ сегодня же ѣхать въ провинцію. Мы попрощались, онъ снабдилъ меня своимъ конспиративнымъ адресомъ и выѣхалъ изъ Софіи.

— Гдѣ вашъ знакомый генералъ N.? — Спросилъ меня черезъ два дня „Филька“.

— Не знаю . . . Не видѣлъ . . . — Отвѣтилъ я.

— Гм . . . Ладно!—угрожающе пробурчалъ „Филька“ и отошелъ отъ меня.

Далѣе мнѣ пришлось убѣдиться, что моя переписка съ генераломъ N. частью пропадаетъ, частью перлюстрируется, и я прекратилъ ее.

Повторяю, что передаю эти детали читателямъ лишь для того, что бы иллюстрировать ту мерзость безконечной гнусности, въ которой вынуждены были барахтаться всѣ тѣ, кто такъ или иначе соприкасался съ ними.

Не успѣли они заручиться поддержкой правительства Стамболійскаго, какъ въ центрѣ Болгаріи, въ самой столицѣ ея, образовалось большевицкое болото, а въ зловонной тинѣ его вольно или невольно увязли многіе несчастные русскіе люди.

. . . .

XXV.

Николай Литвинъ.

Несомнѣнно талантливый и даровитый журналистъ, онъ является однимъ изъ самыхъ „солидныхъ“ пріобрѣтеній здѣсь на Балканахъ большевицкихъ агентовъ.

Еще редактируя на Кабани въ Екатеринодарѣ при Деникинѣ „Голосъ Кубанца“, я обратилъ вниманіе на его прекрасные очерки, присланные въ редакцію съ фронта, и полюбилъ его, какъ хорошаго мастера своего дѣла.

Вскорѣ я очутился въ городѣ Ростовѣ, гдѣ на средства покойнаго генерала Покровскаго предполагалъ приступить къ изданію большой газеты „Слово Россіи“.

Первымъ моимъ дѣломъ въ Ростовѣ было — познакомиться лично съ Николаемъ Литвинымъ и предложить ему сотрудничество въ моей будущей газетѣ, на что онъ охотно согласился.

Неожиданная эвакуація Ростова разрушила мои издательскіе планы, и я, и Николай Литвинъ очутились въ Екатеринодарѣ.

Въ Екатеринодарѣ Николай Литвинъ пристроился въ „Вѣстникъ Донского Круга“, редактируемый Харламовымъ, въ редакціи котораго мнѣ приходилось съ нимъ встрѣчаться.

Человѣкъ онъ былъ скрытной, себѣ на умѣ, и узнать его тогда ближе мнѣ не пришлось.

Послѣ новороссійской катастрофы, я черезъ два мѣсяца очутился въ Севастополѣ и встрѣтилъ на Нахимовской улицѣ Литвина въ сопровожденіи какого то донского есаула.

Онъ былъ мраченъ и озлобленъ.

— Что у васъ тутъ въ столицѣ? — поинтересовался я.

— Скверно . . . — Началъ онъ. — Врангель или потерялъ голову, или сознательно сталъ на путь реставраціи . . .

— Какая тутъ „реставрація“, — засмѣялся я, — когда мы на клочкѣ Россіи копошимся?

— Въ томъ то и дѣло, а Врангель уже титулуется „Правителемъ“, ему въ газетахъ пишутъ диффирамбы и открыто называютъ Петромъ Великимъ II-мъ . . .

— Ну, и пусть называютъ! — улыбнулся я.

— Да, но окруженіе его ужасно... Кругомъ черная сотня . . . Попы и Епископъ Веніаминъ открыто призываютъ на фронтѣ къ возстановленію монархіи. Крестьянство за Врангелемъ не пойдетъ, и мы погибнемъ.

— Погибнемъ, можетъ быть, потому, что насъ — мало, а Деникинъ оставилъ тяжелое наслѣдство, — сказалъ я.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ я.

— Ничего . . , и ничего не хочу дѣлать.

— Въ этомъ наше и горе, — замѣтилъ я, — всѣ критикуемъ, а Врангель мечется по всему фронту: онъ вѣдь одинъ!

Литвинъ ничего не отвѣтилъ. Стоявшій съ нимъ донской есаулъ ему поддакивалъ, и дальнѣйшая бесѣда съ ними мнѣ показалась скучной.

— Ну, уѣзжайте, — посовѣтовалъ я, — уѣзжайте и не мѣшайте Врангелю сдѣлать послѣднюю попытку спасти, если не Россію, то насъ, а то вѣдь вырѣжутъ большевики насъ, какъ курятъ.

Мы распрощались, но Литвинъ заграницу не уѣхалъ, а спасъ свою жизнь, какъ и всѣ мы, на той армадѣ судовъ, которую вывелъ Врангель изъ Крыма.

Въ Константинополѣ онъ замѣтно полѣвѣлъ и уже сотрудничалъ въ газетѣ „Presse du soir“, которая въ то время вела травлю противъ Русской Арміи и генерала Врангеля.

Прибывъ затѣмъ въ Софію, онъ началъ писать въ газетѣ „Русское Дѣло“, поддерживавшей генерала Врангеля, а затѣмъ и сталъ во главѣ ея.

Послѣ переѣзда „Русскаго Дѣла“ въ Сербію, я съ удивленіемъ читалъ восторженныя статьи Николая Литвина, посвященныя доблести „Галлиполійцевъ“.

Когда я окончательно порвалъ съ большевиками, появился въ Софіи Николай Литвинъ.

Мы встрѣтились случайно на улицѣ, и межлу нами произошелъ слѣдующій діалогъ.

— Давно вы здѣсь?

— Дня четыре.

— Что подѣлываете.

— Думаю ѣхать дальше, въ Константинополь . . . А вы?

— Я ничего . . . Натворилъ глупостей и не найду выхода.

— Слышалъ о васъ. Знаю, что вы со мной въ газетѣ „Новая Россия“ полемизировали. Вамъ, Валеріанъ Вячеславовичъ, надо въ Россію ѣхать.

— Нѣтъ, Богъ съ ней, съ такой Россіей.

— Вамъ виднѣй.

— А вы, Николай Кирилловичъ, вѣхъ не смѣнили?

— Оффиціально нѣтъ.

— Думаете?

— Нѣтъ, пока не думаю.

— И не мѣняйте, Николай Кирилловичъ, повѣрьте мнѣ, я вамъ добра желаю. Жуткіе тамъ люди!

— Они вездѣ такіе . . .

— Нѣтъ, Николай Кирилловичъ, такихъ вы нигдѣ

не встрѣтите. Счастіе ваше, что вы до сихъ поръ „уцѣлѣли“ . . .

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Мы распрощались, а черезъ два дня я читалъ письмо-статью Николая Литвина въ „Новой России“ — „Къ тѣмъ, кто медлитъ“.

Въ ней онъ порывалъ съ своимъ бѣлымъ прошлымъ и объявлялъ о томъ, что идетъ служить совѣтской власти.

Тогда я вспомнилъ одну случайно оброненную имъ когда то въ бесѣдѣ со мной фразу:

— Если понадобится для моего благополучія наступить ногой и перешагнуть черезъ умирающаго на моемъ пути человѣка, то я это сдѣлаю.

И онъ перешагнулъ.

Наступилъ каблукомъ на душу усталыхъ и измученныхъ бойцовъ Русской Арміи, спасшихъ ему жизнь, и пошелъ служить палачамъ.

Онъ, Николай Литвинъ, котораго знали и любили читать „Галлиполійцы“ . . .

Впослѣдствіи, когда мною были предприняты шаги къ возобновленію прерванныхъ связей съ старыми друзьями по газетной работѣ, одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, журналистъ Р., передалъ мнѣ чрезвычайно характерную деталь изъ момента политическаго „перелома“ Николая Литвина.

Оказывается, въ день встрѣчи со мной, Николай Литвинъ побывалъ у Р. . Встрѣтились они какъ друзья, единомышленники по газетной работѣ.

Послѣ объятій заговорили о журналистахъ „смѣновѣховцахъ“.

И наканунѣ своего „смѣновѣховства“ Н. Литвинъ говорилъ буквально слѣдующее:

— Я не осуждаю такихъ, какъ, напримѣръ,

Валеріанъ Патекъ, Поповскій; перваго толкнули на этотъ путь очень сложныя переживанія, а второго голодъ. Я ничего не скажу о Холодковскомъ, объ этомъ моральномъ и физическомъ недоноскѣ . . .

— Но . . . Гриммъ! Эрвинъ Гриммъ! . . . Этого я не могу ни понять, ни простить . . . Человѣкъ, которому было столько дано! Когда я узналъ о его „смѣнѣ вѣхъ", мнѣ стало противно жить!

. . . .

Въ этотъ же день Литвинъ взялъ въ бывшемъ издательствѣ „Русскаго Дѣла" „авансъ" въ размѣрѣ 600 левъ, недостававшихъ ему на „дорогу въ Константинополь", а черезъ два дня онъ уже писалъ панегирики совѣтской власти и обливалъ грязью своихъ прежнихъ друзей по бѣлому движенію.

Мнѣ очень больно писать все это о Литвинѣ, котораго я любилъ, какъ очень способнаго и талантливаго журналиста, но этотъ фактъ считаю чрезвычайно характернымъ: и этика, и профессіональная порядочность - все ставится на смарку въ критическій моментъ большого моральнаго „перелома" на пути къ смѣновѣховству.

Н. Литвинъ продѣлалъ то же самое, что и Н. Казминъ со Скачковымъ, а вѣдь, къ сожалѣнію, между Казминымъ и Литвинымъ—дистанція огромнаго размѣра!

XXVI.

„Р О К К"

Съ внѣшней стороны и редакція „Новой Россіи", и аппартаменты Рокк'а на бульварѣ Фердинанда ничѣмъ не отличались отъ другихъ учрежденій подобнаго рода.

Редакція была завалена газетами и рукописями,

совѣтская миссія Кр. Креста дѣловито постукивала пишущими машинками; и тамъ шевелились озабоченные люди, и ничто не говорило о томъ, что въ самомъ сердцѣ Болгаріи, въ ея столицѣ, кипитъ подлая работа чекистовъ, съ ихъ непремѣнными спутниками: разгуломъ, пьянствомъ и развратомъ.

Съ утра до обѣда въ помѣщеніи Рокк'а происходили пріемы у „товарищей" Корецкаго,*) Озоля и даже Булацеля всевозможныхъ посѣтителей,

Корешкова я въ данномъ случаѣ въ счетъ не беру. Ибо всякій, кто побывалъ въ Рокк'ѣ два—три раза, сразу убѣждался въ томъ что „представитель" Рокк'а Корешковъ, такой же глубоко несчастный человѣкъ, какъ и всѣ остальные смѣновѣхнувшіеся бѣженцы, что онъ никакой здѣсь роли не играетъ, а является лишь ширмой и послушной пѣшкой въ рукахъ, ранѣе Семена Фиркина, а затѣмъ и Александра Корецкаго.

Если къ нему и вводили иногда ничего не понимавшаго въ обстановкѣ посѣтителя, то оба — и посѣтитель, и самъ Корешковъ—чувствовали себя весьма нелѣпо въ присутствіи непремѣннаго дежурнаго чекиста.

Оба хлопали глазами, а Корешковъ, все время озабоченно поглядывая въ глаза „чекисту", растерянно бросалъ посѣтителю, на его какую либо просьбу:

— Хорошо . . . хорошо . . . я постараюсь . . . я поговорю . . . можетъ быть, удастся . . .

И посѣтитель уходилъ съ страннымъ чувствомъ непонятной тяжести на душѣ.

А посѣтители приходили въ Рокк разные: и позондировать почву на счетъ возвращенія домой, и узнать

*) Корецкій—онъ же Зигельманъ. Настоящій Корецкій—Екатеринославскій адвокатъ, былъ разстрѣлянъ Зигельманомъ, принявшимъ фамилію убитаго. Братъ покойнаго Корецкаго въ настоящее время сенаторомъ въ Латвіи, издаетъ въ Ригѣ газету „Русская Жизнь"

о близкихъ въ Россіи, и даже были наивные чудаки — попытаться выклянчить пособіе.

Были смѣшные люди, которые подъ вывѣской „Россійскаго“ Краснаго Креста хотѣли видѣть дѣйствительно гуманитарное учрежденіе.

Конечно, ничего подобнаго въ Рокк'ѣ не было и не могло быть.

Самая настоящая „чека“, ничего общаго съ цѣлями и задачами Краснаго Креста, какъ такового, не имѣвшая...

Скажу даже больше: насколько они были безудержны въ смыслѣ денежныхъ тратъ на пьяныя вакханаліи, а также и на подкупы „генераловъ“, настолько они были нелѣпо скупы по отношенію къ общей массѣ совращенныхъ ими бѣженцевъ, состоящихъ членами Совнарода и ожидавшихъ амнистіи и отправки въ Россію.

Многіе совнародцы въ ожиданіи отправки побрасали мѣста своихъ работъ и, продавъ послѣднія пожитки, голодали въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Казалось бы, въ этомъ случаѣ совѣтская миссія Краснаго Креста могла бы политично выступить въ роли благотворительнаго и гуманитарнаго учрежденія выдачей своимъ голодающимъ гражданамъ хотя бы грошевыхъ пособій, а происходило наоборотъ: изъ „Совнарода“, — отдѣленія Рокк'а, куда они пытались обращаться за помощью и съ просьбой о справедливомъ къ себѣ отношеніи, они грубо и цинично изгонялись.

Въ этомъ случаѣ ихъ скупость меня всегда поражала, а потомъ я разгадалъ причину ея:

— Это былъ самый распоясанный цинизмъ по отношеніи къ припавшему къ ихъ ногамъ своему недавнему врагу: ты вѣхи смѣнилъ, просьбу объ амнистіи въ Москву съ указаніемъ адресовъ своихъ близкихъ, послалъ, въ Совнародъ членомъ записанъ, репутацію загра-

ницей подмочилъ разъ навсегда и . . . больше ты намъ не нуженъ, можешь погибать какъ собака . . .

И это я тоже заявляю въ полномъ сознаніи своей отвѣтственности передъ совѣстью, ибо на похороны Агѣева, на организацію убійства ген. Покровскаго и на дикія оргіи ими швырялись огромныя деньги.

Мнѣ самъ Булацель какъ то заявилъ:

— Намъ Агѣевъ и Покровскій обошлись около четырехсотъ тысячъ левовъ!

И вѣрно.

А несчастныхъ бѣженцевъ, сбитыхъ ими съ толку, „Красный Крестъ" гналъ въ шею . . .

Итакъ, внѣшне все походило на самое обычное и мирное дѣловое учрежденіе, а внутри Рокк'а день и ночь кипѣла самая настоящая чекистская работа: велись и регистрировались списки „контръ—революціонеровъ", перлюстрировались попадавшія въ Рокк' письма, какъ изъ Россіи, такъ и направляемыя туда, велся учетъ своихъ силъ въ провинціи и въ Сербіи, о чемъ своевременно и достаточно освѣдомленно сообщала газета „Русь", а также и нѣкоторыя болгарскія газеты.

По ночамъ въ помѣщеніи Рокк'а на бул. Фердинандъ происходили дикія оргіи и кутежи съ женщинами, картами и виномъ.

Все вышесказанное подтвердило и слѣдствіе болгарскихъ властей, занявшихся, послѣ паденія Стамболійскаго, раскопками въ этомъ „гуманитарномъ" учрежденіи.

XXVII.

Опросный листъ для возвращенцевъ.

Въ виду большого историческаго интереса, какъ показательный документъ откровеннаго цинизма и открытой разнузданной работы агентовъ Чека заграницей,

подъ прикрытіемъ краснокрестныхъ совѣтскихъ организацій и авторитета или безумнаго, или, не знаю, какъ назвать еще, просвѣщеннаго мореплавателя Нансена, покровительствовавшаго подобнаго рода „репатріаціи“, привожу дословно, цѣликомъ тотъ опросный листъ, который *въ четырехъ экземплярахъ* обязательно долженъ былъ быть заполненъ каждымъ, желающимъ сдаться на „милость“ побѣдителей, то есть вернуться въ Россію.

АНКЕТА № ....

для бывших рядовых солдат белых армий, из'явивших желание возвратиться на Родину в силу постановления об амнистии, изданнаго ВЦИК от 3 ноября 1921 года.

1) Фамилия, имя и отчество ....

2) Год, месяц, число рождения и какой местности уроженец ....

3) Сословная принадлежность до революции ....

4) Национальность ....

5) Подданство ....

6) Какое получил образование (перечислить все учебныя заведения, в которых учился) ....

7) Семейное положение ....

8) Из кого состоит Ваша семья в данное время (жена, дети), указать имена, точный адрес и род их занятий ....

9) Есть-ли у Васъ отец, мать, братья, сестры, указать их имена, где в данное время проживают, чем занимались до революции и последнее время ....

10) Какие и когда Вы занимали должности в гражданских и полицейских учреждениях до военной службы и чем занимались до поступления на военную службу ....

11) Состояние здоровья ....

12) Каким языком владеете кроме русского ....

13) Когда поступили вообще на военную службу и в качестве кого ....

14) Были-ли при об'явлении войны в 1914 году призваны по мобилизации, пошли-ли добровольцем ....

15) Последний чин и должность в старой армии до Февральской революции ....

16) Служили-ли в Красной армии, в каких частях, и должностях, с какого и по какое время

17) Причины перехода в белую армию и при каких обстоятельствах

18) Были-ли арестованы или привлечены к ответственности, каким органомъ Советской власти, за что и какие наказания понесли

19) Где находились, какие занимали должности и в каких частях с Октябрьской революции до поступления в белую армию

20) Когда и где поступили на службу и в какую белую армию и каким образом (добровольно или по мобилизации)

21) Когда и где, и в какихъ бояхъ принимали участие в белой армии, и в какой должности тогда находились

22) Имеете-ли знаки отличия, когда, где и зачто получили

23) Какое принимали учестие в революцию 1905 года и где в это время находились

24) Какое принимали участие в Февральской и Октябрьской революции и где в это время находились

25) Если относились несочувственно к Октябрьской революции то почему (Ваши убеждения в этот период)

26) Укажите к каким политическим партиям принадлежали в течении всей вашей жизни, принадлежите ли к какой нибудь в настоящее время, или какой сочувствуете

27) Подвергались ли репрессиям за революционную деятельность, когда и за что именно

28) Кто Вас знает из видных Советских или партийных работников (их адреса). Указать двух товарищей

29) Есть-ли родственники в Красной армии, кто они и гдѣ находятся

30) Есть-ли родственники в белых армиях, оперирующих против Красной армии, кто они и где находятся

31) Какие должности занимали в белой армии и Ваш последний чин

32) Укажите Ваше политическое настроение в дан-

ный момент

33) К какому роду деятельности Вы более склонны

34) Почему желаете ехать в Советскую Россию

35) Какое место жительства желаете избрать в Советской России

Примечание; анкету заполнять в трех экземплярах.

Собственноручная подпись

Год, месяц, число

Город, село, местечко (в Болгарии)

Центральный номер членской карты

Групповой номер

Если внимательно просмотрѣть всѣ пункты этой, съ позволенія сказать, „анкеты", то пунсты 8-й и 9-й ясно говорятъ о томъ, что съ момента записи совнародца въ списокъ возвращенца чекистами проводится въ жизнь самый жестокій принципъ заложничества.

Заполняя анкету, возвращенецъ предаетъ не только самого себя, но мать, отца, жену, дѣтей и все то, что связано съ нимъ кровными узами.

Далѣе, пунктъ 10-й, конечно, мало говоритъ о забвеніи прежнихъ грѣховъ противъ „революціи" несчастнаго возвращенца: клеймо каторжника онъ этимъ пунктомъ долженъ наклеитъ себѣ самъ, иначе, при невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, разстрѣлъ неминуемъ.

Затѣмъ пунктъ 14-й производитъ рѣзкое дѣленіе на лицъ, патріотически настроенныхъ, что, конечно, съ точки зрѣнія чека является преступленіемъ, и на лицъ, болѣе или менѣе пассивно относившихся въ моментъ начала величайшей трагедіи государства къ судьбамъ своего отечества.

Остальные пункты не нуждаются въ комментаріяхъ, такъ какъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Какъ курьезный примѣръ утраты границъ чекистами въ своемъ цинизмѣ, слѣдуетъ лишь отмѣтить пунктъ 30-й: на какую безмѣрную глупость или под-

вость возвращенца ведется ими расчетъ, если они предлагаютъ эмигранту пожаловать въ объятія Чека въ качествѣ цѣннаго заложника родственниковъ, *нынѣ оперирующихъ* противъ красной арміи.

Вѣдь такой чудакъ или прохвостъ долженъ прямо и просто написать, примѣняясь къ настоящему моменту, приблизительно слѣдующее:

— Имѣю сына (отца), участвующаго въ отрядѣ зеленыхъ на Кавказѣ (или въ Ѳерганской области).

Этотъ пунктъ по возвращеніи совнародца тамъ, въ Россіи въ застѣнкахъ чека, превратится въ цѣлую кровавую симфонію:

— Вы заполнили пунктъ 30-й?

— Такъ точно, заполнилъ.

— Вы писали, что въ такомъ то отрядѣ вашъ отецъ?

— Да.

— Какимъ образомъ Вы объ этомъ узнали?

— Получилъ кружнымъ путемъ сообщеніе заграницей.

— Извольте этимъ же путемъ снестись съ нимъ.

Остальное все понятно...

Четыре экземпляра этого документа, точно заполненнаго, говорятъ лишь объ идеальной постанокѣ жандармской дѣятельности въ царствѣ свободы и труда.

Охранка старой Россіи — младенецъ въ сравненіи съ этими поборниками Свободы, Правды и Равенства!

XXVIII.

Исповѣдь.

Какъ же ты, пишущій эту книгу, прошелъ свой страдный путь среди этихъ жуткихъ людей и вернулся къ старымъ вѣхамъ? Какъ могъ ты, разъ измѣнивъ,

вновь вернуться къ старымъ знаменамъ?

Къ этому вопросу я готовился давно, скажу даже больше: къ отвѣту на судѣ своей собственной совѣсти я въ какомъ то, до сихъ поръ непонятномъ мнѣ предчувствіи ожидающей меня нравственной катастрофы, готовился съ самаго начала моего „смѣновѣховства“.

И этотъ отвѣтъ я готовъ дать въ своей книгѣ сейчасъ.

Не собираясь ни передъ кѣмъ оправдываться, такъ какъ за свои ошибки я понесъ достаточное наказаніе въ видѣ нравственныхъ пытокъ, я все же считаю необходимымъ разсказать о нисходящихъ ступеняхъ, по которымъ опустился до роли „спеца“ въ большевицкой газетѣ.

Прежде всего нѣсколько словъ о моихъ автобіографическихъ данныхъ.

Я сынъ бѣдной интеллигентной семьи и воспитывался въ чрезвычайно бѣдной обстановкѣ.

Бѣдность моихъ родителей не позволила мнѣ нормально закончить среднее образованіе, и съ 16 лѣтъ я вынужденъ былъ самъ пробивать себѣ дорогу службой и тяжелой упорной работой.

Радостные дни моей жизни начались со дня моей литературной карьеры. Началъ я выступать въ Петербургѣ въ цѣломъ рядѣ еженедѣльныхъ журналовъ печатаніемъ разсказовъ и стиховъ.

Съ момента же великой войны я окунулся въ газету и вскорѣ занялъ, какъ журналистъ, опредѣленное положеніе.

Работалъ и въ Петербургѣ, и въ крупныхъ центрахъ провинціи, какъ, передовикъ и публицистъ.

Редактировалъ въ провинціи цѣлый рядъ газетъ съ большимъ тиражомъ.

Былъ въ Петербургѣ отвѣтственнымъ выпускаю-

щимъ въ газетѣ „День“ и секретаремъ В. Л. Бурцева въ „Общемъ Дѣлѣ“.

Всю жизнь отличался большой энергіей и работоспособностью.

Былъ женатъ и счастливъ въ своей семейной жизни, и беззавѣтно любилъ свою жену.

Съ того момента, когда я попалъ въ изгнаніе, судьба меня покинула: не стало былой энергіи, утрачена была воля и утерянъ смыслъ жизни.

Я заболѣлъ безумной тоской по женѣ и тревогой за ея участь.

Всѣ мои попытки стать на ноги заграницей кончались крахомъ и еще большимъ паденіемъ въ состояніе безнадежнаго нищенства.

Короче — я зналъ и понялъ разъ-навсегда, что безъ возврата къ моему семейному очагу я долженъ погибнуть.

Въ этомъ состояніи и засталъ меня большевицкій шквалъ, неожиданно налетѣвшій въ Болгарію.

Мнѣ не хотѣлось бы останавливаться на моихъ интимныхъ чувствахъ къ моей бывшей женѣ, но скажу одно:

— Если бы мнѣ тогда предложили пріѣхать въ Россію для того, чтобы попрощаться съ женой и потомъ быть разстрѣлянным, — я бы согласился на эту комбинацію съ благодарной радостью.

Если бы мою жену большевики приговорили къ смерти, и я бы смогъ замѣнить ее, то и это я сдѣлалъ бы, не колеблясь не минуты.

„Мѣняя вѣхи“, я опредѣленно зналъ, что совѣтская власть мнѣ жизни не даруетъ, но надѣялся, что передъ казнью въ Россіи мнѣ такъ или иначе дадутъ возможность увидѣть ее.

И только поэтому я рѣшился пойти на этотъ шагъ.

Ибо, повторяю, безъ нея у меня былъ утраченъ смыслъ дальнѣйшаго бытія, а безъ смысла не было ни воли, ни силы бороться за существованіе.

Все это я учелъ, но не учелъ одного:

— Возможности перемѣны положенія у моей жены.

Когда я рѣшался на свой тяжелый шагъ, я былъ убѣжденъ, что она такъ же, какъ и я, погибаетъ безъ моей поддержки.

Я считалъ нечестнымъ оставаться здѣсь и пользосаться правомъ на жизнь.

Все это многимъ можетъ показаться страннымъ, но таковъ до того времени былъ укладъ моего характера.

Такъ же чувствовала и думала моя жена, пока я ее зналъ.

И если бы въ ту минуту меня поставили къ стѣнкѣ, она бы стала рядомъ со мной.

Такъ было.

Такъ было раньше. —

Неумно? Нелѣпо? Достоевщина?

Но вѣдь у насъ такъ было на самомъ дѣлѣ. И тѣмъ ужаснѣй, тѣмъ непонятнѣй непостижимый ударъ, нанесенный мнѣ ею.

Ясно одно: большевики не только разрушили Россію, но и растлили души своихъ несчастныхъ рабовъ.

Иного объясненія я придумать не могу.

Ибо не могъ же религіозный и глубоко хорошій человѣкъ, какимъ я зналъ свою жену, создагь себѣ новую семейную жизнь при живомъ мужѣ!

А вѣдь это случилось.

* * *

Итакъ смысла жизни не было, воли къ ней не было, и я погибалъ.

Я бы хотѣлъ видѣть такого человѣка, который утоая и захлебываясь въ морѣ, не схватился бы за спаса-

тельный поясъ, брошенный ему самымъ злостнымъ его врагомъ.

Я бы хотѣлъ видѣть утопающаго человѣка, въ моментъ гибели разсуждающаго, честно ли схватиться судорожной рукой за конецъ каната, брошенный ему большевикомъ?

Я не герой, и на проявленіе величія духа никогда не претендовалъ.

. . . .

„Мѣняя вѣхи" я постоянно копошился въ своей совѣсти, подвергая каждое свое дѣйствіе болѣзненной критикѣ:

— Честно ли это?

Вотъ ступени вопросовъ и отвѣтовъ, по которымъ я съ каждымъ днемъ ниже и ниже сходилъ въ своемъ смѣновѣховствѣ.

— Я погибаю . . . Погибаю потому, что къ тяжелому физическому труду не способенъ, потому что потерялъ волю къ дальнѣйшей борьбѣ за существованіе. Могу ли я путемъ „смѣны вѣхъ" притти къ какому либо, можетъ быть, ужасному въ Россіи концу.

Совѣсть отвѣтила:

— Могу.

Если бы я жилъ въ Совдепіи съ семьей и мнѣ бы грозила опасность гибели, отъ которой я могъ бы избавиться, работая какъ „спецъ" въ большевицкихъ изданіяхъ, работалъ бы я въ нихъ?

-- Работалъ бы.

— Какая разница между положеніемъ моимъ, какъ человѣка притиснутаго къ стѣнкѣ голодомъ, тоской по близкимъ и семьѣ, плюсъ безправнаго и беззащитнаго при режимѣ Стамболійскаго, впустившаго въ Болгарію цѣлую свору чекистовъ, и положеніемъ гражданина Р. С. Ф. С. Р..

— Большая: я погибаю одинъ на чужбинѣ, а гражданинъ Р.С.Ф.С.Р. въ кругу своихъ близкихъ на родинѣ,

— Почему у меня нервы должны быть крѣпче, чѣмъ у Лойдъ-Джоржа, заигрывающаго съ Чичеринымъ, чѣмъ у Англіи, Италіи, Германіи, Болгаріи, Японіи и прочихъ націй, которыя черезъ посредство своихъ вождей пытаются вступить въ экономическія сношенія съ разбойниками, захватившими власть въ Россіи?

— Даже самому порядочному Донъ — Кихоту не пришло бы въ голову задавать такой вопросъ.

— Почему наборщикъ, будучи коммунистомъ, можетъ набирать бѣлогвардейскія статьи и пользоваться уваженіемъ своихъ товарищей, а я, въ условіяхъ болгарской Совдепіи, не могу писать имъ какъ „спецъ", безъ имени?

— Да, но въ статью ты вкладываешь душу и дарованіе, которымъ ты приносишь вредъ той идеѣ, которой служилъ.

— Никакой души не вкладываю, а пишу какъ профессіоналъ на заданныя темы, или какъ конторщикъ пишущій на машинкѣ подъ диктовку. Что касается вреда, причиняемаго Бѣлой Идеѣ, то, слава Богу, я не Дорошевичъ, не Яблоновскій, не Аркадій Аверченко и другіе мастера пера, а потому . . .

— А потому не будешь писать ты, тебя замѣнятъ другимъ, и другой напишетъ такъ, какъ и ты. И большевчики отъ этого ничего не потеряютъ, и Бѣлой Идеѣ этимъ отказомъ отъ работы ты пользы не принесешь.

— Такъ почему же ты не подписываешь своихъ статей своимъ именемъ, а подъ ними красуются вымышленные псевдонимы.

— Хотя я и не Дорошевичъ, но я человѣкъ, имѣющій человѣческое имя. Давъ свое имя, я этимъ говорю, что высказываю свое мнѣніе. Поэтому ни одной

статьи у большевиковъ я не подпишу; я не раздѣляю того, что пишу, а въ этомъ ничего удивительнаго не вижу: революція показала міру такіе узоры дикихъ чудесъ . . .

— Такъ пиши въ такомъ случаѣ похуже, побездарнѣй, лѣвой ногой или, какъ писалъ бы конторщикъ канцелярскую бумагу.

— Стараюсь, но не могу. Выходитъ лучше. Чѣмъ я виноватъ, что прошелъ хорошую школу газетчика?

Вотъ, приблизительно, по такимъ ступенямъ я докатился до сомнительнаго, можетъ быть, оправданія своей работы въ качествѣ „спеца" въ большевистской газетѣ.

Когда на улицѣ подходили ко мнѣ мои знакомые „колеблющіеся" и спрашивали совѣта, я твердо отвѣчалъ:

— Справки можете получить въ Совнародѣ. Совѣтовъ не даю: это дѣло совѣсти и разумѣнія каждаго.

— А вы какъ поступите? пытали меня, — вы же у нихъ служите?

— Сейчасъ служу, а завтра можетъ быть не буду служить,

— Въ Россію поѣдете?

— Никогда.

Въ то время я уже зналъ, что произошло у меня дома.

Отмѣчу еще курьезный случай, иллюстрирующій дикое состояніе моего раздвоенія.

У квартиры генерала Ронжина остановился экипажъ, изъ котораго вышелъ мой хорошій знакомый, полковникъ генеральнаго штаба, служащій въ арміи генерала Врангеля.

— Ну, какъ Вы поживаете? — пожималъ онъ мнѣ руку.

— Плохо... безнадежно, — отвѣтилъ я.

— Ну, я васъ могу порадовать, есть хорошія новости: генералъ Врангель получилъ...

— Виноватъ, — остановилъ я полковника, — я не имѣю права слушать .. Я уже „смѣнилъ вѣхи" и работаю въ большевицкой газетѣ.

— Жаль, жаль, поспѣшили.. — и полковникъ признательно еще разъ пожалъ мнѣ на прощанье руку за своевременное предупрежденіе.

Я поступилъ правильно: „смѣновѣховство" вѣдь такая штука, отъ которой до омерзительнаго акта предательства одинъ шагъ.

И этого я боялся.

— Почему вы не хотите подписать ни одной статьи своимъ именемъ? — спрашивалъ меня Казминъ, до полученія письма изъ дому.

— Выжидаю, — отвѣчалъ я.

— Почему вы не подпишете теперь статьи, вѣдь у васъ все съ бѣлыми порвано, васъ они все равно не пощадятъ? — спрашивали меня въ редакціи „Новой России", послѣ полученія письма изъ дома.

— Не желаю, — коротко отвѣчалъ я.

— Какъ же вы въ Россію, — поѣдете?

— Никогда не поѣду.

Конечно, это сразу ставило меня въ положеніе „зачумленнаго" среди остальныхъ членовъ редакціи.

Еще деталь:

„Мѣняя вѣхи", я не заикался о деньгахъ, то-есть не пытался рвануть первый кушъ за уходъ изъ бѣлаго стана, что дѣлали всѣ или почти всѣ.

— Вѣдь не ради же денегъ шелъ я къ нимъ, а ради...

Остальное понятно.

— Почему я послѣ полученія письма изъ дому

сразу не порвалъ съ большевиками?

— Пробовалъ, говорилъ объ этомъ журналисту И—му, но ничего не вышло. Писалъ Ивану Лукашу, товарищу по работѣ, въ Берлинъ, но отвѣта не получилъ. Пробовалъ черезъ „Накануне" получить визу въ Германію, чтобы тамъ поговорить съ Гессеномъ, и это не удалось.

Словомъ хватался, какъ утопающій за все.

. . . .

Нынѣ это кончилось.

И кончилось навсегда.

И теперь я самъ себѣ задаю послѣдній вопросъ:

— Честно ли поступилъ я, „смѣнивъ вѣхи" и работая у негодяевъ?

И отвѣтъ, несмотря на предыдущее самооправданіе, у меня одинъ:

— Это самое подлое, что я когда либо совершилъ въ своей жизни.

И не дай Богъ никому испытать все то, что я испыталъ въ связи съ этимъ моимъ „смѣновѣховствомъ".

XXIX.

Разрывъ.

Дольше дышать однимъ воздухомъ со всей сворой подхалимствующихъ холоповъ Корецкаго и Озоля стало невыносимо.

Послѣдніе мѣсяцы я почти ничего не писалъ, а посѣщалъ редакцію просто по обязанности раза два въ недѣлю, чтобы не навлекать на себя подозрѣній.

Въ то время еще царилъ режимъ Стамболійскаго и мой открытый уходъ могъ грозить мнѣ серьезной опасностью.

Жизнь мнѣ тогда была недорога, но я задался цѣлью: во что бы то ни стало написать эту книгу.

Я обращался къ различнымъ лицамъ съ просьбой объ устройствѣ мнѣ визы въ Сербію, или свиданія съ представителями русскихъ бѣлыхъ организацій, но всѣ мои попытки кончались неудачей.

Потерявъ надежду на визу, я рѣшилъ порвать со смѣновѣховствомъ самостоятельно, на свой рискъ и страхъ.

3-го мая я заявилъ Низяеву, что больше посѣщать редакцію „Новой России“ не стану.

Въ теченіе десяти дней я скрывался на окраинѣ, голодая и въ полномъ почти одиночествѣ, если не считать одного человѣка, искренно мнѣ сочувствовавшаго, и хлопотавшаго обо мнѣ, имени котораго, я не могу пока назвать.

Дней черезъ десять послѣ разрыва я вышелъ въ городъ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Терскимъ.

— Гдѣ вы пропадаете? Васъ хотятъ видѣть. . . вамъ приготовлены деньги въ редакціи. . . Пріѣхалъ изъ Москвы Лунченковъ и привезъ вамъ амнистію.

— Я не хлопоталъ о ней.

— Да, но васъ зоветъ къ себѣ М-нъ. *) Вы можете ѣхать въ Москву. Вамъ и деньги авансомъ дадутъ. Идите вечеромъ въ Рокк, Лунченковъ тамъ живетъ. Онъ васъ уже нѣсколько дней ищетъ

— Хорошо, хорошо,—поспѣшилъ я отдѣлаться отъ Терского, но рѣшеніе созрѣло: назадъ не возвращаться, и къ Лунченкову я не пошелъ.

Вскорѣ свершился въ Болгаріи переворотъ, и я вздохнулъ свободно.

Явившись къ редактору газеты „Русь" Калинникову, я заручился его согласіемъ напечатать мое письмо въ редакцію о разрывѣ съ большевиками.

Черезъ два дня это письмо появилось въ газетѣ „Русь".

Съ тѣхъ поръ я никого изъ своихъ товарищей по „смѣновѣховству" не видѣлъ и не встрѣчалъ.

И вздохнулъ свободнѣй.

Огромный камень съ души былъ сброшенъ.

И навсегда!

(* М-нъ — молодой журналистъ, еврей, нынѣ занимающій большое положеніе въ Москвѣ.

XXX.

Заключенiе.

Черная безпросвѣтная ночь жизни началась для меня, какъ и для многихъ тысячъ русскихъ бѣженцевъ, съ того дня, какъ я голодный, оборванный и нищiй вступилъ на чужую землю.

Въ безпрерывной агонiи, въ постоянной бѣшеной борьбѣ за кусокъ хлѣба, въ невылазной грязи всевозможныхъ ночлежекъ и общежитiй я познал весь ужасъ бездомнаго изгнанiя.

И мнѣ казалось, что до сихъ поръ я испилъ всю горькую чашу мукъ до дна. Но это было невѣрно. Самое страшное началось для меня со дня моего грѣхопаденiя.

Если раньше, послѣ какой нибудь упорной работы, мнѣ удавалось обезпечить себя на недѣлю, я все же имѣлъ возможность ощущать нѣкоторую относительную безмятежность своего бытiя.

Я былъ гордъ сознанiемъ своей ненарушенной честности и стойкости духа въ изгнанiи.

Съ момента моего „смѣновѣховства" я безпрерывно до оффицiальнаго разрыва съ большевиками, носилъ въ душѣ своей камень содѣянной подлости.

Я не зналъ въ теченiи всего перiода моего „смѣновѣховства" ни одной ночи, ни одного дня покоя.

Началу „смѣновѣховства" предшествовали всѣ атрибуты большевицкой агитацiи: вино, кокаинъ и опять вино.

Почти въ пьяномъ полузабвенiи прошелъ этотъ весь страшный въ моей жизни перiодъ.

Проблески сознанiя въ моментъ отрезвленiя духа и

организма душились всеобщимъ презрѣніемъ моихъ бывшихъ знакомыхъ и друзей, а мои попытки, начатыя почти съ декабря прошлаго года, вернуться къ нимъ — встрѣчали полное равнодушіе и недовѣріе.

Нынѣ, печатая эти очерки, я съ каждымъ днемъ чувствую себя крѣпче и сильнѣе на своемъ неудачномъ жизненномъ пути,

Многіе мнѣ не простятъ моего „смѣновѣховства", но и этого я сейчасъ не ищу. Я хочу лишь добиться права снова послужить своимъ перомъ дѣлу освобожденія моей родины.

Муки Іуды, измѣнившаго своему учителю, какъ я — знамени, — для меня кончились.

Я хочу, чтобы эта книга послужила серьезнымъ предостереженіемъ для всѣхъ тѣхъ, кто начинаетъ колебаться . . .

И хочу, чтобы, прочитавъ ее, наши друзья и враги поняли и увидѣли самое главное.

— Россіи нѣтъ, и нѣтъ всероссійской власти, Есть страшные люди, вооруженные до зубовъ, которые превратили нашу прекрасную страну въ сумасшедшій домъ...

Если моя книга выполнитъ эти двѣ задачи, — я реабилитированъ въ глазахъ своихъ братьевъ по изгнанію.

Валеріанъ Патекъ.

Софія 1923 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.